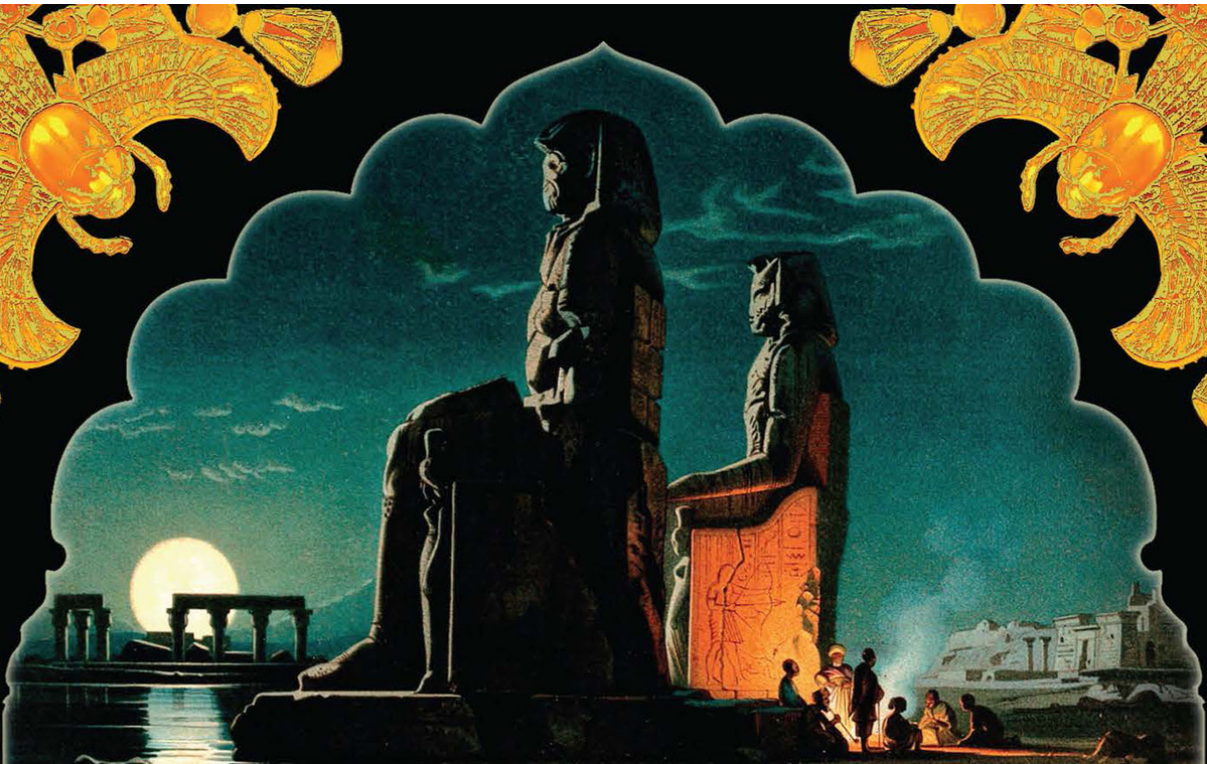

УИЛБУР СМИТ

РЕЧНОЙ БОГ

Роман

Потрясающий роман.
Его читаешь, затаив дыхание,
с его героями трудно
расстаться!

Times

Древний Египет

Уилбур Смит

Речной бог

«Азбука-Аттикус»

1993

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

Смит У.

Речной бог / У. Смит — «Азбука-Аттикус», 1993 — (Древний Египет)

ISBN 978-5-389-16783-4

Слабый правитель способен свести на нет все достижения предшественников... Пока фараон наслаждается пышными празднествами и зрелищем кровавых мистерий, междоусобная война расшатывает могущество Древнего Египта, на границах свирепствуют дикие племена, за пределами городов бесчинствуют разбойники, а с востока к берегам Нила приближаются полчища варваров-гиксосов на колесницах, запряженных невиданными гривастыми зверями. Понимая, что ослабленному царству грозит неминуемая гибель, супруга фараона и мать наследника царица Лостра решает покинуть Стовратные Фивы. С помощью своего верного слуги и советника Таиты она снаряжает огромную флотилию, чтобы отступить к верховьям Нила, сохранив египетский народ и армию. Впереди — страшные пороги Великой реки и неведомые земли Африки, полные чудес и опасностей...

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-389-16783-4

© Смит У., 1993
© Азбука-Аттикус, 1993

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	91
-----------------------------------	----

Уилбур Смит

Речной бог

Этот роман, как и многие другие свои книги, я посвящаю своей жене Даниэль Антуанетте

Нил, несущий свои воды на страницах романа, пленил нас обоих. Мы провели много счастливых дней, путешествуя по этой реке и гуляя по ее берегам. Как и наша жизнь, книга моя рождена той Африкой, где мы с тобой были вместе.

Однако любовь моя к тебе, дорогая, глубже и сильнее Великой реки.

Река лежала посреди пустыни тяжелой и блестящей полосой расплавленного металла, вытекающей из горна. Небо было затянуто жаркой дымкой, и солнечные лучи опускались на землю как удары кузнечного молота. Высокие холмы по краям долины Нила, казалось, дрожали под этими ударами.

Наша ладья быстро скользила у островков папируса. Берег находился так близко, что слышался скрип «журавлей», подававших воду на поля. Их мелодичное поскрипывание гармонично сливалось с пением девушки на носу ладьи.

Лостре было четырнадцать. Последнее половодье Нила началось в тот самый день, когда ее первые месячные расцвели красным цветком и жрецы Хапи сочли это совпадение крайне знаменательным. Лостра – имя, выбранное для взрослой женщины и заменившее ее детское имя, – означало «дочь воды».

Память об этом дне жива во мне. С годами Лостра станет еще более красивой, еще более гордой и величественной, но никогда больше не будет сиять она тем ошеломляющим светом девственности, который излучала в тот день. Каждый мужчина на борту ладьи, даже воины на скамейках гребцов, ощущал это сияние. Ни я, ни кто-либо другой не могли отвести от нее глаз. Ее вид наполнял мое сердце чувством собственного убожества и глубокой острой тоской. Хотя я и евнух, но оскотили меня после того, как я познал радость женского тела.

– Таита, – позвала она меня, – пой со мной!

Я повиновался, и она заулыбалась от удовольствия. Мой голос был одной из причин, по которой она всегда, когда это было возможно, старалась держать меня поблизости: мой тенор великолепно, до совершенства дополнял ее нежное сопрано. Мы пели одну из старых крестьянских песен о любви. Она выучила ее в детстве и до сих пор любила.

Встречу я милого, раненой птицей
Сердце трепещет, к небу взлетая.
Он улыбнется – щеки зардеются,
Словно согретые утренним солнцем.

С кормы ладьи слышался другой голос и присоединился к нам. Это был голос мужчины, глубокий и сильный, хотя и не столь чистый и звонкий, как мой. Если мой голос можно было бы сравнить с песней дрозда на рассвете, то этот голос походил на рык молодого льва.

Лостра обернулась, и улыбка заиграла на ее лице, как лучи солнца на поверхности Нила. Мне пришлось проглотить жгучий комок зависти, когда я увидел эту улыбку, хотя предназначалась она моему другу. Я заставил себя с любовью улыбнуться Тану, так же как и Лостра.

Отец Тана, Пианки, вельможа Харраб, был одним из величайших и знатнейших людей Египта, но матерью его стала дочь вольноотпущенного раба из племени техену. Как и у многих из ее народа, у нее были светлые волосы и голубые глаза. Она умерла от болотной лихорадки,

когда Тан был еще ребенком, и поэтому я плохо помню ее. Однако старые женщины говорят, что такая красота редко встречается в обоих царствах на берегах Нила.

Однако отца Тана я знал хорошо и задолго до того, как он потерял свое огромное состояние и обширные владения, которые одно время могли сравниться с владениями самого фараона. Это был смуглый человек с большими египетскими глазами цвета полированного обсидиана. Пианки можно было назвать скорее сильным, чем красивым, человеком, с сердцем щедрым и благородным. Некоторые даже считали, что у него было слишком щедрое и доверчивое сердце, поэтому он и умер в нищете, а сердце его разбили те самые люди, кого он считал своими друзьями. Он умер в забвении, вдали от ярких лучей благосклонности фараона.

Казалось, что Тан унаследовал все самые лучшие черты своих родителей, за исключением несметного богатства. По характеру и по силе своей он пошел в отца, по красоте – в мать. Так почему же любовь моей госпожи должна меня огорчать?

Я тоже любил его, а кроме того, я, бедное бесполое существо, никогда не мог бы обладать ею, даже если бы боги смогли поднять меня над моим теперешним положением раба. Однако такова ненормальность человеческой природы: я жаждал иметь то, что не мог иметь, и мечтал о невозможном.

Лостра сидела на подушке на носу ладьи, а у ее ног лежали ее рабыни – две маленькие черные девушки из Куша, гибкие, как пантеры, и совершенно нагие, если не считать золотых колец на шее. Сегодня Лостра надела только юбку из белого льна, белую и сверкающую, как крыло цапли. Обласканная солнцем, кожа ее напоминала смазанную маслом древесину кедра с гор Ливана. Грудь, увенчанная гранатовыми остриями сосков, были размером со спелый инжир.

Она сняла парадный парик и заплела волосы в одну большую косу, которая толстой веревкой висела у нее на груди. Очертания раскосых глаз подчеркивали легкие мазки серебристо-зеленой малахитовой пудры, искусно нанесенной на веки. Глаза тоже были зеленые – того самого ярко-зеленого цвета нильской воды, когда половодье кончается и река снова возвращается в свое русло, оставив на берегах драгоценный ил. На золотой цепочке между ее грудей висела фигурка Хапи, богини Нила, сделанная из золота и драгоценного лазурита. Разумеется, фигурка была великолепна, так как я собственными руками создал ее.

Внезапно Тан поднял правую руку со сжатым кулаком. Гребцы как один перестали грести и подняли весла, концы которых заблестели на солнце. Затем Тан налег на рулевое весло, и одновременно гребцы по левому борту стали грести назад, глубоко опуская весла в воду и оставляя цепочку маленьких водоворотов на зеленой воде реки. Гребцы по правому борту начали быстро грести вперед. Ладья повернулась так резко, что палуба угрожающе накренилась. Затем гребцы с обоих бортов налегли на весла, и ладья рванулась вперед. Острый нос, украшенный синими глазами Гора, раздвинул густые заросли папируса, и она выскользнула из стремнины реки и пошла по спокойным водам лагуны за зарослями тростника.

Лостра перестала петь и, прикрыв глаза от солнца, посмотрела вперед.

– Вон они! – закричала она и протянула вперед изящную маленькую ручку. Остальные ладьи флотилии Тана перегородили южный край лагуны, словно огромной сетью закрыв выход из залива в реку.

Разумеется, Тан выбрал себе место на северном фланге. Он знал, что охота там будет самая яростная. Я пожалел об этом. Не потому, что я трус, а потому, что мне нужно было позаботиться о безопасности моей госпожи. Она всеми правдами и неправдами старалась попасть на охоту на борту ладьи «Дыхание Гора» и, конечно, заставила меня помогать ей. Когда отец узнает, а узнает он непременно, о ее присутствии в самом горячем месте охоты на гиппопотамов, мне не поздоровится. Но если ему также доложат, что она оставалась с Таном целый день, даже мое привилегированное положение не сможет защитить меня от его гнева. Указания относительно этого молодого человека были однозначны.

Однако, судя по всему, волновало это только меня. На борту «Дыхания Гора» все были охвачены возбуждением. Тан властным жестом остановил гребцов, и ладья медленно заскользила по поверхности реки и тихо остановилась, покачиваясь. Зеленая вода была спокойна, и, когда я поглядел за борт, на меня уставилось мое собственное отражение. В который раз меня поразило, как хорошо сохранилась моя красота, несмотря на минувшие годы. Мне казалось, будто лицо мое было красивее ожерелья небесно-голубых лотосов, которое обрамляло его. Однако времени любоваться собственным отражением не было. На борту поднялась суета.

Один из ближайших помощников Тана поднял на мачте его личный вымпел. На нем красовалось изображение синего крокодила с большим застывшим хвостом и разинутой пастью. Только военачальник такого ранга, как лучший из десяти тысяч, имел право на собственный вымпел. Тан достиг столь высокого ранга и стал командиром отряда Синего Крокодила, личной, отборной охраны фараона, когда ему еще не исполнилось и двадцати лет.

Вымпел на верху мачты стал сигналом к началу охоты. Далеко, почти на горизонте, суда флотилии пришли в движение. Крошечные на расстоянии, блестящие на солнце весла стали ритмично бить по воде, поднимаясь и опускаясь, как крылья летящих гусей. За кормой судов оставались многочисленные ряды неподвижных волн, которые возникали на поверхности спокойных вод и долго не исчезали, будто вылепленные из плотной глины.

Тан опустил за корму гонг. Он представлял собой длинную бронзовую трубу. Ее конец находился под водой. Если ударить бронзовым молоточком по этой трубе, пронзительные вибрирующие звуки разнесутся по воде, заставляя нашу добычу замирать от страха. К несчастью, я знал, как легко этот страх переходит в смертельную злобу и ярость.

Тан рассмеялся, глядя на меня. Несмотря на возбуждение, почувствовал мое беспокойство. Для грубого солдата он был необычайно чутким человеком.

– Иди сюда, Таита. Поднимись на кормовой мостик! Ты будешь бить в гонг. Это отвлечет тебя от забот о твоей прекрасной шкуре.

Его легкомыслие оскорбило меня. Однако предложение подняться на мостик я принял с облегчением, так как тот находился высоко над водой.

Я выполнил его приказ не спеша, с достоинством. Проходя мимо Тана, задержался на мгновение и упрекнул его:

– Позаботься хоть немного о безопасности моей госпожи. Слышишь, парень? Не толкай ее на безрассудство, она такая же сумасшедшая, как и ты. – Я мог говорить так со знаменитым начальником десяти тысяч, потому что он был моим учеником и не раз моя трость гуляла по его воинственным ягодицам. И теперь он усмехнулся в ответ, как и тогда, с таким же вызывающим и дерзким выражением лица.

– Предоставь даму мне, умоляю тебя, дружище. Поверь, ничто не доставит мне большего удовольствия.

Я не стал упрекать его за подобные слова и невежливый тон, потому что спешил на свое место на корме. Оттуда я видел, как он поднял свой лук.

Его лук был известен во всем войске, и не только в войске, но и на всем протяжении реки от моря до порогов. Я сам сделал для него этот лук, когда ему перестали нравиться те маленькие луки и стрелы, с которыми ему приходилось иметь дело. Я предложил тогда сделать лук не из тонких деревьев, растущих по берегам реки, а из какого-либо другого материала, хотя бы из такого редкого, как сердцевина оливы, растущей на земле хеттов, или черного дерева, растущего в Куше, или таких необычных материалов, как рог носорога или бивень слона.

Однако первая попытка поставила перед нами множество проблем. Главной из них оказалась хрупкость всех этих экзотических материалов. В первозданном состоянии слоновая кость трескалась при сгибании, и только из самого большого и дорогого бивня мог получиться лук. Я решил эту проблему, расщепив бивень меньшего размера на длинные полосы и склеив из них

прут достаточной длины и толщины, чтобы сделать большой лук. К сожалению, он оказался слишком тугим – никто не мог его натянуть.

Следующим естественным шагом было склеить в одном пруте все четыре названных материала: дерево оливы, черное дерево, рог носорога и слоновую кость. На пробы различных сочетаний этих материалов и различных типов клея ушли многие месяцы. И все же нам так и не удалось приготовить достаточно хороший клей. В конце концов я решил и эту проблему, надумав обмотать прут тонкой проволокой из сплава золота и серебра, чтобы отдельные полосы различного материала не расходились. Я приказал двум крепким мужчинам помочь Тану, и только совместными усилиями они смогли согнуть и обмотать прут лука, пока клей еще был горячий. Клей остыл, и мы получили почти совершенное сочетание силы и упругости.

Затем я разрезал на полосы кишку огромного черногривого льва, которого Тан убил боевым копьем с бронзовым наконечником во время охоты в пустыне, продубил эти полосы и скрутил из них тетиву. В результате у меня получился сверкающий лук такой мощи, что только один человек из всех, кто пробовал его натянуть, смог сделать это.

Обычно в войске учат стрелять так: воин встает лицом к мишени и натягивает лук, пока стрела с тетивой не упрется в середину груди; лучник держит ее, целясь, и выпускает стрелу по команде. Однако даже у Тана не хватало силы удерживать стрелу у груди. Ему пришлось разработать совершенно новый стиль стрельбы: встав боком к мишени и глядя на нее через левое плечо, он резко вскидывал левую руку и одним движением правой натягивал тетиву со стрелой, пока оперение не касалось его губ. Мышцы груди и рук гордо вздувались. В тот самый момент, когда лук был натянут полностью, он выпускал стрелу, казалось, почти не целясь.

Сначала стрелы летели наобум, как дикие пчелы из улья, но он тренировался изо дня в день, из месяца в месяц. Стер пальцы правой руки в кровь о тетиву лука, но потом они зажили и загрубели. Внутренняя часть левого предплечья покрылась синяками и ссадинами там, где тетива билась о руку. Чтобы защитить ее, я сделал кожаный щиток, а Тан непрестанно тренировался стрелять из этого лука по мишеням.

Даже я успел разувериться в способности стрелка овладеть таким оружием, но Тан на сдавался. Медленно, мучительно медленно он все-таки овладел оружием и даже научился выпускать подряд три стрелы быстрее, чем первая долетит до цели. И по крайней мере две из трех попадали в мишень – медный диск размером с голову человека, стоящий в пятидесяти шагах от Тана, – а летели они с такой силой, что легко пробивали диск толщиной с мой мизинец.

Тан назвал свое мощное оружие Ланатой, и имя это не случайно совпало с детским именем моей госпожи. Теперь он стоял на носу корабля с самой женщиной и держал ее теску в руке. Парочка получалась чудесная, но вели они себя слишком открыто, и я не мог не беспокоиться.

– Госпожа, немедленно идите сюда, на корму! – резко позвал я. – Там находится небезопасно.

Она даже не обернулась в мою сторону и только молча показала мне кукиш. Вся команда видела это, и самые смелые заржали. Наверное, черная служанка научила Лостру этому жесту, который больше подходит «дамам» из портовых таверн, чем дочери дома Интефа. Я собирался было упрекнуть ее, но тут же оставил мысль об этом – госпожа моя воспринимает укоры только в определенном настроении. Вместо этого я начал достаточно энергично бить в бронзовый гонг, скрывая огорчение и тревогу.

Пронзительный вибрирующий звук разнесся над зеркальными водами лагуны, и в то же мгновение воздух наполнил шелест крыльев. Тень закрыла солнце, когда с островов папируса, небольших озер и открытой воды между зарослями тростника в воздух поднялась туча водоплавающих птиц самых различных пород: черно-белые ибисы с хищными клювами, священные птицы долины реки; стаи издающих гортанные звуки гусей в живописном плюмаже, каждый с рубиновой капелькой в середине шеи; зеленовато-голубые или черно-белые цапли с мечеобразными клювами и огромными крыльями; уток было столько, что рябило в глазах.

Охота на диких птиц – одно из страстных увлечений египетской знати, но сегодня мы охотились на другую дичь. В тот же момент я заметил далеко впереди волнение на зеркальной поверхности воды. Оно было сильным, и сердце мое тревожно забилося: я знал, какой ужасный зверь движется под водой. Тан тоже заметил его, но реакция была противоположной. Он издал вопль гончей, почуявшей след, и команда заорала вместе с ним, налегая на весла. Ладья «Дыхание Гора» понеслась вперед, подобно одной из птиц, которые закрыли солнце над нашими головами, а госпожа моя завизжала от возбуждения и ударила кулачком по мускулистому плечу Тана.

Впереди снова появилась мутная волна, и Тан дал сигнал рулевому следовать за ней. Я продолжал колотить в гонг, чтобы укрепить свой дух и поддержать в себе храбрость. Когда мы достигли места, где видели движение под водой в последний раз, корабль медленно заскользил по воде и остановился. Все люди на борту стали внимательно глядеть в воду вокруг ладьи.

Так уж случилось, что я один посмотрел под корму. Здесь было мелко, и вода была почти прозрачной, как воздух. Я издал пронзительный звук почти так же громко и резко, как и моя госпожа, и отскочил от поручней, потому что чудовище находилось прямо под нами.

Гиппопотам – ближайший друг Хапи, богини Нила. Мы могли охотиться на него только с ее позволения. Ради этого Тан молился и приносил жертвы в храме в то утро, а моя госпожа стояла рядом с ним. Правда, Хапи – ее покровительница, но я сомневаюсь, что она стала бы с таким желанием участвовать в церемонии только по этой причине.

Животное, которое я увидел под нами, оказалось огромным старым самцом. Мне почудилось, что величиной он был с нашу ладью. Гигантское тело грузно перемещалось по дну лагуны. Вода замедляла его движения, и он выглядел чудовищем из кошмарного сна. Копыта его поднимали ил со дна, похожий на облачка пыли от копыт диких антилоп, несущихся по пустыне.

С помощью рулевого весла Тан развернул ладью, и мы помчались за ним. Хотя его галоп казался медленным и церемонным, гиппопотам быстро удалялся от нас. Темный силуэт исчез в зеленых глубинах лагуны впереди.

– Навались! Вонючее дыхание Сета на ваши головы! Навались! – зарычал Тан на своих людей, но стоило только одному из его подчиненных тряхнуть узловатым кнутом, как он нахмурился и покачал головой. Я ни разу не видел, чтобы Тан пустил в ход кнут без особой необходимости.

Внезапно животное выскочило на поверхность и выпустило из легких облако зловонного пара. Вонь окутала нас, хотя мы находились на расстоянии более полета стрелы. На какое-то мгновение спина гиппопотама образовала блестящий гранитный остров посреди лагуны, затем он быстро вдохнул и опять исчез под водой.

– За ним! – зарычал Тан.

– Вот он! – закричал я и, повернувшись, показал за борт. – Он возвращается!

– Отлично, дружище, – со смехом похвалил меня Тан. – Из тебя еще можно сделать воина.

Предложение было смехотворным, потому что я писец, мудрец и художник. Мой героизм – героизм ума. Однако похвала Тана наполнила меня радостью. На мгновение мои страхи растворились в азарте погони.

К югу от нас остальные ладьи тоже присоединились к охоте. Жрецы Хапи вели строгий учет количества животных в лагуне и разрешили убить пятьдесят гиппопотамов для приближающегося праздника Осириса.

После этого в лагуне останется стадо в триста голов священных животных. Именно такое количество жрецы считали идеальным для того, чтобы водные пути к храму не зарастали, заросли папируса не наступали на орошаемые поля, а храм, в свою очередь, получал необходимое количество мяса. Жрецы храма имели право есть мясо гиппопотама круглый год, а не только в течение десяти дней праздника Осириса.

Тем временем охота распространилась по водам лагуны. Словно в изящном танце, суда флотилии вертелись и делали пируэты, преследуя перепуганных животных, которые ныряли, выпускали воздух и хрипели, выныривали снова за воздухом, скрывались под водой. Каждое следующее погружение становилось короче предыдущего, а водовороты на поверхности воды появлялись все чаще и чаще, поскольку легкие не успевали наполниться до того, как преследующая ладья заставляла нырнуть. Бронзовые гонги на кормовых мостиках непрерывно звенели, и звон смешивался с возбужденными криками гребцов и командами кормчих. В этом диком шуме я тоже начал кричать и подбадривать гребцов вместе с самыми кровожадными охотниками.

Тан гнался за самым первым и самым большим животным. Он не обращал внимания на самок и молодняк, которые появлялись на расстоянии полета стрелы, и преследовал огромного самца, несмотря на все его хитрости и резкие повороты. Постепенно ладья настигала гиппопотама. Даже в азарте охоты я не мог не восхититься той ловкостью, с какой Тан управлял «Дыханием Гора», а остальные подчинялись его командам-сигналам. Ему всегда удавалось без кнута добиваться наилучших результатов от своих подчиненных. А что еще помогло бы так стремительно подняться до столь высокого звания, не имея состояния, без поддержки богатого покровителя? Он добился всего только благодаря собственным заслугам, несмотря на козни тайных врагов, создававших препятствия на его пути.

Внезапно гиппопотам вынырнул в тридцати шагах от носа корабля. Огромная черная спина заблестела на солнце, и тучи пара вырвались из ноздрей, словно это было существо подземного мира, пожирающее тех, на кого обращается гнев богов.

Тан натянул тетиву, вскинул лук и почти мгновенно пустил стрелу. Ланата пропела свою звонкую смертоносную песню, и стрела обманчивой искрой исчезла с глаз. Еще не затих свист первой, а за ней одна за другой последовали еще две.

Тетива пела, как лютня, и стрелы впивались в гиппопотама, погружаясь в его тело на всю длину. Он заревел и скрылся под водой.

Эти стрелы я специально приготовил для такой охоты. Вместо оперения на древках были маленькие поплавки из древесины баобаба, какие рыбаки ставят на сети для того, чтобы держать их на плаву. Поплавки удерживались на стрелах во время полета и срывались с древка, как только животное начинало тащить их в толще воды. Тонкая льняная нить прикреплялась к бронзовым наконечникам. Намотанная на древко, она освобождалась, как только поплавки отделялись. Теперь, когда гиппопотам помчался от нас под водой, три маленьких поплавка выскочили на поверхность и запрыгали за ним следом. Я покрасил их в бросающийся в глаза ярко-желтый цвет. Мы видели, где находится гиппопотам, даже если он уходил в глубину лагуны.

Теперь Тан контролировал каждое движение мечущегося гиппопотама и мог либо загородить ему дорогу ладьей, либо всадить в него еще несколько стрел, как только блестящая спина показывалась на поверхности. Скоро гиппопотам тащил за собой целую гирлянду красивых желтых пробок, а в воде за его спиной растекалось кровавое пятно. Даже в горячке погони я не мог не пожалеть раненое животное. Всякий раз, когда оно выскакивало на поверхность, град свистящих смертоносных стрел обрушивался на него. Молодая госпожа не разделяла моих чувств. Она была возбуждена до предела и верещала от захватывающего ужаса и восторга погони.

Гиппопотам снова появился впереди ладьи. В этот раз он повернулся мордой к «Дыханию Гора» и бросился прямо на нас. Пасть его распахнулась, и горло открылось, словно туннель ярко-красной плоти, который без труда проглотил бы человека целиком. По бокам челюстей торчали такие страшные зубы, что у меня перехватило дыхание и по коже побежали мурашки. Из нижней челюсти торчали огромные серпообразные клыки, которыми зверь расправлялся с тугими стволами папируса, а в верхней – белели мощные прямоугольные зубы, каждый раз-

мером с мой кулак, способные прокусить корпус «Дыхания Гора», как пшеничную лепешку. Недавно мне представилась возможность осмотреть труп крестьянки. Она потревожила самку гиппопотама с новорожденным детенышем, когда резала папирус на берегу реки. Женщину рассекло пополам так чисто, как будто ее ударили острейшим бронзовым клинком.

И вот теперь рассвирепевшее чудовище, разинув пасть с торчащими клыками, надвигалось прямо на нас. Хотя я стоял высоко на кормовом мостике, но онемел от ужаса и не мог ни двинуться с места, ни произнести слово. Я застыл, как храмовая статуя.

Тан пустил стрелу прямо в разинутую пасть. Но агония животного была столь ужасна, что оно, казалось, не почувствовало боли от новой раны, хотя та, возможно, и оказалась смертельной. Гиппопотам несся на «Дыхание Гора». Он издал страшный рев злобы и смертельной боли, где-то в глубине изуродованного горла лопнула артерия, и теперь сгустки крови разлетались из его открытой пасти. В ярких лучах солнца кровь падала в воду и превращалась в облачка красного тумана, одновременно красивого и ужасного. Затем гиппопотам врезался в корму.

Ладья «Дыхание Гора» рассекала воду со скоростью бегущей газели, а разъяренный гиппопотам мчался еще стремительнее. Туша его была столь велика, что в момент столкновения показалось, будто мы налетели на скалу. Гребцы попадали со скамеек, а меня с такой силой бросило вперед, на поручни мостика, что выбило воздух из легких и грудь охватила тяжелая, как скала, боль.

И все же, несмотря на страдания, я тревожился только о моей госпоже. Сквозь слезы я видел, как ее от толчка швырнуло вперед. Тан протянул было руки, чтобы спасти ее, но тоже потерял равновесие, и лук помешал. Ему удалось лишь на мгновение задержать ее. Потом она наткнулась на поручни и, изогнувшись над водой, отчаянно замахала руками в воздухе.

– Тан! – закричала она и протянула к нему руку.

С ловкостью акробата он удержался на ногах и попытался поймать ее. На какое-то мгновение их пальцы соприкоснулись, а потом ее руку будто вырвало из его ладони, и она упала за борт.

С высоты мостика я видел, как она падала. Перевернулась в воздухе, как кошка, и белая юбка поднялась вверх, обнажив длинные изящные бедра. Мне почудилось, будто падение продолжалось вечно, и мой крик боли слился с ее отчаянным воплем.

– Девочка моя! – закричал я. – Маленькая моя!

Я был уверен, что потерял Лостру. Вся ее жизнь пронеслась перед моими глазами: я снова увидел младенца, едва научившегося ходить; услышал ласковые ребячьи прозвища, которыми она награждала меня, свою любящую няньку. Увидел, как она росла и превратилась в женщину, и вспомнил каждую нашу радость и каждое огорчение. В тот момент я любил ее больше, чем когда бы то ни было за все предшествующие четырнадцать лет.

Она упала на широкую, забрызганную кровью спину разъяренного гиппопотама и на какое-то мгновение застыла на ней, словно жертва на алтаре какого-то чудовищного бога. Гиппопотам поднялся высоко над водой и повернул свою огромную бесформенную голову назад, пытаясь дотянуться до нее. Его налитые кровью пороссячьи глазки горели безумной яростью, а огромные челюсти щелкали рядом с ней.

Каким-то чудом Лостра сумела удержаться на его спине и вцепилась в пару стрел, торчавших, как ручки. Она лежала, широко раскинув руки и ноги, и больше не кричала – все силы и вся ловкость понадобились ей, чтобы выжить. Огромные клыки со звоном щелкали в воздухе, как мечи сражающихся, когда гиппопотам пытался схватить ее, и всякий раз мне казалось, будто челюсти не дотягивались на какой-то палец до плоти. Каждое мгновение я ждал, что ее милые руки и ноги будут отхвачены, как побеги виноградной лозы, а молодая алая кровь смешается с багровой кровью гиппопотама.

Тан быстро пришел в себя. Я успел заметить его лицо. Оно было ужасно. Он отбросил в сторону уже бесполезный лук и выхватил меч из ножен, сделанных из крокодиловой кожи. Блестящий бронзовый клинок был так остр, что им можно сбривать волосы на руке.

Он вскочил на борт и замер, наблюдая за бешеными прыжками смертельно раненного зверя. Потом ринулся вперед и упал, как атакующий сокол, сжимая в руках направленный вниз меч.

Тан упал прямо на толстую шею гиппопотама, оседлав его, будто собирался въехать на нем в подземное царство. Весь вес своего тела и всю энергию прыжка он вложил в один удар меча. Клинок наполовину вошел в шею чудовища у основания черепа, и Тан, сидя, как наездник, начал ворочать им, стараясь вогнать поглубже. Гиппопотам обезумел. Новая вспышка ярости превзошла все, что было до этого. Он встал на дыбы и почти полностью высунулся из воды, мотал головой из стороны в сторону, поднимая столбы брызг, которые обрушивались на палубу и то и дело, как занавес, скрывали происходящее от моего объятых ужасом взора.

Все это время пару на спине раненого чудовища немилосердно швыряло из стороны в сторону. Сломалась одна из стрел, за которую держалась Лостра, и ее чуть было не сбросило в воду. Если бы она упала, клыки гиппопотама мгновенно превратили бы ее в окровавленные лохмотья. Тан протянул руку и помог удержаться, не переставая другой загонять меч все глубже и глубже в шею чудовища.

Гиппопотам не мог дотянуться до них и начал наносить раны в собственные бока. Вода стала кроваво-красной на пятьдесят шагов вокруг. Лостра и Тан с ног до головы были забрызганы темной кровью гиппопотама. Их лица превратились в чудовищные маски, на которых сверкали белые зрачки.

Бьющийся в смертельной схватке зверь удалялся от ладьи. Я опомнился первым и заорал гребцам:

– За ними, вперед! Не упустите их!

Гребцы бросились на свои места, и ладья рванулась в погоню.

В тот самый момент меч Тана вошел между позвонками животного. Огромная туша замерла и словно окоченела. Гиппопотам перевернулся на спину и вытянул все четыре ноги. Не сгибая их, погрузился в воду и унес в глубину лагуны Лостру и Тана.

Я сдержал вопль отчаяния, застрявший у меня в горле, и заорал:

– Табань! Не раздавите их! Пловцы, на нос!

Меня самого испугало, какая сила и власть прозвучали в моем голосе. Ладья остановилась. И прежде, чем я успел подумать о благопристойности своего поступка, я увидел себя во главе толпы встревоженных воинов, прибежавших на нос. Они порадовались бы смерти любого из своих начальников, но только не Тана.

Я уже сбросил юбку и был абсолютно голым, хотя в других обстоятельствах даже угроза получить сотню ударов кнутом не заставила бы меня сделать это. Я позволял смотреть на следы ран, нанесенных мне палачом много лет назад, только одному человеку – тому самому, между прочим, который приказал кастрировать меня. Но теперь, единственный раз в жизни, я забыл о своем отвратительном увечье.

Пловец я хороший и все же, вспоминая те мгновения, не могу не ужаснуться глупости своего поступка: я искренне верю, что прыгнул бы за борт в красную от крови воду ради спасения моей госпожи. Однако, как только я собрался прыгнуть за борт, вода подо мной разошлась и из нее, словно совокупающиеся выдры, появились две головы. Одна была черноволосой, другая – светлой. И тут я услышал нечто совершенно невероятное: они смеялись. Они пронзительно кричали, выли, захлебывались от смеха, барахтаясь у борта и вцепившись друг в друга так, что вполне могли бы утопить друг друга.

Вся моя тревога мгновенно сменилась негодованием. Ведь благодаря своему легкомыслию я чуть было не совершил такой грех! Как матери инстинктивно хочется выпороть поте-

рявшего ребенка, когда она находит его, так и я вдруг услышал, что мой голос потерял власть и стал визгливым и бранчливым. Со всем свойственным мне красноречием я уже укорял госпожу и Тана, пока десятки добровольных помощников вытаскивали их на палубу.

– Безрассудная, необузданная дикарка, – бушевал я, – бездумная, эгоистичная, непослушная девчонка! Ты же обещала мне! Ты поклялась девственностью богини...

Лостра подбежала ко мне и повисла у меня на шее.

– О Таита! – закричала она, все еще захлебываясь от смеха. – Ты видел его? Ты видел, как Тан бросился спасать меня? Видел ты когда-нибудь более благородный поступок? Он похож на героя твоих лучших сказок!

То, что я сам собирался совершить такой же героический поступок, прошло мимо ее внимания. Это только усилило мое раздражение. К тому же я вдруг осознал, что Лостра потянула юбку и ее холодное, мокрое тело, прижавшееся ко мне, совершенно голое. Она продемонстрировала грубым взорам воинов и их начальников самую упругую пару ягодичек в Египте.

Я схватил ближайший щит и закрыл им наши тела, одновременно приказав рабам раздобыть юбку. Смешки рабынь только усилили мою ярость. И когда Лостра и я подобающим образом прикрыли свои тела, я обрушился па Тана:

– А ты, беззаботный негодяй! Я доложу о твоём поступке моему хозяину Интефу! Он прикажет спустить с тебя шкуру.

– Ничего подобного ты не сделаешь, – засмеялся в ответ Тан и, обхватив мокрой мускулистой рукой мои плечи, сжал меня так сильно, что ноги мои оторвались от палубы. – Потому что он с неменьшей радостью прикажет выпороть тебя. Однако я благодарен тебе за заботу, старый друг.

Он быстро огляделся, не снимая руки с моих плеч, и нахмурился. Ладья «Дыхание Гора» стояла в стороне от остальных кораблей флотилии. Охота уже закончилась. Каждое судно, за исключением нашего, получило свою долю добычи, разрешенной жрецами.

Тан покачал головой.

– Мы, по-моему, не слишком хорошо поохотились, правда? – пробурчал он и приказал одному из своих подчиненных поднять сигнал сбора флотилии. Потом натянуто улыбнулся. – Давайте разопьем кувшин с пивом. Теперь нам придется подождать, а денек был жарким.

Он пошел на нос, где рабыни хлопотали вокруг Лостры. Сначала я был еще так зол, что решил не участвовать в их импровизированной пирушке. Вместо этого я с достоинством поглядывал на них с высоты кормового мостика.

– Ах, пусть немного подуется, – театральным шепотом сказала Лостра Тану, снова наполняя его чашу пенящимся пивом. – Милый старик сильно перепугался, но он оправится от страха, как только проголодается. Он так любит покушать.

Моя госпожа была воплощением несправедливости. Я никогда не дююсь. Я не обжора, а в то время мне только что исполнилось тридцать лет. Хотя, конечно, для четырнадцатилетней девушки каждый, кто старше двадцати, кажется стариком. И должен признаться, во всем, что касается еды, у меня утонченный вкус знатока. А жареный дикий гусь с инжиром, которого она поставила на самое видное место, как нарочно, был одним из моих любимых блюд, и Лостра очень хорошо знала об этом.

Я заставил их еще немного помучиться. Только когда Тан сам принес мне чашу пива и стал со свойственной ему обходительностью уговаривать меня, я счел возможным присоединиться к ним и позволил ему отвести меня на нос ладьи. И все же я вел себя немного напыщенно до тех пор, пока Лостра не поцеловала меня в щеку и не сказала:

– Мои девочки говорят, что ты взял командование кораблем на себя, как настоящий ветеран, и уже собирался броситься в воду спасать меня. Ах, Таита, что бы я делала без тебя! – Она произнесла свою похвалу достаточно громко, чтобы все услышали.

Только после этого я улыбнулся ей и принял ломтик жареного гуся, который она настойчиво мне предлагала. Гусь был великолепен, и пиво тоже было превосходное. И все же я ел мало: нужно следить за своей фигурой, да и шутка по поводу аппетита слегка задела меня.

Во время охоты корабли флотилии Тана разбросало по всей лагуне, и теперь они стали перестраиваться. Я увидел, что некоторые ладьи пострадали так же, как и мы. Две из них столкнулись в горячке охоты, а четыре подверглись нападению раненых животных. Тем не менее они быстро заняли места в боевом строю. Затем ладьи пронеслись мимо нас с весело развевающимися вымпелами на мачтах по количеству убитых ими животных. Поравнявшись с «Дыханием Гора», команды выкрикивали приветствия, а Тан отвечал им, подняв сжатый кулак, и его вымпел с изображением синего крокодила приспускали на мачте, как будто наша флотилия только что одержала великую победу над превосходящими силами противника. Пожалуй, это ребячество, но я могу, как мальчишка, наслаждаться военным церемониалом.

Как только парад закончился, ладьи флотилии заняли места в боевом порядке и удерживали его умелыми действиями гребцов, несмотря на легкий ветерок. Убитых гиппопотамов, конечно, не было видно. Хотя охотники на каждой ладье убили хотя бы одно животное, а то и по два-три, – туши утонули в зеленой глубине лагуны. Я знал: Тан втайне переживает о том, что на «Дыхании Гора» были не столь удачливы в этой охоте. Затянувшаяся схватка с огромным гиппопотамом ограничила нашу добычу одним животным. Тан уже привык во всем быть первым. Во всяком случае, он был не так весел, как обычно, и скоро оставил нас и пошел наблюдать за починкой корпуса.

Удар гиппопотама проломил подводную часть обшивки, и теперь со дна ладьи приходилось постоянно вычерпывать воду кожаными ведрами. Это требовало усилий множества людей и отрывало гребцов и воинов от своих обязанностей. Разумеется, можно придумать что-нибудь более подходящее, решил я про себя.

И вот, ожидая, пока всплывут туши убитых животных, я послал рабыню за корзиной с письменными принадлежностями. Затем, немного поразмыслив, начал набрасывать проект устройства механического удаления воды из трюма боевой ладьи. Такое устройство не требовало усилий половины команды. Оно действовало по тому же принципу, что и оросительный «журавль». С ним вполне могли справиться два человека вместо той дюжины, которая вычерпывала воду кожаными ведрами.

Когда я закончил набросок, то задумался о столкновении с гиппопотамом, что явилось главной причиной повреждения. Исторически тактика боя речных флотилий была той же, что и тактика сухопутного боя. Ладьи располагались бортами друг к другу, обменивались залпами стрел, а затем сближались, сцеплялись, и во время abordage меч решал исход боя. Кормчие всегда действовали осторожно, стараясь избежать столкновения, так как это считалось признаком недостаточного мастерства.

«А что, если...» – внезапно подумал я и начал делать набросок ладьи с усиленным носом. Когда мысль укрепилась в моем сознании, добавил к чертежу носа рог, подобный рогу носорога, расположенный у ватерлинии. Этот рог можно вырезать из твердого дерева и обить бронзой. Если наклонить его чуть вниз, он пронзит корпус ладьи противника и вспорет ей брюхо. Я был настолько поглощен своим занятием, что не услышал, как Тан подошел и встал у меня за спиной. Он выхватил свиток папируса из моих рук и стал жадно изучать его.

Конечно, он сразу понял, что к чему. Когда его отец разорился, я попытался найти ему богатого покровителя, который помог бы поступить в какой-нибудь храм и продолжить там свое обучение. Я искренне верил, что в будущем под моим руководством он станет одним из величайших умов Египта. Возможно, со временем его имя оказалось бы в одном ряду с Имхотепом, который тысячу лет назад задумал и построил первые великолепные пирамиды в Саккаре.

Но я, естественно, потерпел неудачу, так как тот же враг, чьи ненависть и хитрость погубили отца, теперь стоял на дороге у самого Тана. Никто в нашей стране не мог противостоять его злой силе. Тогда я помог Тану поступить в войско. Несмотря на мое разочарование и дурные предчувствия, оказалось, что именно этот путь он сам избрал для себя с тех пор, как научился твердо держаться на ногах и впервые скрестил деревянный меч с мечами других детишек во дворе.

– Клянусь чирьями на задку Сета! – воскликнул он, изучив мои чертежи. – Ты и твоя кисть стоят десяти флотилий!

Тан постоянно богохульствует, упоминая великого Сета, и это всегда тревожит меня. Хотя и я, и Тан – люди Гора, никто не может безнаказанно оскорблять члена египетского пантеона богов. Лично я не могу пройти мимо святилища без молитвы или небольшого пожертвования, как бы скромнен и незначителен ни был бог, которому оно посвящено. По-моему, этого требует здравый смысл, да и вообще неплохо подстраховаться на всякий случай. Врагов хватает и среди людей, так что не стоит искать себе недругов среди богов. Я подозреваю, что Тан знает об этом и намеренно дразнит меня своими богохульствами. Однако страхи мои растаяли в теплых лучах его похвал.

– Как тебе это удастся? Сегодня я видел то же, что и ты. Почему те же мысли не пришли мне в голову?

Мы тут же погрузились в обсуждение моих чертежей. Разумеется, Лостра не могла долго находиться одна и присоединилась к нам. Служанки просушили и причесали ее волосы и подправили грим. Ее красота отвлекала меня, особенно после того, как она встала рядом со мной и небрежно положила руку на мое плечо. Она бы не прикоснулась к мужчине при посторонних, потому что это было бы нарушением обычаев и оскорблением скромности. Но я не мужчина, и, даже прислонившись ко мне, она не сводила глаз с лица Тана.

Лостра обожала Тана с тех самых пор, как научилась ходить. Спотыкаясь, она повсюду топала за ним и повторяла каждое слово и жест величественного десятилетнего Тана. Когда он плевался, она тоже плевалась, когда он ругался, она лепетала то же самое ругательство, пока Тан не взмолился однажды:

– Сделай так, чтобы она оставила меня в покое, Таита! Она же еще ребенок! – Он больше не жаловался на ее присутствие, как я заметил.

Наконец наш разговор прервал крик наблюдателя с носа ладьи. Мы все поспешили туда и уставились вдаль. Первая туша гиппопотама поднялась на поверхность. Она всплыла брюхом вверх, так как газы в кишках расширились и брюхо раздулось, как детский шарик из козьего мочевого пузыря. Гиппопотам качался на поверхности, задрав вверх ноги. Одна из ладей поспешила к туше. Матрос забрался на нее и закрепил конец веревки на ноге гиппопотама. После этого ладья начала буксировать добычу к далекому берегу.

Затем огромные туши стали повсюду всплывать на поверхность. Ладьи собирали их и тащили к берегу. Тан подцепил двух мертвых гиппопотамов к нашим кормовым буксирам, и гребцы, тяжело налегая на весла, потащили их по воде.

Когда мы приблизились к берегу, я прикрыл глаза от косых лучей заходящего солнца и посмотрел вперед. Казалось, все население Верхнего Египта, все мужчины, женщины и дети ждали нас на берегу. Их было великое множество. Они плясали, пели и махали пальмовыми ветвями, приветствуя приближающуюся флотилию. Движение белых одежд напоминало пену прибоя на коралловом рифе по краю спокойной лагуны.

Как только ладьи подплывали к берегу, группы мужчин в коротких набедренных повязках заходили по плечи в воду и закрепляли веревки на раздутых тушах. От восторга они забывали о вездесущих крокодилах, скрывающихся в мутно-зеленых водах лагуны. Каждый год эти свирепые драконы пожирали сотни людей. Иногда они нагнали настолько, что хватали детей, играющих у воды, или женщин-крестьянок, пришедших за водой или постирать одежду.

Теперь, изголодавшись по мясу, люди обо всем забыли. Они хватали веревки и тащили туши на берег. Когда туши вползали на скользкий пляж, десятки серебристых рыбок, вцепившись в раны на теле животных, не успевали отпустить свою добычу и оказывались на суше. Они прыгали по берегу, сверкая, как упавшие звезды.

Мужчины и женщины, вооружившись ножами и топорами, набрасывались на туши, как муравьи. Обезумев от жадности, они выли и рычали друг на друга, словно грифы или гиены над добычей льва, ругались из-за каждого кусочка мяса гигантского зверя. Кровь и осколки костей полотнищами взлетали в воздух от ударов клинков. Вечером у ворот храма выстроятся длинные очереди людей с глубокими ранами и отрезанными пальцами и будут просить помощи у жрецов.

И мне тоже хватит работы на половину ночи, потому что моя слава врача превосходит даже славу жрецов Осириса. При всей своей скромности я должен признаться, что заслужил ее, и Гор знает: за свои услуги я прошу более разумное вознаграждение, чем эти святоши. Мой господин Интеф позволяет мне оставлять треть всего заработка себе. Так что я человек довольно состоятельный, несмотря на положение раба.

Стоя на кормовом мостике «Дыхания Гора», я смотрел, как передо мной разворачивается пантомима человеческого ничтожества. По обычаю, населению разрешалось наедаться мясом до отвала на берегу, но уносить добычу не позволялось. Мы живем в плодородной стране, земли которой удобрены и орошены Великой рекой, и народ наш хорошо питается. Однако основной продукт питания многочисленных бедняков – зерно, и они иногда месяцами не пробуют мяса. Кроме того, во время праздника отменялись обычные ограничения повседневной жизни. Излишества разрешались во всем телесном: пище, питье и плотских страстях. Завтра у многих будут болеть животы и головы и многие супруги станут обвинять друг друга в измене. Но это будет завтра, а сейчас первый день праздника, и аппетиты ничто не сдерживает.

Я улыбнулся, увидев, как мать многочисленных детей, обнаженная до пояса и вся измазанная кровью и жиром, вынырнула из брюшной полости гиппопотама, сжимая в руках огромную печень животного, и бросила ее мальчишке из своего выводка в толкавшейся, визжавшей толпе детишек вокруг туши. Женщина снова нырнула внутрь зверя, а ребенок, схватив добычу, помчался к одному из сотен костров, разложенных вдоль берега. Там его старший брат выхватил у него печень и бросил ее на угли, а стайка детишек помладше нетерпеливо столпилась вокруг огня, пуская слюни, как щенки.

Старший подцепил зеленым прутиком едва обжаренную печень, а его братья и сестра набросились на нее и сожрали. Как только печень была съедена, они тут же с воплем требовали еще. Жир и сок полупрожаренного мяса текли по их лицам и капали с подбородков. Многие из детишек поменьше первый раз пробовали мясо речной коровы. Мясо это нежное и сладкое, с мелкими волокнами, но, главное, в нем много жира, так как оно жирнее говядины или мяса полосатого дикого осла. А мозговые кости гиппопотама – настоящий деликатес, которым не побрезговал бы сам Осирис. Народ Египта изголодался по животному жиру, и вкус его сводит всех с ума. Все набивают животы, на что имеют полное право в этот день.

Я мог себе позволить смотреть свысока на буйствующую толпу, зная, что приказчики моего господина Интефа добудут лучшие куски туши и мозговые кости для кухни дворца, где повара доведут мой ужин до совершенства. Мое влияние в доме вельможи превосходит влияние всех его слуг, даже управляющего домом или начальника охраны, хотя они свободнорожденные. Конечно, об этом никогда не говорится открыто, но все молча признают мое привилегированное положение, и мало кто осмеливается оспаривать его.

На берегу приказчики моего господина, правителя и великого визиря всех двадцати двух номов Верхнего Египта, требовали положенной ему доли. С привычной ловкостью они размахивали кнутами, охаживая голые спины и задницы, и выкрикивали свои приказы.

Зубы зверя, похожие на чистую слоновую кость, также принадлежат визирю, и приказчики собирают каждый зуб. Они ценятся так же высоко, как и бивни слонов, которые торговцы привозят из Куша – страны за порогами Нила. Последний слон был убит в Египте почти тысячу лет назад, во время правления одного из фараонов четвертой династии, – по крайней мере, так гласит надпись на стеле в его храме. Разумеется, мой господин обязан десятую долю всех доходов отдавать жрецам Хапи, которые, по обычаю, называют себя пастухами стада речных коров, принадлежащих богине. Однако величина этой десятой доли устанавливается по воле моего господина. И я, как человек, который приводит в порядок счета дворца, знаю, куда попадает львиная доля сокровищ. Мой господин Интеф не проявляет ненужной щедрости даже по отношению к богине.

Что же касается шкуры гиппопотама, она принадлежит войску: из нее сделают щиты для начальников стражи. Старшины войска наблюдают за снятием и укладкой шкур, каждая из которых размером с шатер бедуина.

Мясо, которое не будет съедено на берегу, заготовят впрок – его либо засолят, либо закоптят, либо высушат. Все считают, что оно пойдет на прокорм войска, членов суда и обитателей храмов, а также других государственных чиновников. Однако на самом деле большая его часть будет тайно продана, а средства от продажи окажутся в сундуках моего господина. Как я уже говорил, мой господин – самый богатый человек Верхнего царства после фараона, и состояние его растет с каждым годом.

За моей спиной раздался шум, и я быстро обернулся. Флотилия Тана все еще действовала. Ладьи выстроились в одну линию, нос к корме, параллельно берегу, в пятидесяти шагах от кромки воды. На каждой ладье со стороны берега у борта с копьями наготове стояли копейщики.

Запах крови и отбросов в воде привлек крокодилов. Они собрались сюда не только со всей лагуны, но даже из основного русла Нила. Копейщики ждали их. У каждого из них на длинном древке был насажен сравнительно небольшой бронзовый наконечник со страшными шипами по краям. К ушку наконечника прикреплялся крепкий и тонкий пеньковый канат.

Ловкость копейщиков поражала воображение. Стоило одному из крокодилов выскользнуть из зеленой глубины лагуны и, ударяя гребенчатым хвостом, длинной черной тенью двинуться под водой к берегу, они тут же замечали его. Крокодила пропускали под днищем, а затем, когда он появлялся с другой стороны и движения копейщиков были скрыты от него корпусом ладьи, воин наклонялся и бил зверя копьём сверху.

Удар этот несильный и, скорее, похож на легкое касание длинного шеста. Бронзовый наконечник, острый, как игла хирурга, на всю длину входил в толстую чешуйчатую кожу и застревал там. Копейщики целились в затылок, и удары их были настолько точны, что многие из них попадали в позвоночник и мгновенно убивали животное.

Если же удар проходил мимо цели, вода у борта взрывалась от метаний бьющегося в судорогах крокодила. Тогда копейщик поворотом древка высвобождал наконечник, и тот оставался в спине под бронированной кожей чудовища. Затем четверо воинов хватались за канат, привязанный к наконечнику, чтобы не упустить крокодила. Если зверь оказывался крупным – а некоторые из них достигали длины в четыре человеческих роста, – мотки каната уносились за борт, обжигая дерево и руки людей, пытающихся задержать его.

Когда начиналась борьба с раненым хищником, даже голодная толпа на пляже замирала и криками подбадривала охотников, борющихся с крокодилом, который в конце концов либо сдавался, либо обрывал канат. С резким щелчком ударив по воде, канат уходил в глубину лагуны, а моряки валились на палубу. Однако такое случалось редко. Как только команде удалось повернуть голову зверя к ладье, он уже не мог уплыть в глубину, и тогда судорожно бьющегося в белой пене крокодила подтаскивали к борту, где другие моряки ожидали его с дубинками, чтобы проломить крепчайший череп.

Туши крокодилов вытащили на берег, и я пошел осмотреть их. Кожевники из отряда Тана уже начали работу.

Дед теперешнего фараона наградил его отряд именем стражи Синего Крокодила и подарил флаг с изображением синего крокодила. Боевые доспехи этого отряда изготовлены из крепкой кожи речных драконов. Если шкуру обработать и продубить соответствующим образом, она становится достаточно прочной и может выдержать удар стрелы или остановить клинок. Крокодиловая кожа гораздо легче металла, и под солнцем пустыни в этих доспехах гораздо прохладнее. Когда Тан надевал свой шлем из крокодиловой кожи, украшенный бронзовыми бляхами, его вид вселял ужас в сердца врагов и рождал сладостные смерчи в животах девушек, попадавшихся ему на пути.

Измеряя длину и обхват каждой туши, я наблюдал за работой кожевников. В отличие от речных коров, я не испытывал ни малейшего сочувствия к этим ужасным чудовищам. На мой взгляд, в природе нет более отвратительного зверя, чем крокодил, за исключением, пожалуй, ядовитой гадюки.

Мое отвращение усилилось в сотни раз, когда кожевник распорол брюхо одной из мерзких тварей и на прибрежную грязь выскользнули останки маленькой девочки. Крокодил проглотил целиком часть ее тела выше пояса. Хотя кожа выпвела и размякла до тестообразного состояния под действием пищеварительных соков и уже начала слезать с черепа, узел волос на макушке девочки сохранился, и аккуратно уложенные косички, как змеи, вились над полупереваренным лицом. И что еще страшнее, шею девочки и переваренные до костей запястья украшали красивые браслеты из красных и синих бус.

Как только останки несчастной оказались на берегу, в толпе раздался вопль, такой громкий и душераздирающий, что он перекрыл даже гомон веселящейся толпы. Женщина растолкала воинов и, подбежав к крокодилу, упала на колени перед жалким тельцем ребенка. Она рвала на себе одежду и причитала:

– Моя дочь! Моя маленькая девочка!

Это была та самая женщина, которая приходила вчера во дворец, чтобы заявить о пропаже дочери. Чиновники заявили ей, что ребенка, скорее всего, похитили и продали в рабство разбойники одной из шаяк, наводивших ужас на всю округу. Эти шайки стали очень сильны в нашей стране и среди бела дня нагло взимали свою незаконную дань у самых ворот города. Чиновники дворца предупредили женщину, что они ничем не могут помочь. Шайки разбойников находились вне зоны действия законов государства, и оно не могло справиться с ними.

Однако на этот раз ужасное предсказание не сбылось. Женщина узнала украшения на жертве. Сердце мое наполнилось жалостью к охваченной горем женщине, и я послал раба за пустым кувшином из-под вина. Хотя женщина и ребенок были мне совершенно чужими, я едва сдерживал слезы, помогая собирать останки девочки в кувшин для последующего обряда захоронения.

Когда женщина, спотыкаясь и прижимая к груди кувшин с останками дочери, пошла прочь через равнодушную к ее несчастью веселящуюся толпу, я подумал, что никакие обряды и молитвы не смогут помочь бедной матери. Даже если она сможет оплатить хотя бы малую часть обряда бальзамирования, тень ее ребенка никогда не обретет бессмертия в потусторонней жизни. Чтобы это было возможно, труп должен быть целым и неповрежденным до начала бальзамирования. Мне было очень жаль несчастную мать. Это моя слабость, я часто сожалею о ней: я принимаю близко к сердцу заботы и печали каждого встречного. Мне было бы легче жить, будь мое сердце тверже, а ум – циничнее.

Как всегда, когда печаль или горе овладевали мной, я достал свиток папируса и начал записывать все то, что происходило вокруг меня: от действий копеечников, матери, оплакивающей ребенка, труда кожевников, снимавших шкуры и разделяющих гиппопотамов и крокодилов на прибрежном пляже, до безумного поведения пирующего и веселящегося народа.

Кто успел набить живот мясом и пивом, уже храпел там, где упал, не чувствуя, как на него наступают те, кто еще может держаться на ногах. В сгущающейся темноте люди помоложе и побесстыднее танцевали и обнимались вокруг костров и совокуплялись, не обращая внимания на окружающих, под прикрытием редких кустов и истоптанных зарослей папируса. Такое распутное поведение является симптомом болезни, поразившей всю страну. Все было бы иначе, будь у нас сильный фараон, а честные высоконравственные чиновники управляли бы номом великих Фив. Простые люди всегда берут пример с тех, кто выше их.

Хотя относился я к происходящему неодобрительно, моя кисть запечатлевала все. Так просидел я около часа на полуоте «Дыхания Гора», скрестив ноги и целиком отдавшись рисованию. Солнце опустилось и погасло в Великой реке, словно факел. Лишь на воде остался медный отблеск заката, да на западе виднелось багровое сияние, как будто загорелись заросли папируса.

Поведение людей на пляже становилось все более необузданным. Блудницы быстро срывали куш. Я увидел, как пухлая и степенная жрица любви с ярко-синим значком своей профессии на лбу повела от костра худого моряка, вдвое меньше ее ростом. Там, в темноте, она сбросила юбки и опустилась в пыли на колени, подставив ему монументальные дрожащие ягодички. С веселым воплем он набросился на нее, как кобель на суку, и скоро она тоже завопила, как он. Я начал зарисовывать их игры, но света уже не хватало, и мне пришлось оставить рисование.

Отложив в сторону свиток, я вдруг с испугом вспомнил, что не видел госпожу с тех пор, как был найден мертвый ребенок. Я вскочил на ноги. Как я мог допустить такую оплошность? Моя госпожа воспитывалась в строгих правилах, об этом я позаботился. Она была хорошим и воспитанным ребенком и полностью сознавала обязанности, налагаемые на нее законом и обычаем. Она высоко ставила честь своей знатной семьи и свое место в обществе. Более того, она, как и я, боялась рассердить своего всемогущего отца. Разумеется, я доверял ей.

Я доверял ей ровно настолько, насколько доверился бы в такую ночь любой упрямой молодой девушке, оставшейся в темноте наедине с красивым и столь же страстным молодым воином, от которого она к тому же была без ума.

Я боялся не столько за хрупкое девичество моей госпожи – этот эфемерный талисман, потерю которого недолго оплакивают, – сколько за собственную шкуру: ей угрожала серьезная опасность. Утром мы вернемся в Карнак, а во дворце моего господина Интефа достаточно болтливых языков. Ему передадут и приукрасят любой мой проступок или просто необдуманное слово.

Шпионы моего господина проникли во все слои общества и в каждый уголок нашей страны, от верфей и полей до дворца самого фараона. Они были более многочисленными, чем мои собственные шпионы, поскольку у него было больше денег на оплату их услуг. Правда, многие из них служили нам обоим, и наши шпионские сети пересекались на многих уровнях. Если Лостра опозорила отца, семью и меня, ее учителя и попечителя, вельможа Интеф узнает об этом к утру. Впрочем, как и я.

Я обежал ладью с носа до кормы в поисках Лостры. Потом забрался на кормовой мостик и стал осматривать пляж. Там не было ни Лостры, ни Тана. Похоже, подтверждались худшие из моих опасений.

Мой ум отказывался служить мне. Я не знал, где искать их в такую сумасшедшую ночь. И вдруг заметил, что ломаю руки в отчаянии, и тут же заставил себя остановиться. Я всегда стараюсь избегать малейших признаков женоподобия. Мне внушали глубочайшее отвращение толстые фигуры и мелкие наигранные жесты людей, которым нанесли такое же увечье, как и мне. Я стараюсь вести себя как мужчина, а не как евнух.

С усилием я взял себя в руки и постарался придать своему лицу упрямое выражение, какое видел у Тана в горячке боя. Мысли мои наконец пришли в порядок, и я снова стал разумным человеком. Подумал о том, как бы повела себя моя госпожа. Я, разумеется, хорошо знал

ее. Изучал ее четырнадцать лет. И понимал, что она слишком привередлива, слишком глубоко сознает свое знатное происхождение и не позволит себе открыто смешаться с пьяной толпой на пляже или заползти в кусты и изображать там зверя с двумя спинами, как моряк и старая блудница. Я знал также, что не могу обратиться к кому-нибудь за помощью. Вельможа Интеф наверняка узнает об этом. Мне придется все делать самому.

В какое же тайное место Лостра позволила бы себя отвести? Как и большинство девушек ее возраста, она восторженно мечтала о романтической любви. Я сомневаюсь, что она всерьез задумывалась о земных аспектах физического акта любви, несмотря на все старания черных шлюшек просветить ее. Она даже не проявила никакого интереса к механике этого акта, когда я попытался, как того требовал мой долг, предупредить и защитить ее от нее самой.

Я понял: мне нужно найти такое место, которое соответствовало бы сентиментальным представлениям о любви. Если бы на борту «Дыхания Гора» была каюта, мне следовало бы отправиться туда. Но наши речные ладьи – маленькие боевые суда, с которых ради скорости и маневренности снято все лишнее. Команда спит на голой палубе. Только ближайшие помощники командира могут спрятаться на ночь под плетеный навес. Этот навес еще не поставили, и на борту не было места, куда влюбленные могли бы скрыться.

До Карнака и дворца было полдня пути. Рабы только начали ставить наши шатры на небольшом островке неподалеку от берега. Мы специально выбрали место подальше от простого люда. Разумеется, это оплошность – так опоздать с постановкой палаток, но рабов тоже захватило празднество. В свете факелов я увидел, что многие из них едва держатся на ногах, пытаясь натянуть веревки палаток. Личную палатку Лостры с удобными коврами, вышитыми занавесками, пуховыми перинами и полотняными простынями еще не поставили. Где же они?

Желтый огонек факела над водой далеко от берега привлек мое внимание, и чутье мое тут же пробудилось ото сна. Госпожа моя связана с богиней Хапи, и храм этой богини на маленьком пустынном островке посреди лагуны будет притягивать Лостру. Я оглядел пляж в поисках какого-нибудь средства переправы. Хотя на берегу лежало множество маленьких лодок, перевозчики были большей частью пьяны и валились с ног.

Я заметил на берегу Крата. Страусовые перья шлема высоко торчали над веселящимися, и гордая осанка выделяла его в толпе.

– Крат! – заорал я.

Он взглянул на меня через головы пирующих и махнул рукой. Крат был старшим помощником Тана и, не считая меня, самым верным его другом. Я мог довериться Крату, как никому.

– Достань мне лодку! – крикнул я ему. – Любую лодку! – Голос мой стал резким и высоким, и Крат быстро понял, как я расстроен. Как обычно, этот человек не тратил времени даром. Он подошел к ближайшему челноку. Пьяный перевозчик лежал как бревно на дне лодки. Крат схватил его за загривок и поднял. Потом бросил на песок рядом с лодкой, и перевозчик, перебравший дешевого вина, остался лежать в той же позе. Крат столкнул лодку в воду и несколькими ударами шеста подогнал ее к борту «Дыхания Гора». В спешке я потерял равновесие и свалился с мостика прямо на нос маленького суденышка.

– К храму, Крат, – взмолился я, кое-как усевшись на дне, – и пусть добрая богиня Хапи не даст нам опоздать!

Мы поставили косой парус, и легкий речной бриз быстро погнал нас по темной воде к каменной пристани у храма. Крат закрепил конец на швартовочном кольце и хотел было последовать за мной на берег, но я остановил его.

– Ради Тана, не ради меня, – сказал я ему, – пожалуйста, не ходи за мной.

Он заколебался, потом кивнул:

– Я буду ждать. Позовешь, если что. – Он вынул свой меч и протянул его мне рукояткой. – Тебе это понадобится?

Я покачал головой:

– Нет, до схватки не дойдет. Кроме того, со мной мой кинжал. Но все равно спасибо тебе за доверие.

Я оставил его в лодке и поспешил вверх по гранитным ступеням к входу в храм богини Хапи.

Камышовые факелы, закрепленные в отверстиях на высоких колоннах ворот, отбрасывали багровый мерцающий свет на резной рельеф стен, и фигуры на них, казалось, начинали танцевать. Богиня Хапи – одна из моих любимых богинь. Строго говоря, она не бог и не богиня, а странное бородатое двуполое существо, которое одновременно имеет и громадный мужской член, и столь же внушительное пещерообразное влагалище, и щедрые груди, чье молоко кормит всех. Хапи – это обожествленный образ мира и богиня урожая. Жизнь обоих царств Египта и всего их народа зависит от нее и от сезонного половодья Великой реки – ее второго «я». Она способна менять свой пол и, как многие другие боги Египта, может принимать обличье любого животного. Ее любимый наряд – образ гиппопотама. Несмотря на двусмысленную половую принадлежность божества, моя госпожа Лостра всегда считала ее женщиной, и я также считаю ее таковой. Хотя жрецы Хапи имеют на этот счет свое мнение.

Изображения Хапи на каменных стенах храма – огромные воплощения материнства. Они раскрашены в яркие, кричащие тона красного, желтого и синего. Богиня смотрит на людей сверху вниз с добродушием речной коровы и, кажется, призывает всю природу плодоносить и размножаться. Призыв этот никак не мог унять мои тревоги. Я боялся, что именно сейчас моя драгоценная подопечная пользуется добродушием богини Хапи.

У бокового алтаря на коленях сидела жрица. Я подбежал к ней и тревожно потянул ее за край капюшона:

– Святая сестра, скажи мне, не видела ли ты госпожу Лостру, дочь великого визиря?

Очень немногие жители Верхнего Египта не знали мою госпожу. Ее все любили за красоту, веселый и добродушный нрав. На улицах и базарных площадях вокруг нее всегда собирались толпы людей и приветствовали криками.

Жрица ухмыльнулась мне сморщенным беззубым ртом и с таким хитрым и понимающим выражением лица приложила палец к носу, что худшие из моих страхов оправдались.

Я снова потряс ее, но на этот раз грубее:

– Где она, почтенная мать? Умоляю тебя, скажи мне!

Вместо ответа она помотала головой и показала глазами на ворота внутреннего святилища.

Я помчался к ним по гранитным плитам двора, а сердце мое бежало впереди меня. Даже в горе я удивился смелости моей госпожи. Хотя она, как член знатной семьи, имела доступ в святила святых всей страны, кто еще в Египте осмелился бы назначить свидание любовнику в таком месте?

У входа в святилище я остановился. Чутье не обмануло меня: они были здесь оба, как я и опасался. Страх овладел мною; я не сомневался, чем они занимаются, и хотел было ворваться и криком остановить их, но потом сдержался.

Моя госпожа была одета, и даже более полно, чем обычно, так как груди ее были прикрыты, а на голову она набросила синюю шерстяную шаль. Госпожа стояла на коленях перед гигантской статуей Хапи. Богиня добродушно взидала на нее сверху вниз из-под венков голубых водяных лилий.

Тан стоял на коленях рядом с ней. Он снял оружие и доспехи – они лежали у дверей святилища. На нем были только льняная рубашка и короткая туника, на ногах – сандалии. Молодая парочка держалась за руки и шепталась, и их лица почти касались друг друга.

Мои грязные подозрения оказались неверными, и меня тут же охватил приступ раскаяния и стыда. Как мог я сомневаться в своей госпоже? Я начал медленно отступать назад, чтобы не помешать им, хотя вряд ли отправился бы дальше бокового алтаря, где можно было воз-

нести благодарение богине за защиту моей подопечной, а потом потихоньку следить за всем происходящим.

Однако в тот самый момент Лостра поднялась на ноги и робко приблизилась к статуе богини. Ее девичья грация настолько очаровала меня, что я задержался на мгновение.

Лостра сняла с шеи изображение богини, вырезанное из лазурита, которое я сам сделал для нее. Мне стало больно: она собиралась принести фигурку в жертву. Я вложил в драгоценную статуэтку всю свою любовь к госпоже, и теперь мне было невыносимо смотреть, как она снимает ее. Лостра встала на цыпочки и повесила фигурку на шею кумира. Затем она опустилась на колени и поцеловала каменную ступню богини. Тан смотрел на нее, не поднимаясь со своего места.

Потом Лостра встала и повернулась к Тану, но тут она увидела у входа меня. Я растерянно попытался спрятаться в тени, чтобы не помешать им в столь интимный момент. Однако ее лицо засияло от радости, и, прежде чем я успел скрыться, она подбежала ко мне и схватила за руку:

– Ах, Таита, я так рада, что ты здесь! Именно ты. Так и должно быть. Это прекрасно. – Она повела меня в святилище, а Тан поднялся и с улыбкой взял меня за другую руку:

– Спасибо тебе за то, что пришел. Я знаю: мы во всем можем рассчитывать на тебя.

Мне хотелось утаить от двух чистых сердец истинную причину своего появления, и любящая улыбка на моем лице скрыла чувство вины.

– Встань на колени с нами рядом! – приказала Лостра. – Здесь ты услышишь каждое слово, которое мы скажем друг другу. Ты будешь нашим свидетелем перед Хапи и всеми богами Египта! – Она заставила меня опуститься на пол, а затем они с Таном снова встали на колени перед богиней и взялись за руки, глядя друг другу в глаза.

Лостра заговорила первой.

– Ты мое солнце, – прошептала она. – Мир мой темен без тебя.

– Ты – Нил моего сердца, – тихо произнес Тан. – Воды твоей любви питают мою душу.

– Ты муж мой в этом мире и во всех последующих мирах.

– Ты жена моя, и я обещаю тебе свою любовь. Я клянусь тебе в этом дыханием Гора, – четко и ясно проговорил Тан. Его голос эхом прокатился по каменному залу.

– Я принимаю твое обещание и возвращаю его тебе стократно! – воскликнула Лостра. – Никто не сможет встать между нами, ничто не сможет разлучить нас. Мы соединились навеки.

Она подставила ему свое лицо, и он поцеловал ее долгим и глубоким поцелуем. Как я понял, это был первый поцелуй влюбленной парочки. Они оказали мне честь, позволив присутствовать при столь сокровенном событии.

Когда они обнялись, легкий порыв ветра с лагуны промчался по залу храма, и огоньки пламени замигали на факелах. На мгновение лица двух влюбленных расплылись перед моими глазами, а изображение богини задрожало и зашевелилось. Ветер прекратился так же быстро, как и возник, и только шорох между огромными каменными колоннами прозвучал далеким язвительным смехом богов, и я содрогнулся в суеверном страхе.

Опасно дразнить богов чрезмерными просьбами, а Лостра просила о невозможном. Многие годы я ожидал этого момента. Я боялся его, как дня своей смерти. Обет, данный Таном и Лострой, нельзя будет выполнить. Как бы серьезно они ни отнеслись к нему, они не смогут выполнить его. Сердце мое разрывалось от боли, когда они наконец прервали поцелуй и повернулись ко мне.

– Почему ты так печален, Таита? – спросила Лостра с сияющим от счастья лицом. – Радуйся вместе со мной, ведь это самый счастливый день в моей жизни!

Я заставил себя улыбнуться, но не смог произнести ни слова сочувствия или радости, хотя любил этих двух людей больше всего на свете. Я застыл на коленях с идиотской улыбкой на лице и отчаянием в сердце.

Потом Тан поднял меня на ноги и обнял.

– Ты поговоришь с вельможей Интефом от моего имени, правда? – спросил он, сжимая меня в объятиях.

– Поговоришь, Таита? – присоединилась к его просьбе Лостра. – Отец послушает тебя. Только ты можешь сделать это для нас. Ты ведь не подведешь нас, Таита? Ты еще ни разу не подвел меня. Ты сделаешь это, правда?

Что я мог сказать им? Правду я сказать не мог – это было бы слишком жестоко. Я был не в силах произнести слова, которые отравили бы эту милую, только что расцветшую любовь. Они ждали ответа, думали, что я порадуюсь за них и пообещаю им помощь и поддержку, но я онемел, и рот мой скривился, будто я попробовал незрелого граната.

– Что с тобой, Таита? – Счастье погасло на лице моей госпожи. – Почему ты не радуешься вместе с нами?

– Вы знаете, как я люблю вас обоих, но...

– «Но»?.. Какое «но», Таита? – Лостра потребовала объяснений. – Почему ты говоришь мне «но» и делаешь ужасное лицо в самый счастливый день моей жизни? – Она начинала злиться, губки ее надулись, и слезы появились в уголках ее глаз. – Разве ты не хочешь помочь нам? Так вот чего стоят обещания, которыми ты осыпал меня все эти годы? – Она подошла и посмотрела на меня снизу вверх.

– Госпожа, пожалуйста, не говори так, я не заслуживаю такого обращения. Послушайте меня! – Я положил палец на ее ротик, чтобы остановить новый взрыв возмущения. – Я тут ни при чем, это твой отец, вельможа Интеф...

– Вот именно! – Лостра нетерпеливо отбросила мою руку. – Мой отец! Ты пойдешь и поговоришь с ним, и все, как обычно, будет в порядке.

– Лостра, – начал я, и мое фамильярное обращение выдавало, как я расстроен. – Ты уже не ребенок, ты не должна обольщать себя детскими фантазиями. Ты же знаешь, твой отец не согласится. Он даже не станет слушать меня.

Она не желала слышать правду, и поток ее слов утопил мои предостережения.

– Да, я знаю, у Тана нет состояния. Но у него блестящее будущее. В один прекрасный день он будет командовать всеми войсками Египта. Однажды победит в сражении, которое объединит оба царства, и я буду с ним рядом.

– Госпожа, пожалуйста, выслушай меня. Дело не в состоянии. Все гораздо серьезнее.

– Ты имеешь в виду происхождение и воспитание, так? Это тебя беспокоит? Ты прекрасно знаешь, что его семья так же знатна, как и наша. Пианки, вельможа Харраб, был ровней моему отцу и лучшим его другом! – Ее уши закрылись для моих слов. Она не признавала глубины трагедии. Ни Лостра, ни Тан ничего не знали. Впрочем, во всем нашем царстве только я понимал это.

Долгие годы я защищал ее от правды и, разумеется, ничего не говорил Тану. Как мог я объяснить ей все теперь! Как мог открыть всю глубину ненависти, которую отец питал к ее возлюбленному? Ненависть его была рождена чувством вины и зависти и стала от этого еще безжалостнее.

Мой господин Интеф был ловким и хитрым человеком. Он умел скрывать свои чувства от окружающих. Мог спрятать свою ненависть и злобу, целуя того, кого хотел погубить, давая ему богатейшие подарки и осыпая его лестью. Вельможа Интеф обладал терпением крокодила, затаившегося у водопоя и поджидающего ничего не подозревающую газель. Он мог ждать годы и даже десятилетия, пока не представится возможность нанести удар, и расправлялся с добычей так же быстро, как и этот речной хищник.

Лостра находилась в благословенном неведении относительно ненависти отца. Она даже верила, что тот любил Пианки, вельможу Харраба, так же как и Пианки любил ее отца. Но откуда Лостре было знать правду, если я скрывал ее? В своей нежной невинности она верила, что у отца могут вызвать возражения только состояние и происхождение ее возлюбленного.

– Ты же знаешь это, Таита? Тан мне ровня по спискам знати. Так гласят храмовые записи, и все могут убедиться в этом. Как может мой отец отрицать это? Как можешь ты отрицать это?

– Не мне отрицать или утверждать что-либо, госпожа...

– Тогда ты пойдешь к отцу и вступишься за нас. Правда, милый Таита? Скажи, что пойдешь, пожалуйста, скажи.

Мне оставалось лишь склонить голову и скрыть безнадежное выражение глаз.

Флотилия возвращалась в Карнак. Ладьи сидели низко под грузом шкур и солонины. Путешествие вверх по течению Нила занимало больше времени, однако, на мой взгляд, ладьи шли слишком быстро, с каждой минутой на сердце у меня становилось все тяжелее, и страхи мои росли. Влюбленные веселились, опьяненные недавним объяснением в любви, они верили в мою способность убрать все препятствия с пути. Я не мог лишиться их целого дня счастья, ведь этот день будет последним перед разлукой. Если бы у меня хватило мужества и красноречия, я бы тогда же заставил их скрепить клятву естественным союзом и сделать то, что так пугало меня прошлой ночью. Другого случая им уже не представится. Моя попытка вступить за них перед вельможей Интефом обречена – она только предостережет его. Как только он узнает все, тут же встанет между ними и разлучит навеки.

А тем временем я смеялся вместе с ними и пытался скрыть свои опасения. Любовь настолько ослепила их, что мне это удалось, иначе госпожа моя наверняка бы заметила фальшь. Она ведь знает меня так же хорошо, как и я ее.

Втроем мы сидели на носу ладьи и обсуждали мистерию Осириса, которая станет кульминацией празднества. Мой господин Интеф поручил мне постановку спектакля, и я отдал Тану и Лостре главные роли.

Праздник этот проводился раз в два года на восходе полной луны Осириса. В былые времена – ежегодно. Однако расходы и хлопоты, связанные с переездом царского двора с Элефантины в Фивы, стали слишком обременительными, поэтому фараон издал указ об увеличении промежутка между праздниками. Наш правитель всегда осторожно тратил свое золотишко.

Разговоры о мистерии отвлекли меня от мыслей о скорой беседе с вельможей Интефом, и я начал репетировать роли с двумя влюбленными. Лостра должна была играть Исиду, жену Осириса, а Тан играл главную роль – роль Гора. Тан будет играть сына Лостры, и мне пришлось объяснить им, что у богов нет возраста и богиня может выглядеть моложе своего отпрыска. Их это очень позабавило.

Я написал новый сценарий мистерии, который должен сменить старый, остававшийся без изменений почти тысячу лет. Архаичный язык древнего сценария непонятен нашим современникам, и они не осознают величия происходящего на сцене. Фараон будет почетным гостем на представлении в храме Осириса в последний вечер праздника, поэтому мне очень хотелось, чтобы спектакль удался. Консервативные знать и жрецы выступили против моей версии, и только вмешательство вельможи Интефа позволило мне преодолеть их сопротивление и поставить мистерию по новому сценарию.

Вельможа – не слишком религиозный человек, и обычно он не интересуется теологическими спорами. Однако я решил позабавить его и включил в текст мистерии несколько лестных для него строчек. Я прочел ему эти строчки отдельно, а потом тактично напомнил, что главное противодействие моей версии исходило от верховного жреца Осириса, сварливого старика, который однажды не дал вельможе Интефу поиграть с симпатичным молодым послушником. Этого проступка мой господин верховному жрецу простить не мог.

В результате мой вариант мистерии был принят и должен был исполняться впервые. Теперь для меня особенно важно, чтобы актеры представили мои стихи во всем великолепии – в противном случае их никто больше не услышит.

И Тан, и Лостра обладали прекрасными сценическими голосами и решили вознаградить меня за помощь. Они старались изо всех сил и декламировали настолько выразительно, что репетиция увлекла меня и я смог забыть на некоторое время.

Потом возглас вперёдсмотрящего оторвал меня от страстей богов и вернул к земным заботам. Флотилия прошла последний поворот реки, и впереди, на обоих берегах Нила, как два жемчужных ожерелья, блистали города-близнецы Луксор и Карнак, составлявшие великие Фивы. Сказочное путешествие закончилось, пора было возвращаться к реальности. Веселье покинуло меня. Я поднялся:

– Тан, ты должен перевести Лостру и меня на ладью Крата прежде, чем мы подойдем к городу. Люди вельможи будут следить за нами с берега. Они не должны видеть нас в твоём обществе.

– Не поздно ли? – улыбнулся Тан в ответ. – Раньше надо было об этом думать.

– Отец довольно скоро все узнает, – поддержала его Лостра. – Если наше поведение предупредит его, тебе наверняка будет легче уговорить.

– Если вы лучше меня разбираетесь в этом, делайте как знаете, а я в ваших безумствах участвовать не буду, – сказал я с видом оскорбленного достоинства, и они мгновенно сдались.

Тан сигналом подозвал к борту ладью Крата, и влюбленные быстро попрощались. Они не смели обниматься на глазах половины флотилии, но взгляды и теплые слова говорили не менее красноречиво.

С кормового мостика ладьи Крата мы помахали рукой «Дыханию Гора». Ладья Тана повернула, сверкая веслами на солнце, как летящая стрекоза, и направилась к пристани у города Луксор. А мы пошли дальше вверх по реке к дворцу великого визиря.

Как только мы причалили к дворцовой пристани, я навел справки о местонахождении моего господина и с облегчением узнал, что он отправился на западный берег реки в последний раз проверить состояние гробницы фараона и погребального храма. Храм царя и его гробница строились двенадцать лет, с того самого дня, когда он надел двухцветную бело-красную корону двух царств. Теперь строительство приближалось к завершению, и царю наверняка захочется посетить его, как только праздник закончится и появится свободное время. Вельможа Интеф всячески старался не огорчать царя и не подрывать доверия к себе. Помимо множества званий и титулов вельможа занимал также должность хранителя царских гробниц, а она возлагала на него серьезные обязательства.

Отсутствие господина дарило мне целый день на подготовку к разговору и планирование своих действий. Влюбленные вырвали у меня торжественное обещание поговорить с отцом Лостры при первой же возможности, а таковая, как я понимал, представится утром, когда вельможа будет проводить аудиенцию.

Убедившись, что моя госпожа благополучно добралась до гарема и устроилась в своих покоях, я поспешил к себе, в комнаты близких друзей великого визиря.

В жизни дома моего господина Интефа было столько же обмана, сколько во всем остальном. У него было восемь жен, и все они принесли ему либо богатое приданое, либо политическое влияние. Но только три жены родили ему детей: не считая Лостры, у него было два сына.

Насколько мне было известно – а мне было известно все, что творилось во дворце, и почти все, происходившее за его стенами, – мой господин не посещал гарема в течение пятнадцати лет. Зачатие Лостры стало последним случаем, когда он выполнил свои брачные обязательства. Его вкусы в этой области были несколько иными. Близкими друзьями великого визиря, которые жили в другом крыле дворца, были самые красивые мальчики-рабы во всем Верхнем царстве. Мальчики пришли на смену охоте на птиц и диких зверей пустыни – излюбленным забавам египетской знати. Это еще один симптом болезни, поразившей нашу прекрасную страну.

Я был старшим в этой избранной компании рабов. Я остался здесь, в отличие от других мальчиков, чья красота за многие годы увяла или поблекла и кого вельможа послал на невольничий рынок. Он научился ценить во мне другие достоинства помимо красоты. Хотя и она не увяла, – наоборот, с годами она стала еще более поразительной. Не считайте меня тщеславным только потому, что я так говорю. Я решил записывать здесь только правду, и даже ложная скромность не может сделать эти записи более интересными.

Да, теперь мой господин редко развлекался со мной, и я был поистине благодарен ему за такую забывчивость. Когда вельможа Интеф звал меня, то наказывал меня близостью с собой. Он прекрасно знал о физической боли и унижении, которые я испытываю. Хотя еще ребенком я научился скрывать свое отвращение и изображать радость в моменты извращенной любви, мне не удавалось обмануть его.

Как это ни странно, мое чувство отвращения и ненависти не могло лишить его самого наслаждения, скорее даже усиливало его. Вельможу Интефа нельзя назвать ни добрым, ни чутким человеком. За все эти годы сотни мальчиков-рабов попали ко мне избитыми и в слезах после первой ночи с моим господином. Я лечил их и всячески старался успокоить. Вот почему мальчики-рабы прозвали меня Ак-Кер, что означает «старший брат».

Хотя я больше не мог назвать себя любимой игрушкой моего господина, он стал ценить меня гораздо выше игрушки. Я стал очень многим для него: врачом и художником, музыкантом и писцом, архитектором и счетоводом, советником и доверенным лицом, инженером и нянькой его дочери. Я не настолько наивен, чтобы поверить, будто он любил меня или доверял мне, но иногда его отношение настолько походило на любовь и доверие, насколько он вообще мог любить и доверять. Вот почему Лостра заставила меня вступить за Тана.

Моего господина Интефа мало интересовала дочь. Он видел в ней лишь товар, который нужно содержать в наилучшем состоянии и который можно продать, то есть выдать замуж. Иногда он целый год, от одного половодья до другого, не обменивался с ней ни единым словом. Я не мог различить какого-либо интереса в его глазах, когда докладывал ему о воспитании и обучении дочери.

Разумеется, я старался скрыть от него свои истинные чувства к Лостре, так как он наверняка при первой же возможности использовал бы их против меня самого. Я пытался создать впечатление, будто считаю ее воспитание нудной и досадной обузой, и старался убедить его, что разделяю презрение и отвращение к женщинам. По-моему, он так и не понял, что, несмотря на кастрацию, мои чувства по отношению к противоположному полу были такими же, как и у обычных мужчин.

Именно из-за равнодушия моего господина к своей дочери я периодически поддавался соблазну и после долгих просьб Лостры шел на безумный риск, устраивая что-нибудь вроде последней проделки с поездкой на охоту на борту «Дыхания Гора». Обычно у нас был шанс выйти сухими из воды.

В тот вечер я рано ушел к себе и прежде всего накормил и приласкал моих любимцев. Я очень люблю птиц и животных и так хорошо лажу с ними, что даже сам удивляюсь этому. Я дружил почти с дюжиной кошек, хотя подчинить кошку не может никто. Кроме того, мне принадлежала стая прекрасных собак. Мы с Таном охотились с ними на антилоп и львов в пустыне.

Дикие птицы слетались на мою террасу и наслаждались моим гостеприимством. Они злодрались между собой за право посидеть на моей руке или плече. Самые храбрые брали пищу из моих губ. Ручная газель терлась о мои колени, как кошка, а два сокола клекотом звали меня со своих насестов на террасе. Они были редкой породы, красивой и злобной. Как только у нас с Таном появлялась возможность, мы брали их в пустыню и выпускали на гигантских дроф. Я с истинным восхищением смотрел, как быстро и грациозно они пикировали на добычу. Всякий,

кто попытался бы приласкать их, познакомился бы с их острыми загнутыми клювами, но со мной они были нежными, как ласточки.

Только позаботившись о своем домашнем хозяйстве, я позвал мальчика-раба и потребовал ужин. Я уселся на террасе с видом на широкую долину Нила и наслаждался тонким вкусом дикой куропатки, сваренной в меде с козьим молоком, которую повар дворца приготовил специально в честь моего возвращения. Со своего места на террасе я следил за баркой моего господина, возвращающейся с противоположного берега. Она медленно шла под квадратным парусом в алых лучах заходящего солнца, и я почувствовал, как сердце мое уходит в пятки. Вельможа Интеф мог послать за мной уже вечером, а я не был готов к разговору с ним.

Потом я с облегчением услышал, как Расфер, начальник дворцовой стражи, зовет мальчика, сегодняшнего любимчика вельможи, бедуина с миндалевидными глазами, которому едва исполнилось десять лет. Немного позже я услышал жалобные крики ребенка, когда Расфер протащил его мимо моей двери к занавешенному входу в покои великого визиря. Хотя за много лет я привык к подобным крикам, но не мог без содрогания слышать плач детей, и жалость снова охватила меня. И все же я с облегчением подумал, что сегодня вечером за мной не пошлют. Нужно было выспаться как следует, чтобы прекрасно выглядеть утром.

Я проснулся до рассвета, но чувство страха еще сжимало мое сердце. Привычное купание в холодных водах Нила не смогло прогнать его. Я поспешил обратно в свою комнату, где два мальчика-раба смазали мое тело маслом и расчесали волосы. Я терпеть не мог новомодного обычая наносить грим на лицо, который распространился среди знати. Моя кожа была достаточно чиста, а цвет ее достаточно красив и без грима, но мой господин любил, когда его мальчики пользуются гримом, а сегодня мне больше, чем когда бы то ни было, хотелось доставить ему удовольствие.

Хотя отражение в бронзовом зеркале вселяло уверенность, позавтракал я без всякого аппетита. Первым из окружения вельможи пришел в водный сад, где он каждое утро проводил аудиенции.

Ожидая, пока соберутся все, я смотрел, как охотятся зимородки. Я сам распланировал водный сад и наблюдал за его строительством. Он представлял собой сеть каналов и маленьких прудочков с проточной водой. Здесь были собраны цветущие растения со всего Египетского царства и из других земель. От пестроты цветов слепило в глазах и кружилась голова. В прудах жили сотни разнообразнейших рыб, какие только попадают в сети рыбаков на Ниле, но из-за зимородков запасы рыб в прудах приходилось пополнять каждый день.

Вельможа Интеф любил наблюдать, как эти птицы зависали в воздухе, словно маленькие кусочки лазурита, а потом бросались вниз и, поднимая фонтанчики брызг, взлетали с серебряной искоркой в клюве. Мне кажется, он видел себя таким же хищником, ловцом людей, и ощущал себя их сородичем. Он не разрешал садовникам пугать их.

Постепенно в саду собрался весь двор великого визиря. Многие еще зевали и не успели расчесать свои волосы. Вельможа Интеф вставал рано и любил заканчивать дневную работу до наступления жары. Освещенные первыми лучами солнца, мы ожидали его появления.

– Он сегодня в хорошем настроении, – прошептал постельничий, усаживаясь рядом со мной. Может быть, мне еще удастся избежать серьезных последствий глупого обещания помочь Лостре.

Среди присутствующих вдруг пронесся шорох, и все пришли в движение, как папирус на ветру. Вельможа Интеф вышел к нам.

Походка у него была величественная, выглядел он внушительно, так как почести и звания давали ему великую власть над людьми. На шее у него висело «Золото похвалы». Это ожерелье из красного золота, добытого в рудниках Лота, фараон возложил на него своей собственной рукой. Глашатай великого визиря шествовал впереди. Этого коротконового карлика назначили глашатаем благодаря зычному голосу и уродливому телу. Вельможе нравилось окружать себя

редкостями всякого рода. Гордо подсакивая впереди вельможи на своих коротеньких ножках, карлик провозглашал почести и звания своего господина.

– Смотрите на Опору Египта! Приветствуйте Стража вод Нила! Кланяйтесь Товарищу фараона! – Этими титулами вельможу наградил сам фараон, и многие из них предполагали вполне конкретные обязанности. Как Страж вод, он отвечал за наблюдения над уровнем реки во время сезонного половодья, и работа эта, естественно, ложилась на плечи верного и неутомимого раба Таиты.

Я проработал полгода с отрядом строителей и математиков. Мы проводили измерения и делали зарубки на скалах Асуана, которые позволяли точно определять высоту подъема воды и объем потока во время половодья. Благодаря этим измерениям можно было вычислить размеры урожая на несколько месяцев вперед. Чиновники фараона могли предвидеть голод и изобилие и предпринимать соответствующие шаги. Фараону понравилась моя работа, и он осыпал вельможу Интефа новыми почестями и наградами.

– Преклоните колена пред номархом Карнака и правителем всех двадцати двух номов Верхнего Египта! Приветствуйте Владыку Города мертвых и хранителя царских гробниц!

Эти звания возлагали на вельможу Интефа ответственность за проектирование, строительство и содержание гробниц всех фараонов, как умерших, так и ныне здравствующего, и снова рабу приходилось подставлять свои выносливые плечи. Вчера вельможа посетил строительство гробницы фараона в первый раз после предыдущего праздника Осириса. Мне, а не ему приходилось отправляться туда, несмотря на жару и пыль, чтобы уговаривать лживых подрядчиков и ругаться с мошенниками-каменщиками. Я часто сожалею о том, что не скрыл от своего господина, насколько широки мои познания.

И теперь он выделил меня из толпы людей. Его желтые глаза безжалостно, как глаза леопарда, скользнули по моим, и он чуть наклонил голову. Я вышел из толпы и шагнул вслед за ним, когда он проходил мимо, и, как обычно, меня поразила ширина его мощных плеч. Он был невероятно красивым и стройным мужчиной. Голова его, с густой и блестящей шевелюрой, походила на голову льва. В то время ему было сорок, и я был его рабом уже почти двадцать лет.

Вельможа Интеф повел нас к беседке в центре сада. Там, под соломенной крышей, прохладный ветер с реки смягчал жару. Скрестив ноги, он уселся на каменном полу перед маленьким столиком со свитками государственных законов, а я занял свое обычное место за его спиной. Началась каждодневная работа.

Дважды на протяжении заседания вельможа едва заметно склонялся ко мне. Он не поворачивал головы и не произносил ни слова, но я понимал, что он просит моего совета. Едва шевеля губами, я говорил почти неслышным шепотом, и немногие замечали, как мы обмениваемся мнениями.

В первый раз я прошептал: «Он лжет», а во второй: «Ретик больше подходит для этой должности. И он предложил пожертвовать пять золотых колец в личную казну моего господина». Ретик и мне обещал золотое кольцо, если получит этот пост, хотя об этом я не упомянул.

В полдень вельможа отпустил сановников и просителей и приказал принести обед. В первый раз за это время мы остались с ним наедине, если не считать Расфера, который был одновременно начальником дворцовой стражи и палачом. Теперь он встал у ворот сада, чтобы видеть, что происходит в беседке, но не слышать слов.

Вельможа жестом подозвал меня к себе и предложил попробовать нежные сласти и плоды, разложенные перед ним. Пока мы оба ждали, не почувствую ли я действия яда, подробно обсудили утреннюю аудиенцию.

Затем он расспросил меня о походе в лагуну Хапи и большой охоте на гиппопотамов. Я описал ему охоту и назвал примерные размеры прибыли, которую он получит от продажи мяса, шкур и зубов речных коров. Я чуть преувеличил ее размеры, и он улыбнулся. Улыбка его была искренней и чарующей. Кому довелось увидеть эту улыбку, тот понимал, почему вельможа

Интеф так легко водит людей за нос. Даже меня эта улыбка успокоила, хотя мне следовало бы знать ей цену.

Когда он откусил от сочного куска холодного мяса гиппопотама, я перевел дыхание и начал свою речь:

– Я должен сообщить моему господину, что разрешил его дочери сопровождать меня на охоту. – Он уже все знал и ждал, попытаюсь ли я скрыть от него подобное своеволие. Я видел это по глазам.

– Тебе не пришло в голову, что сначала нужно получить мое разрешение? – мягко спросил он.

Я отвел глаза и начал сосредоточенно чистить для него виноград, а потом ответил:

– Лостра попросила меня об этом перед самым отплытием. Как вы знаете, богиня Хапи – ее покровительница, и вашей дочери хотелось поклониться богине и принести ей жертву в храме Лагуны.

– Однако ты не спросил моего разрешения? – повторил он, и я протянул ему виноградину. Он раздвинул губы и разрешил мне положить ее себе в рот. Это могло означать только одно: он еще благосклонен ко мне и еще не знает всей правды о Тане и Лостре.

– Мой господин держал совет с номархом Асуана. Я бы не посмел беспокоить его. Кроме того, я не видел в своих действиях особого вреда. Как мне показалось, моего господина не стоит беспокоить ради такого будничного решения.

– У тебя сегодня на все есть ответ, не так ли, мой дорогой? – усмехнулся он. – А ты сегодня красив. Мне нравится, как ты покрасил веки. Какими благовониями ты пользуешься?

– Они добываются из лепестков дикой фиалки, – ответил я. – Я счастлив доставить вам радость. Я приготовил маленький флакончик и хочу подарить его вам, мой господин. – Я достал благовония из кошелька и встал на колени, протянув его вельможе. Он взял меня пальцем за подбородок, поднял мое лицо и поцеловал в губы. Я послушно отвечал на поцелуй, пока он сам не остановил меня, погладив по щеке.

– Что бы ты ни замышлял, Таита, ты все еще очень красив. После стольких лет жизни во дворце ты по-прежнему можешь заставить меня улыбнуться. Скажи, ты хорошо следил за госпожой Лострой, не так ли? Ты ведь не выпускал ее из виду ни на мгновение?

– Как обычно, мой господин, – горячо подтвердил я.

– И ты не хочешь сообщить мне ничего необычного?

Я все еще стоял перед ним на коленях. Слова вдруг застряли у меня в горле, а язык присох к нёбу.

– Не квакай, старина, – засмеялся он. – Говори как мужчина, хотя ты таковым и не являешься.

Жестокая шутка помогла мне взять себя в руки.

– Действительно, я хотел бы смиренно привлечь внимание моего господина к одному событию, – сказал я. – И оно действительно касается госпожи Лостры. Как я уже сообщал вам, красный цветок месячных вашей дочери расцвел первый раз во время последнего половодья Великой реки. С тех пор ее месячные расцветают с той же силой каждую луну.

Вельможа скорчил гримасу, так как физиология женского организма внушала ему отвращение. Мне это казалось забавным, ведь подобные подробности мужской физиологии вызвали у него глубочайший интерес.

Я торопливо продолжил:

– Госпожа Лостра достигла брачного возраста. Она женщина страстная и любвеобильная. Разумно было бы поскорее подыскать ей мужа.

– Без сомнения. Ты можешь предложить кого-нибудь? – сухо спросил он.

Я кивнул:

– Да, один человек действительно добивается ее руки.

– Один человек, Таита? Ты, наверное, хотел сказать «еще один человек», не так ли? Я знаю по крайней мере шестерых, включая номарха Асуана и правителя Лота, которые также обращались ко мне с подобными предложениями.

– Я действительно хотел сказать: «еще один». Но на этот раз он нравится госпоже Лостре. Если помните, номарха Асуана она обозвала жирной жабой, а правителя Лота – старым сварливым козлом.

– Мне все равно, понравится он моей дочери или нет. – Вельможа Интеф потряс головой, улыбнулся и погладил меня по щеке, чтобы подбодрить. – Ну, продолжай, Таита, каково же имя сохнувшего от любви молодца, который окажет мне честь, став моим зятем, и получит самое богатое приданое в Египте? – Я уже собрался с духом, чтобы назвать его, но вельможа Интеф остановил меня: – Нет, подожди, я сам отгадаю.

Его улыбка превратилась в хитрую лисью усмешку, которую я знал слишком хорошо. Я понял, что он просто играет со мной.

– Чтобы понравиться Лостре, он должен быть молодым и красивым. – Он притворился, будто раздумывает, кто бы это мог быть. – А чтобы ты вступился за него, он должен быть твоим другом или подопечным. Кроме того, этому страстному влюбленному, наверное, представилась возможность признаться Лостре в своей любви и уговорить тебя вступить за него. У кого нашлось для этого место и время, как ты думаешь? А может, это произошло в полночь, в храме Хапи?! Я на правильном пути, а, Таита?

Я почувствовал, что бледнею. Откуда ему известно так много? Его рука скользнула вокруг моей шеи и погладила затылок – так часто начинались любовные ласки, – и он снова поцеловал меня.

– Я вижу по твоему лицу, что мои догадки близки к цели. – Он взял локон моих волос и слегка потянул. – Теперь остается только отгадать имя смелого влюбленного. Может, это Дакка? Нет-нет. Нет, Дакка не настолько глуп. Он не станет будить мой гнев. – Потянул за волосы сильнее, пока не увидел слезы на моих глазах. – Может, это Крат? Он красив и глуп и способен на риск. – Потянул еще сильнее, и я почувствовал, как локон с треском оторвался и остался в его руке. Я проглотил стон. – Отвечай, мой дорогой, это Крат? – Он сунул мое лицо в колени.

– Нет, мой господин, – с болью прошептал я. Без всякого удивления я увидел, что он готов к любви. Он прижал мое лицо сильнее, не выпуская волос.

– Это не Крат? – Он прикинулся озадаченным. – Если это не Крат, тогда я ума не приложу, у кого хватило наглости так оскорбить меня. Какой глупец посмел приставать к девственной дочери великого визиря Верхнего Египта? – Вдруг он резко повысил голос: – Расфер!

Голова моя лежала у него на коленях, и сквозь слезы я увидел, как Расфер приближается к нам. В зверинце фараона на острове Элефантина у Асуана есть огромный черный медведь, который был доставлен торговым караваном с Востока много лет назад. Этот злобный, покрытый шрамами зверь напоминал мне начальника охраны вельможи Интефа. Оба имели одинаковые огромные бесформенные тела и могли раздавить человека в своих лапах. Однако морда у зверя была намного приятнее, и вел он себя гораздо дружелюбнее Расфера.

Я увидел, как Расфер рысью приближается к нам с удивительной для такого грузного человека быстротой. Его огромный живот мерно раскачивался над толстыми ногами. Мне почудилось, будто я перенесся в те далекие года, когда меня лишили мужского достоинства.

Все казалось настолько знакомым, словно мне опять нужно было пережить тот ужасный день. Каждая мелочь происшедшего до сих пор настолько ясно стояла в моей памяти, что я чуть не закричал. Действующие лица той давнишней трагедии были те же: вельможа Интеф, это животное Расфер и я. Только девушки не было.

Ее звали Алида. Ей было столько же лет, сколько и мне. Шестнадцать – нежный возраст невинности. Она была рабыней, как и я. Теперь я вспоминаю ее красавицей, но, вероятно,

память обманывает меня. Если бы она действительно была красива, ее не послали бы работать на кухню – она оказалась бы в гареме какого-нибудь вельможи. Одно я помню точно: кожа ее, теплая и мягкая, напоминала полированный янтарь. Я никогда не смогу испытать что-либо подобное. В нашем несчастье мы нашли покой и глубокое умиротворение друг в друге. Я так и не узнал, кто предал нас. Обычно я не мстителен, но до сих пор мне снится иногда, как я нахожу того, кто выдал нас вельможе Интефу.

В то время я был фаворитом вельможи Интефа, его любимчиком. Когда моя неверность обнаружилась, это нанесло такой удар его самолюбию, что он был на грани безумия.

Расфер пришел за нами. Он приволок нас в покои вельможи за шиворот, как котят. Он раздел нас донага перед вельможей Интефом, который, как и сейчас, сидел, скрестив ноги, на полу. Расфер связал руки и ноги Алиды грубым ремнем. Она побледнела и вся дрожала, но еще не плакала. В тот момент я любил ее и восхищался ее мужеством сильнее, чем когда бы то ни было.

Вельможа Интеф кивком подозвал меня и приказал сесть перед ним на колени. Потом взял меня за волосы и влюбленно спросил:

– Ты любишь меня, Таита?

И я ответил ему то ли от страха, то ли пытаюсь спасти Алиду от мучений:

– Да, мой господин, я люблю вас.

– А ты еще кого-нибудь любишь, Таита? – спросил он мягким, шелковым голосом.

И я – трус и предатель – сказал:

– Нет, мой господин, я люблю только вас.

И тогда Алида заплакала.

Это были самые страшные звуки, какие мне когда-либо доводилось слышать. Вельможа Интеф приказал Расферу:

– Тащи шлюху сюда. Положи ее так, чтобы они хорошо видели друг друга. Таита должен увидеть все, что ты с ней сделаешь.

Расфер, ухмыляясь, бросил девушку передо мной. Господин чуть повысил голос:

– Хорошо, Расфер, можешь начинать.

Расфер набросил петлю из плетеного ремня на лоб Алиды. Петля легла на ее волосы, подобно головной повязке женщин-бедуинов. Встав позади девушки, Расфер просунул в петлю толстую дубинку из древесины оливы и повернул ее. Ремень крепко прижался к гладкой, чистой коже. Потом узелки грубого ремня впились в кожу Алиды, и лицо ее скривилось от боли.

– Помедленнее, Расфер, – попросил вельможа. – У нас еще все впереди.

Дубинка казалась детской игрушкой в огромных волосатых лапах Расфера. Он медленно и осторожно, по четверти оборота, поворачивал ее. Узелки впились все глубже. Рот Алиды открылся, и она вдруг резко выдохнула из себя воздух. Она посерела, кожа стала цвета золы. Судорожно наполнила легкие воздухом и выдохнула его в долгом пронзительном вопле.

По-прежнему ухмыляясь, Расфер поворачивал дубинку, и цепочка кожаных узелков погружалась в лоб Алиды. Череп начал менять форму. Сначала мне показалось, что зрение сыграло со мной злую шутку от напряжения, а потом я понял: ее голова действительно сжимается и вытягивается в петле. Крики уже не прекращались, бронзовым клинком пронзая мое сердце. Казалось, это будет продолжаться вечно.

Потом череп раскололся. Я слышал, как кости его затрещали, будто раздавили орех, и ужасный вопль оборвался. Тело Алиды обмякло в руках Расфера, и сердце мое переполнилось горем и отчаянием.

После паузы, которая показалась мне вечной, вельможа поднял мою голову и посмотрел в глаза. С печалью и сожалением он сказал:

– Ее больше нет, Таита. Она была дурной девочкой и сбила тебя с пути истинного. Мы должны сделать так, чтобы это никогда больше не повторилось. Нужно защитить тебя от будущих соблазнов.

Он снова дал знак Расферу, и тот, схватив обнаженное тело Алиды за ноги, потащил его на прибрежную террасу. Ее раздавленный череп со стуком бился о каменные ступени, а волосы потоком текли за ней. Одним движением мощных плеч Расфер выбросил ее далеко в реку. Бессильные конечности взметнулись в воздухе, и она, перекувырнувшись, упала в воду и быстро утонула. Веер волос ушел в глубину, словно опускающиеся под воду плети водорослей.

Расфер отвернулся и пошел в противоположный конец террасы, где двое его людей раздували огонь под жаровней с раскаленными углями. Рядом с жаровней на деревянном подносе лежал полный набор хирургических инструментов. Он осмотрел их и удовлетворенно кивнул. Затем вернулся и сказал, поклонившись, вельможе:

– Все готово.

Господин отер слезы с моего лица, а потом поднес палец к губам, словно хотел вкушать мою печаль.

– Пойдем, милый красавчик, – прошептал он, поднимая меня на ноги и выводя на террасу.

Я был настолько убит горем и ослеплен слезами, что не почувствовал опасности до тех пор, пока стражи не схватили меня. Они бросили меня на землю и прижали мои руки и ноги, расставив их в стороны. Только голова оставалась свободной.

Господин встал на колени у моей головы, а Расфер опустился между раздвинутыми ногами.

– Ты больше никогда не сможешь совершать дурных поступков, Таита, – сказал мой господин.

Только тогда я заметил крошечный бронзовый скальпель в огромной лапе Расфера. Вельможа Интеф кивнул ему, и он схватил меня и тянул до тех пор, пока мне не почудилось, что он вытаскивает из меня внутренности через пах.

– Какая хорошенькая парочка яичек! – ухмыльнулся Расфер и показал мне скальпель, поднеся его к моим глазам. – Скоро я скормлю их крокодилам, так же как и твою подружку. – И поцеловал лезвие.

– Пожалуйста, мой господин, смилуйтесь... – Мои мольбы перешли в резкий вопль, когда Расфер резанул клинком. Мне почудилось, будто раскаленный вертел вонзился в живот.

– Попрощайся с ними, красавчик.

Расфер поднял мешочек бледной сморщенной кожи с жалким содержимым и уже собирался встать, чтобы выбросить его в реку, но вельможа остановил Расфера.

– Ты не закончил, – тихо сказал он. – Я хочу, чтобы ты сделал все.

Расфер уставился на него, не понимая приказа, а затем начал смеяться, да так, что его огромное брюхо затряслось.

– Клянусь кровью Гора, – орал он сквозь смех, – теперь нашему красавчику придется писать на корточках, как девочке! – Снова резанул скальпелем и заржал, поднимая в руке маленький гибкий пальчик, который когда-то был самой интимной частью моего тела. – Брось, парень, тебе будет легче ходить без такой тяжести промеж ног. – Спотыкаясь от смеха, он отправился было к террасе, чтобы выбросить мою плоть в реку, но вельможа снова резко остановил его.

– Отдай мне, – потребовал он, и Расфер послушно положил кровавые останки моего мужского достоинства в его ладони. Несколько мгновений Интеф с любопытством разглядывал их, а потом обратился ко мне: – Я не настолько жесток, чтобы лишить тебя столь прекрасных украшений, мой милый. Я прикажу забальзамировать их, и, когда они будут готовы, их прикрепят на ожерелье из жемчуга и лазурита. Это будет мой подарок тебе к празднику Осириса.

В день твоих похорон можно будет положить их в могилу вместе с тобой, и, если боги будут добры к тебе, ты сможешь воспользоваться ими в загробной жизни.

Ужасные воспоминания прекратились в тот момент, когда Расфер остановил кровотечение, облив рану кипящим лаком для бальзамирования, и от невыносимой боли я погрузился в благословенное забытие. Но теперь Алиды не было, и вместо кастрационного ножа Расфер размахивал кнутом из гиппопотамовой кожи.

Бич этот, длиной в сажень, у основания был шириной с руку Расфера, а на конце сужался до толщины мизинца. Я сам видел, как он плел его, срезая грубую подложку с внутренней стороны, пока кожа не заблестела. Время от времени взмахивал им в воздухе, чтобы проверить ухватистость и гибкость, и не остановился до тех пор, пока кнут не начал разрезать воздух с визгом и воем ветра пустыни, зажатого холмами Лота. Кнут этот был цвета янтаря – Расфер любовно отполировал кожу так, чтобы она блестела, как стекло. Гибок он был настолько, что сгибался в круг в медведеподобных лапах палача. Он специально позволил крови сотен жертв высохнуть на его кончике, чтобы тот покрылся матовым блеском, не лишенным определенной красоты.

Расфер владел этим инструментом, как художник. Резким и легким ударом оставлял яркую красную полосу на нежной молоденькой коже, не повреждая ее, но удар этот обжигал, как укус скорпиона, и жертва начинала выть и извиваться от боли. Но мог также дюжиной свистящих ударов содрать кожу и мясо со спины человека, обнажив его ребра и хребет.

И вот теперь он стоял надо мной и, ухмыляясь, гнул в руках длинный бич. Расфер любил свою работу и ненавидел меня со всей силой, какую только могли породить зависть и ощущение моего превосходства, основанного на уме и красоте.

Вельможа Интеф погладил мою обнаженную спину и вздохнул:

– Ты иногда так коварен, мой милый. Пытаешься обмануть того, кому обязан быть верным до гроба. Кому ты обязан самым своим существованием. – Он снова вздохнул. – Почему ты заставляешь меня заниматься такими неприятными вещами? Тебе следовало бы знать, что бесполезно обращаться ко мне с такой просьбой и вступаться за двух молодых глупцов. Это смехотворная попытка, но мне кажется, я понимаю, почему ты сделал это. Ребяческое сочувствие – одна из многих твоих слабостей, и в один прекрасный день оно может стать причиной твоей гибели. Однако временами это несколько забавляет и даже умиляет меня, и я был бы готов простить тебя, если бы мог посмотреть сквозь пальцы на то, что ты чуть было не обесценил порученный тебе товар. – Он повернул мою голову так, чтобы я мог ответить ему. – За это ты будешь наказан. Ты понимаешь меня?

– Да, мой господин, – прошептал я и попытался разглядеть кнут в руках Расфера.

Однако вельможа Интеф снова повернул меня к себе и обратился к палачу:

– Половчее, Расфер, не порань кожу. Я не хочу испортить такую великолепную чистую спину. Для начала хватит и десяти ударов. Считай вслух.

Я был свидетелем того, как сотни несчастных подвергались такому наказанию, и некоторые из них были воинами и даже прославились героизмом в сражениях. Никто из них не мог сдержать крика под кнутом Расфера. Во всяком случае, лучше было и не пытаться. По его мнению, молчание жертвы бросало вызов его ловкости. Я хорошо знал это, потому что не раз проходил этой дорогой горя. Нужно было проглотить свою гордость и как можно громче воздать должное искусству Расфера. Я набрал в легкие воздуха и приготовился.

– Один, – прохрипел Расфер, и бич просвистел в воздухе.

Как женщина со временем забывает о родовых болях, так и я забыл острую боль от удара кнута и закричал даже громче, чем рассчитывал.

– Тебе повезло, Таита, – прошептал Интеф мне в ухо. – Я приказал жрецам Осириса осмотреть товар прошлой ночью. Все в порядке.

Мое лицо скривилось, но дело было не только в боли – я с отвращением подумал о том, как эти похотливые козлы щупали своими пальцами мою маленькую девочку.

Расфер придумал свой собственный ритуал наказания для того, чтобы и он, и его жертва могли полностью насладиться происходящим. После каждого удара он неторопливо обегал вокруг беседки и хриплым голосом выкрикивал приветствия и похвалы самому себе, высоко поднимая бич, как во время военной церемонии. Описав круг, снова вставал возле жертвы и заносил кнут.

– Два! – И я снова завопил.

Одна из служанок Лостры ждала меня на террасе перед моим жилищем, когда я, выйдя из сада и хромя от боли, поднялся по лестнице.

– Моя госпожа требует тебя к себе немедленно, – сказала она вместо приветствия.

– Передай ей, что я не расположен к беседе, – сделал я попытку избежать разговора, крикнул мальчику-рабу, чтобы тот перевязал мне раны, и поспешил к себе.

Я был не в состоянии предстать перед Лострой. Меня приводила в ужас мысль о провале моей миссии: теперь мне придется заставить ее посмотреть в лицо реальности и убедить в невозможности любви с Таном.

Черная рабыня последовала за мной, с кокетливым ужасом разглядывая алые рубцы.

– Иди и скажи госпоже, что я изранен и не могу прийти к ней сейчас, – резко бросил я через плечо.

– Она предупреждала, что ты постарайся увильнуть, и приказала оставаться с тобой, пока ты не придешь.

– Ты – наглая рабыня, – строго укорил я ее, пока мальчик обрабатывал мне спину мазью моего собственного изобретения.

– Да, – с усмешкой согласилась нахальная девчонка. – Но и ты такой же. – Она легко увернулась, когда я вяло попытался шлепнуть ее. Лостра слишком мягко обращается со своими служанками.

– Иди скажи госпоже, что я приду к ней, – сдался я.

– Она приказала мне подождать и убедиться в этом.

И вот через некоторое время мы с ней прошли мимо охранников внутрь гарема. Охранники были евнухами, как и я, но, в отличие от меня, эти крупные бесполое существа прославились своей силой и свирепостью, несмотря на большой вес, а может быть, именно из-за него. Однажды я воспользовался своим влиянием на господина, чтобы обеспечить им тепленькое местечко, поэтому они уважительно приветствовали меня.

Женская половина дворца была далеко не так роскошна и удобна, как покои мальчиков-рабов, и всякому, кто оказывался там, становилось ясно, что в действительности интересовало вельможу Интефа. Гарем представлял собой группу зданий из саманного кирпича, окруженную высокой глинобитной стеной. Единственным украшением его служили сады и росписи, сделанные Лострой и ее служанками с моей помощью. Жены визиря были слишком толсты и ленивы и слишком увлечены скандалами и интригами между собой, чтобы тратить силы на другие занятия.

Покои Лостры располагались у главных ворот. Их окружал небольшой красивый садик, где в пруду плавали лилии, а в клетках, сплетенных из расщепленного бамбука, пересвистывались певчие птицы. Глинобитные стены домика украшали яркие росписи с видами Нила, изображениями птиц, рыб и богинь, которые она сделала с моей помощью.

Ее рабыни молча толпились в дверях домика. Многие из них перед этим плакали. На лицах виднелись следы слез. Я протолкался через толпу в сумрачную прохладу передней и услышал всхлипывания госпожи во внутренней комнате. Я поспешил к ней, устыдившись своей низости: ведь я пытался избежать того, чего требовал мой долг.

Она лежала на кровати лицом вниз, и все ее тело содрогалось от горестных рыданий. Она услышала, как я вошел, скатилась с кровати и бросилась ко мне:

– О, Таита! Тана отсылают прочь из города. Фараон прибывает к нам завтра, и отец добьется, чтобы он приказал Тану отправить свою флотилию вверх по реке к Элефантине и порогам. Я больше никогда не увижу его. Лучше умереть. Брошусь в Нил, пусть крокодилы сожрут меня. Я не хочу жить без Тана... – выпалила она в одном долгом вопле отчаяния.

– Тише, тише, малютка, – говорил я, словно укачивая ее. – Откуда тебе известны такие страсти? Может, ничего страшного не случится.

– О, случится, Тан прислал мне письмо. Брат Крата служит в личной охране отца. Отец каким-то образом узнал обо мне и Тане. Он знает, что мы были в храме Хапи одни. О, Таита, отец присылал жрецов осмотреть меня. Эти грязные старики делали со мной ужасные вещи. Мне было так больно, Таита...

Я нежно обнял ее. Мне нечасто представляется такая возможность. Она забыла о своих ранах, и ее мысли снова обратились к любимому.

– Я больше никогда не увижу Тана, – заплакала она. Я снова вспомнил, как она молода. Еще почти ребенок, такой ранимый и совершенно раздавленный собственным горем. – Отец погубит его.

– Даже твой отец не может навредить Тану. – Я попытался успокоить ее. – Тан командует отрядом личной, избранной стражи фараона. Он человек царя. Тан подчиняется только приказам самого фараона, он под защитой двойной короны Египта. – Я не стал говорить, что, возможно, только по этой причине ее отец еще не погубил Тана. Вместо этого мягко продолжил: – Почему ты говоришь, что никогда не увидишь Тана? Ты будешь играть с ним в моем спектакле. Я постараюсь дать вам возможность поговорить наедине в перерыве.

– Теперь отец не допустит, чтобы спектакль состоялся.

– У него нет выбора. Если сорвет представление, то может вызвать недовольство фараона, а этим наверняка он рисковать не будет.

– Он отошлет Тана из города и прикажет другому актеру сыграть роль Гора, – всхлипывала она.

– Уже нет времени на репетиции с другим актером. Роль Гора будет играть Тан. Я доведу это до сведения вельможи Интефа. У тебя с Таном будет возможность поговорить. Мы найдем выход.

Она проглотила слезы и доверчиво посмотрела мне в глаза:

– О, Таита, я знаю, ты выручишь нас. Ты всегда выручаешь... – Она вдруг замолчала, и выражение лица изменилось. Ее руки тихо прошли по моей спине, ощупывая вздувшиеся рубцы от кнута Расфера.

– Простите меня, госпожа. Я попытался вступить за Тана, как и обещал, и вот последствия моей глупости.

Она обошла меня, встала со спины и вскрикнула от ужаса, подняв легкий льняной плащ, которым я прикрыл раны.

– Это работа Расфера! О, мой бедный, милый Таита, почему ты не предупредил меня? Почему ты не сказал мне, что отец так ненавидит саму мысль о браке Тана со мной?

Я чудом сдержался – какое безыскусное нахальство! Я просил и умолял их не делать этого, и вот теперь меня же обвиняют в неверности. Однако я все же сдержался, хотя спина моя ужасно болела.

Слава богу, госпожа моя забыла о своих несчастьях и решила позаботиться о моих поверхностных ранах. Она приказала мне сесть на кровать, снять плащ и принялась обрабатывать мои раны. Искренняя любовь и сочувствие восполняли недостатки врачебного искусства. Это развлечение вывело ее из отчаяния. Скоро она уже весело и страстно болтала и строила планы, как умиротворить отца и вновь соединиться с Таном.

Некоторые из ее рассуждений показывали, что она способна здраво мыслить, другие же были надуманны и говорили о том, как доверчива она и молода и как недостает ей знаний о низости земного мира.

– Я прекрасно сыграю свою роль в спектакле, – заявила она вдруг. – Я понравлюсь фараону, и он пообещает исполнить любое мое желание. Тогда я попрошу его выдать меня за Тана, и он скажет... – Она так ловко передразнила напыщенный и церемонный тон царя, что я не смог удержаться от улыбки. – «Я объявляю помолвку Тана, вельможи Харраба, сына Пианки, и госпожи Лостры, дочери Интефа, и дарю моему доброму слуге Тану звание Великого льва Египта и отдаю под его командование все мои войска. Я также приказываю вернуть ему все владения его отца, благородного Пианки, вельможи Харраба!» – Тут она вдруг обвила мою шею руками. – Ведь может же такое случиться, может, милый Таита? Ну скажи, что такое может случиться!

– Никакой мужчина не устоит перед вашим очарованием, госпожа, – улыбнулся я ее глупым выдумкам. – Даже сам великий фараон.

Если бы я только знал, насколько мои слова окажутся близки к истине. Я бы скорее проглотил раскаленные угли, чем согласился произнести их.

На ее лице снова засияла надежда. Одно это уже было наградой для меня. Я снова накинул плащ, чтобы остановить ее слишком энергичные попытки вылечить мои раны.

– Но теперь, госпожа, если вы хотите сыграть роль красивой и неотразимой Исиды, вам нужно отдохнуть. – Я принес с собой порошок, сделанный из высушенного и толченого сока сонного цветка, который называется красный шепен. Семена этого драгоценного цветка были завезены к нам в Египет торговыми караванами с гор, расположенных где-то на востоке. Я выращивал красный цветок в своем саду. Когда лепестки опадали, я царапал семенную коробочку золотой вилкой с тремя зубчиками, и густой молокообразный сок тек из надразов. Я собирал его, сушил и затем обрабатывал по формуле собственного изобретения. Этот порошок мог вызвать сон, странные видения или ослабить боль.

– Побудь со мной немного, Таита, – пробормотала она, укладываясь на кровати и потягиваясь, как сонный котенок. – Укачай меня, как раньше, когда я была еще совсем ребенком.

«А ты и теперь еще совсем ребенок», – подумал я, поднимая ее на руки.

– Все кончится хорошо, правда? И мы проживем счастливо, как герои твоих сказок. Правда, Таита?

Она уснула. Перед тем как выйти из комнаты, я нежно поцеловал ее в лоб и накрыл меховым одеялом.

На пятый день праздника Осириса фараон спустился вниз по течению из своего дворца на острове Элефантина, который находился в десяти днях пути на быстрой ладье. Он прибыл в Карнак со всей своей свитой, чтобы участвовать в празднике.

Флотилия Тана покинула Карнак за три дня до этого, поспешив вверх по течению навстречу большому флоту. Она будет сопровождать его в конце путешествия. Ни Лостра, ни я не видели нашего воина с тех пор, как вернулись с большой охоты на гиппопотамов, поэтому оба с особой радостью увидели, как ладья Тана стремительно вылетела из-за поворота реки на сильном попутном ветре. Ладья «Дыхание Гора» возглавляла флот фараона, спускавшийся с юга вниз по реке.

Лостра находилась в свите великого визиря и стояла позади своих братьев Менсета и Собека. Оба мальчика были приятной наружности и очень ухожены. Но они унаследовали слишком много от своего отца. Менсету, старшему из них, я особенно не был расположен доверять, а младший брат полностью следовал его примеру.

Я стоял позади них, в толпе приближенных визиря и младших чиновников, откуда мог следить и за Лострой, и за вельможей Интефом. Я видел, как покраснелась ее шея от удоволь-

ствия и волнения, когда она заметила высокую фигуру Тана на кормовом мостике «Дыхания Гора». Чешуя его нагрудника из крокодиловой кожи сияла на солнце, а страусовые перья развевались по ветру.

Лостра прыгала от возбуждения и махала стройными руками над головой, но ее визг и прыжки терялись в реве огромной толпы, – по моим оценкам, около четверти миллиона египтян собралось по обоим берегам Нила приветствовать своего фараона. Фивы – самый населенный город мира.

Тан стоял на мостике неподвижно, глядя прямо вперед. Он держал перед собой обнаженный меч – жест воинского приветствия. Остальные ладьи флотилии следовали за «Дыханием Гора» клином, как цапли летят на ночлег перед закатом солнца. Их выпелы и знаки отличия развевались по ветру, сверкая всеми цветами радуги. При виде такого благородного зрелища толпа восторженно закричала и стала бешено размахивать пальмовыми ветками.

Через некоторое время первое судно большого каравана тяжело вышло из-за поворота реки. На нем плыли знатные дамы и вельможи из окружения царя. Показалось еще одно большое судно, за которым следовало огромное беспорядочное стадо больших и малых лодок. Они шли по течению гигантским роем. Там были транспортные ладьи, переполненные слугами и рабами, всевозможными дворцовыми принадлежностями и регалиями; громадные барки, груженные быками, козами и курами для кухоньфараона. Позолоченные и ярко раскрашенные суда везли мебель, сокровищницу, знатных вельмож и менее значительных персон. Ладьи беспорядочно сновали в этом рое, как будто их кормчие впервые взялись за рулевые весла. Какой контраст прохождению флотилии Тана, которая спустилась ниже по реке и развернулась, сохраняя свой строй, несмотря на течение Нила!

Наконец огромная барка фараона грузно обогнула отмель и выплыла из-за поворота. Приветственные крики толпы достигли предела. Громадное судно, величайшее из всех когда-либо построенных человеком, тяжело шло по реке к пристани, где у дворца великого визиря знать города собиралась, чтобы встретить фараона.

Пока флот проходил по реке, я успел хорошо разглядеть главное судно. Меня изумило, насколько точно размеры, конструкция и то, как оно управлялось, отражали современное положение нашей страны, Египта, на двенадцатом году правления фараона Мамоса, восьмого фараона восьмой династии, самого слабого представителя вечно колеблющегося и сомневающегося рода. Главное судно было длиной в пять боевых лодок, поставленных носом к корме, но высота и ширина его соотносились настолько непропорционально, что это оскорбляло мое художественное чувство. Тяжелый корпус раскрасили в кричащие цвета по моде того времени, а фигуру Осириса на носу покрыли настоящим золотым листом. Однако, когда судно приблизилось к пристани, на которой мы ожидали фараона, я увидел, что яркие краски кое-где выцвели, а борта, как бока зебры, покрывали темные полосы засохшего кала там, где команда испражнялась за борт.

Посредине корабля стояла высокая палубная надстройка – личные покои фараона. Их построили из тяжелых досок драгоценного кедра и так перегрузили обстановкой, что это серьезно ухудшило управляемость барки. На верхней площадке аляповатой надстройки, под навесом из тщательно обработанных мягких шкур газелей, аккуратно сшитых и украшенных изображениями старших богов и богинь, за витиеватой загородкой из живых лилий в величественном одиночестве сидел фараон. Ноги его украшали золотые сандалии филигранной работы, а одежда была из такого белого полотна, что оно сияло, как высокие кучевые облака летом. На голове у фараона возвышалась двойная корона, сочетавшая белую корону Верхнего Египта с головой грифа, символом богини Нехбет, и красную корону Нижнего Египта с головой кобры, символом богини Буто, божества Дельты.

Хотя корона и была двойной, по иронии судьбы наш возлюбленный государь потерял Дельту около десяти лет назад. В наши смутные времена другой фараон правил Нижним Егип-

том, и он тоже носил двойную корону или, по крайней мере, свой собственный вариант двойной короны Египта. Этот самозванец был смертельным врагом нашего государя, и постоянные войны между двумя царствами истощили казну обоих государств и пролили много крови молодых мужчин. Египет был разорен и измучен. Истории нашей страны более тысячи лет, и такое случалось всякий раз, когда слабый правитель надевал мантию фараона. Только сильный, смелый, умный человек мог удержать в своих руках оба царства.

Чтобы развернуть тяжелое судно против течения и подвести к пристани дворца, его кормчий должен был отойти к противоположному берегу реки. Если бы он шел так, ему хватило бы ширины Нила на завершение поворота. Очевидно, он недооценил силы ветра и течения и начал разворачивать судно с середины реки. Сначала барка, сильно накренившись, повернулась поперек течения, и высокая надстройка, как парус, приняла на себя удар ветра пустыни. С полдюжины надсмотрщиков свирепо захлестали кнутами по спинам гребцов, и звуки ударов отчетливо донеслись до нас по воде.

Под ударами кнутов гребцы лихорадочно налегли на весла, вода у борта корабля вспенилась: по сотне весел с каждой стороны забили по воде, и никто не попытался хоть как-то заставить их работать в лад. Тем временем на палубе корабля Нембет, престарелый флотоводец и командир барки фараона, то отчаянно чесал длинную всклокоченную бороду, то беспомощно всплескивал руками.

И над всем этим адом неподвижно и отрешенно, как статуя, сидел фараон. Да, действительно, вот он, Египет.

Затем скорость разворота барки упала, она перестала поворачивать и направилась прямо к пристани в тисках течения и ветра. И кормчий судна, и команда, несмотря на бешеные и беспорядочные усилия, были, казалось, бессильны завершить маневр и либо развернуть корабль против течения, либо остановить его, чтобы не разбить золоченый нос о гранитные глыбы пристани.

Когда все присутствующие поняли, что сейчас произойдет, крики приветствий замерли. На берегу и на воде установилась страшная тишина. Народ на обоих берегах Нила молчал, крики и беспорядочный шум с палубы корабля еще отчетливее доносились до нас.

Внезапно глаза собравшихся обратились к «Дыханию Гора». Ладья покинула свое место в строю флотилии и понеслась вверх по реке на быстрых, как крылья, веслах. Весла «Дыхания Гора» ритмично опускались и поднимались. Ладья подошла так близко к носу барки фараона, что толпа затаила дыхание от ужаса. По ней пронесся шорох, похожий на шум ветра в камышах. Столкновение казалось неизбежным, но в самый последний момент Тан поднял над головой сжатый кулак. Одновременно гребцы по обоим бортам ладьи затабанили и рулевой резко повернул весло.

«Дыхание Гора» замедлило движение и остановилось перед грузным судном фараона. Два корабля нежно коснулись друг друга, и прикосновение это походило на поцелуй девственницы. На какое-то мгновение кормовой мостик «Дыхания Гора» почти сравнялся с основной палубой большого корабля.

В тот же момент Тан встал на борт мостика. Он успел сбросить с себя сандалии, снял оружие и доспехи. Вокруг пояса завязал легкий пеньковый канат. Затем прыгнул с одного корабля на другой, и легкий канат полетел за ним.

Как будто очнувшись от оцепенения, толпа на берегу пришла в движение. Если кто-то из присутствующих еще не знал Тана, то к концу дня точно узнает его имя. Правда, Тан уже прославился в войнах с войсками узурпатора из Нижнего царства. Однако в деле его видели только собственные войска, а рассказы о подвигах всегда действуют слабее, чем увиденное своими глазами.

И вот перед глазами фараона, всего царского флота и населения Карнака Тан перескочил с одного корабля на другой и с ловкостью леопарда опустил на палубу барки.

– Тан! – Я уверен, что моя госпожа Лостра первая выкрикнула это имя. Вторым был я.

– Тан! – заорал я, и все люди вокруг меня подхватили имя. – Тан! Тан! Тан! – Они скандировали его, как хвалебный гимн только что явившемуся богу.

Очутившись на палубе огромного судна, Тан быстро повернулся и побежал на нос корабля, таща за собой тонкий длинный канат. Команда «Дыхания Гора» привязала к его канату тяжелый трос толщиной с руку. Теперь они спустили его за борт, и Тан, наклонившись назад, потянул трос на себя. Его руки и спина покрылись потом, но он втянул трос на палубу.

К этому времени горстка людей из команды царского судна поняла, что происходит, и бросилась помогать. Под руководством Тана они три раза обернули трос вокруг бушприта царского судна, и, как только трос был закреплен, Тан дал знак своей ладье отойти.

«Дыхание Гора» рванулось вверх по течению, быстро набирая скорость. Затем канат вдруг кончился, и огромный вес царского судна потянул ладью назад. В какой-то момент я подумал, что ладья перевернется и утонет, но Тан предвидел силу удара и жестом приказал команде смягчить его, затормозив веслами.

Хотя ладья сильно накренилась и зачерпнула зеленой нильской воды, она все-таки устояла и туго натянула канат. Довольно долго все оставалось по-прежнему. Легкая ладья не могла повлиять на движение грузного судна. Два корабля сцепились, как крокодил и старый бык: бык не может вырваться, а крокодил не в силах затащить его в воду. Тогда Тан, стоя на носу царской барки, повернулся лицом к ее команде. Одним властным жестом он привлек к себе внимание, и тут же положение на борту резко изменилось. Гребцы были готовы подчиниться ему.

Флотоводец Нембет командовал всеми флотами фараона и имел звание Великого льва Египта. Многие годы назад он был одним из сильнейших бойцов, но теперь стал старым и дряхлым. Тан принял командование из его рук без всякого усилия, так же естественно, как течение реки подхватывает щепку. Команда барки ждала его приказов.

– Вперед! – знаком приказал он гребцам по левому борту, и они с силой налегли на весла. – Назад! – Он выбросил вперед сжатый кулак, скомандовав гребцам по правому борту, и те глубоко погрузили заостренные весла в воду. Тан отступил к левому борту и знаками отдавал приказы рулевому «Дыхания Гора», умело сочетая действия обеих команд. Однако барка продолжала двигаться к пристани, и теперь только узкая полоска воды отделяла корабль от гранитных глыб.

Наконец медленно, слишком медленно судно начало поворачиваться против течения, поддаваясь усилиям легкой гребной ладьи. Однако крики на берегу снова замерли, когда люди увидели, что полоска воды становится все уже и уже и вот-вот произойдет роковое несчастье: огромное судно врежется в камни пристани и распорет себе брюхо. Случись это – нет сомнений, каковы были бы последствия для Тана. Он захватил командование, отстранив престарелого флотоводца, и теперь должен нести полную ответственность за ошибки старика. Если фараона силой толчка выбросит с трона и двойная корона, а с ней и его достоинство покатаются по палубе, как глиняный горшок, если судно под его ногами пойдет ко дну и на глазах у поданных царя придется вытаскивать из реки, как мокрого щенка, – у флотоводца Нембета и у вельможи Интефа будет повод обратить все недовольство фараона на нахального выскочку.

Я беспомощно стоял на берегу и дрожал от страха за своего друга. И тогда случилось чудо. Огромное судно уже почти налетело на мель, и Тан стоял так близко к берегу, что голос его ясно донесся до меня.

– Помоги мне, великий Гор! – воскликнул он.

Я никогда не сомневался, что боги часто принимают участие в делах людей. Тан – человек Гора, а Гор – бог ветра.

Ветер дул три дня и три ночи с бескрайних просторов Сахары. Сила его достигала половины силы урагана, и все это время он дул ровно, но теперь вдруг прекратился. Он не затих постепенно, как это часто бывает, а просто перестал дуть. Рябь, которая пестрила поверхность

реки, исчезла, вода стала гладкой, и ветви пальм на берегу, мелко дрожавшие на ветру, вдруг затихли, словно скованные внезапным морозом.

Освободившись из когтей ветра, царская барка выпрямилась и поддалась усилиям «Дыхания Гора». Ее слоноподобный корпус повернулся против течения, и она встала параллельно пристани в тот самый момент, когда борт ее коснулся причала. Течение Нила остановило движение судна и поставило его неподвижно у берега.

Прежде чем судно понесло назад, Тан отдал последнюю команду. На берег полетели швартовочные канаты, руки людей быстро подобрали их и закрепили на швартовочных глыбах. Легко, как гусиное перышко, гигантская царская барка надежно встала у пристани, и ни трон, на котором сидел фараон, ни высокая корона на его голове не были побеспокоены швартовкой.

Мы, свидетели этого подвига, взорвались ревом похвал, выкрикивая скорее имя Тана, чем фараона. Скромно, как и следовало, Тан даже не попытался ответить на наши крики. Если бы внимание людей, собравшихся приветствовать царя, снова обратилось на него, это было бы серьезным грехом, и, разумеется, после этого ни на какую благосклонность фараона он бы рассчитывать не мог. Фараон очень ревниво относился к собственной особе. Поэтому Тан тайком приказал «Дыханию Гора» подойти к борту царского судна. Когда огромный парус барки скрыл ее, он спрыгнул за борт на палубу своей ладьи, предоставив сцену, на которой завоевал признание, царю, прибывшему на праздник Осириса.

Однако я успел заметить злобу и недовольство на лице Нембета, нашего древнего флотоводца, Великого льва Египта, когда тот сходил на берег позади фараона. Я понял, что Тан заработал себе еще одного влиятельного врага.

Я сдержал слово и выполнил обещание, данное Лостре, в тот же день, когда проводил генеральную репетицию. Перед началом представления мне удалось на целый час оставить влюбленных наедине.

На территории храма Осириса, где и должен был состояться спектакль, в палатках переодевались актеры, занятые в главных ролях. Я намеренно поставил шатер Лостры в некотором отдалении от других, за одной из огромных колонн, поддерживающих крышу храма. Я стоял на страже у входа в шатер, а Тан приподнял противоположную стенку и проскользнул внутрь.

Я старался не подслушивать и не обращать внимания на восторженный вскрик, когда они обнялись, на их тихое воркование и приглушенный смех, нежные стоны и вздохи, сопровождавшие благопристойные ласки. В тот момент я уже не стал бы им мешать. Я был уверен: их страсть не найдет своего логического завершения. Спустя много лет и Лостра, и Тан подтвердили мне это. Моя госпожа была девственницей в день своей свадьбы. Если бы кто-нибудь из нас троих знал, как близок этот день, мы вели бы себя совсем по-другому.

Хотя я остро ощущал опасность, угрожавшую нам, пока влюбленные оставались наедине, не мог ни словом, ни действием разлучить их. Рубцы от кнута Расфера еще жгли мне спину, а в глубине души, где прячутся грехи, недостойные мысли и влечения, таилась жгучая зависть к влюбленным, но я все равно позволил им оставаться наедине гораздо дольше, чем следовало.

Я не слышал приближения вельможи Интефа. Он подбивал свои сандалии мягкой лайковой кожей, чтобы заглушить шаги, и двигался бесшумно, как призрак. Многие придворные и рабы испытали на себе кнут или удавку Расфера, обронив неосторожное слово, случайно подслушанное вельможей во время его беззвучных странствий по залам и коридорам дворца. Однако за многие годы жизни во дворце у меня развилось чувство, позволявшее ощутить его присутствие прежде, чем он появится откуда-нибудь из темного угла. Это чутье иногда подводит меня, но в тот вечер оно сослужило хорошую службу. Подняв глаза, я вдруг увидел его прямо перед собой: он выскользнул между колоннами гипостильного зала и пошел прямо ко мне, высокий и стройный, как поднявшаяся кобра.

– Вельможа Интеф! – воскликнул я так громко, что даже сам испугался. – Какая честь для меня видеть вас на репетиции! Я буду благодарен вам за любой совет или предложение... – Слова струей хлынули из моих уст. Я изо всех сил старался скрыть смущение и предупредить влюбленных об опасности.

Я преуспел в этом даже больше, чем ожидал. Я услышал испуганный шорох в шатре, где одевалась Лостра. Затем раздался легкий шелест задней стенки шатра, и Тан ушел той же дорогой, какой пришел.

В другое время мне бы не удалось так легко обмануть вельможу Интефа. Он сумел бы прочесть вину на моем лице так же легко, как иероглифы на стенах храма или мои собственные письма на свитках. Однако в тот вечер он был ослеплен собственной яростью и намеревался наказать меня за мой последний проступок. Он не буйствовал, не кричал. Вельможа наиболее опасен тогда, когда говорит мягким, шелковым голосом и ласково улыбается.

– Милый Таита, – произнес он почти шепотом, – я узнал, что ты внес кое-какие изменения в начальное действие спектакля, хотя я лично утвердил сценарий. Я не могу поверить в подобное своеволие с твоей стороны. Я пришел сюда по такой жаре, дабы самому убедиться в этом.

Разыгрывать невинность или неведение было уже бесполезно, поэтому я склонил голову и постарался придать своему лицу огорченное выражение.

– О, мой господин, это не я приказал внести изменения. Это его святейшество, настоятель храма Осириса...

Однако вельможа нетерпеливо оборвал меня:

– Разумеется, он, но только после твоих уговоров. Мы же оба прекрасно знаем старика. В его голове с рождения не появлялось ни одной собственной мысли, а в твоей их более чем достаточно.

– Но мой господин! – возразил я.

– Что ты придумал на этот раз? Опять сон, ниспосланный тебе богами? – спросил вельможа Интеф, и голос его зазвучал тихо и ласково, как шипение священных кобр, которые кишели на каменном полу храма.

– Но мой господин! – Я изо всех сил старался изобразить благородное негодование. Я в самом деле красочно описал настоятелю, как Осирис явился мне во сне в образе черного барана и пожаловался, что на его празднике в храме должна пролиться кровь.

До этого жрец не возражал против реалистического представления, которым вельможа Интеф собирался развлечь фараона. Я прибегал к помощи снов, только когда был не в силах убедить вельможу иными способами. Сама мысль об участии в столь низком зрелище, запланированном вельможей на первое действие спектакля, внушала мне глубокое отвращение. Конечно, мне известно, что некоторые дикие народы Востока приносят людей в жертву своим богам. Касситы, живущие на востоке за реками-близнецами Тигром и Евфратом, бросают новорожденных в горящую печь. Караванщики, которые бывали в тех далеких странах, рассказывают и о других жестокостях, творящихся там во имя религии, например об убийствах девственниц ради хорошего урожая или обезглавливании пленных перед статуей трехголового бога.

Мы же, египтяне, люди цивилизованные, поклоняемся мудрым и справедливым богам, а не кровожадным чудовищам. Я попытался убедить своего господина в этом. Я объяснял ему, что только один раз за всю историю Египта фараон принес в жертву людей в храме Сета, а затем четвертовал их трупы и разослал забальзамированные части тел правителям каждого нома вместо предупреждения. В истории это и сегодня вспоминают с отвращением. Менотепа и по сей день называют кровавым царем.

– Это не человеческое жертвоприношение, – возражал вельможа. – Это заслуженная кара, которая будет приведена в исполнение новым способом. Ты же не будешь отрицать,

милый Таита, что смертный приговор всегда был важной частью нашей системы законодательства? Тод – вор, он крал царские сокровища и должен умереть, хотя бы и для того, чтобы другим неповадно было.

Рассуждение казалось разумным, но я-то знал, что справедливость его нисколько не волнует – он просто защищал свои сокровища и хотел произвести благоприятное впечатление на фараона, который так любил пышные зрелища. Так что выбора у меня не было. Пришлось отправиться спать, а утром рассказать свой сон настоятелю храма. А теперь вельможа Интеф улыбался мне, обнажая ряд безупречно белых зубов, и от этой улыбки кровь стыла у меня в жилах и волосы вставали дыбом.

– Послушайся моего совета, – прошептал он мне прямо в лицо. – Пусть тебе сегодня приснится другой сон. И какой бы бог ни явился тебе в прошлый раз, пусть сегодняшним отменит предыдущее повеление настоятеля и одобрит мой сценарий. Если этого не произойдет, у Расфера снова найдется работа. Это я тебе обещаю. – Он повернулся и пошел прочь, оставив меня у шатра. Меня переполняло двойственное чувство: с одной стороны, он не обнаружил влюбленных, а с другой стороны, к моему огорчению, мне теперь придется выполнить его ужасное повеление.

Однако после ухода вельможи репетиция прошла с таким успехом, что настроение мое снова улучшилось. Лостра сияла от счастья после свидания с Таном, и ее красота казалась божественной, а молодой и могучий Тан походил на воплощение молодого Гора.

Разумеется, меня не могло не расстроить появление на сцене моего Осириса, потому что теперь я знал, какую судьбу уготовил ему вельможа Интеф. Осириса играл красивый мужчина средних лет по имени Тод, который был судебным приставом, пока его не поймали на воровстве сокровищ из казны вельможи Интефа: ему понадобились деньги на содержание молодой и дорогостоящей куртизанки. Я не чувствовал особого удовлетворения от того, что мой анализ счетов выявил несоответствие доходов и расходов.

Вельможа освободил Тода из-под стражи до вынесения приговора, чтобы он сыграл роль бога подземного царства в моей мистерии. Вельможа обещал не судить его, если он хорошо сыграет роль Осириса. Несчастный Тод не подозревал, какая опасность скрывается за словами Интефа, и с рвением, достойным сочувствия, принялся играть бога, поверив, будто сможет заработать себе прощение. Он не знал, что вельможа тайно подписал смертный приговор и вручил свиток Расферу, который был не только государственным палачом, но и по моему выбору должен был сыграть Сета в нашем маленьком спектакле. Мой господин решил, что Расфер может совместить обе обязанности в тот вечер, когда мистерия будет представлена фараону. Хотя Расфер был единственным кандидатом на роль Сета, теперь, глядя, как он репетирует первое действие спектакля с Тодом, я сожалел о своем выборе. Я содрогнулся при одной мысли о том, насколько настоящее представление будет отличаться от репетиции.

После репетиции я исполнил свой приятный долг, проводив госпожу обратно на женскую половину дворца. Она не позволила мне уйти, оставив сидеть с ней и слушать восторженный рассказ о событиях дня и о той роли, которую Тан в них сыграл.

– Ты видел, как он воззвал к великому богу Гору и как бог немедленно пришел к нему на помощь. Конечно же, он пользуется полным покровительством и защитой Гора, правда? Гор не позволит никакому злу случиться с ним – в этом я совершенно уверена.

Мне пришлось выслушать множество подобных мыслей, и она ни разу не вспомнила о разлуке и самоубийстве. Как легко меняется ветер молодой любви!

– После сегодняшнего подвига Тана – спасения коронной барки от крушения – он, конечно же, должен завоевать высокое расположение фараона, правда, Таита? Пользуясь благосклонностью и бога, и фараона, он сможет остаться здесь, а мой отец не посмеет отослать его прочь. Ты согласен, Таита?

Лостра как будто предлагала мне подтвердить и одобрить каждую счастливую мысль, которая приходила ей в голову, и она не разрешила мне покинуть женскую половину, пока я не запомнил по меньшей мере дюжину посланий бессмертной любви и не поклялся лично передать их Тану.

Когда же, измученный, я наконец добрался до своих комнат, мне не пришлось отдохнуть и там. Почти все мальчики-рабы ждали меня, такие же веселые и возбужденные, как и госпожа. Им не терпелось узнать мое мнение о событиях того дня, и особенно о том, как Тан спас барку фараона, и о значении этого происшествия. Они толпились вокруг меня на террасе у реки, пока я кормил своих зверюшек, и изо всех сил старались привлечь мое внимание.

– Старший брат, правда, что Тан воззвал к богу о помощи и бог немедленно вмешался? Ты видел, как это случилось? Говорят, что бог повис над головой Тана в образе сокола, простирая крылья над его головой. Это правда?

– А правда, что фараон наградил Тана титулом Товарища фараона и подарил ему поместье в пятьсот федданов¹ плодородной земли на берегу реки?

– Старший брат, говорят, что оракул святилища Тота, бога мудрости, в пустыне составил гороскоп Тана. Оракул предсказывает, что Тан будет величайшим воином в истории Египта и фараон будет почитать его выше всех своих людей.

Сейчас забавно вспоминать их детские возгласы и вопросы, понимая, сколько истины прозвучало в них. Однако в то время я отогнал от себя эти мысли, а заодно и мальчишек, придав своему лицу суровое выражение.

Я укладывался спать с мыслью о том, что население городов-близнецов Луксора и Карнака полюбило Тана всей душой, а это обременительная, если не сомнительная честь. Слава в народе возбуждает зависть высоких сановников, а восхищение толпы переменчиво. Люди с равным удовольствием и разрушают кумиров, от которых устают, и ставят себе новых.

Гораздо безопаснее жить невидимым и незаметным, к чему я всегда и стремился.

После полудня шестого дня праздника торжественная процессия оставила виллу фараона в середине царских владений между Карнаком и Луксором и отправилась к храму Осириса по церемониальной аллее, окаймленной двумя рядами гранитных львов.

Огромная волокуша, на которой возвышался золоченый трон фараона, была столь велика, что людям, тесной толпой стоявшим по краям аллеи, приходилось высоко задира́ть головы, чтобы разглядеть царя. Волокуша двигалась по аллее, влекомая упряжкой из двадцати могучих быков с венками цветов на рогатых головах. Ее полозья с громким скрежетом царапали каменные плиты аллеи.

Во главе процессии шли сто музыкантов, которые играли на лирах и арфах, били в бубны и барабаны, гремели трещотками и систрами, дули в длинные прямые трубы из рогов сернобыков или витых рогов диких баранов. За ними следовал хор из ста лучших певцов Египта, исполнявший хвалебные гимны фараону и богу праздника Осирису. Хором, разумеется, управлял я. За нами шла почетная стража из отряда Синего Крокодила с Таном во главе. Толпа приветствовала его криками. Когда он проходил мимо в своих блестящих доспехах и шлеме, украшенном страусовыми перьями, многие девушки визжали от восторга и падали в обморок, не выдерживая прилива чувств, которые охватывали их при виде нового героя.

За почетной стражей шел великий визирь со своими знаменосцами, потом шествовала знать, а также часть отряда Сокола, и только за ними следовала огромная волокуша фараона. Всего же здесь собралось несколько тысяч самых богатых и влиятельных людей Верхнего царства.

¹ Феддан – земельная мера в Египте, равная 0,42 га.

Когда мы приблизились к храму Осириса, настоятель и все жрецы выстроились на лестнице, заняв места между высокими пилонами, чтобы встретить фараона Мамоса. Храм блестел свежей краской, и в теплых светло-желтых лучах заходящего солнца барельефы на внешних стенах сверкали разнообразием цветов. Веселое облако знамен и флагов колыхалось на шестах, закрепленных в отверстиях стен.

У основания лестницы фараон спустился со своего трона и стал величественно подниматься по лестнице из ста одной ступени. Хор занял места по обеим сторонам лестницы. Я стоял на пятидесятой ступени и успел разглядеть царя за те несколько секунд, пока он поднимался мимо меня.

Я уже видел фараона, поскольку он был моим пациентом, но я забыл, как мал его рост для бога. Он едва доставал мне до плеча, однако высокая корона Египта придавала ему величие. В руках, сложенных, по обычаю, на груди, он держал плетъ и посох – знаки царской власти и божественного происхождения. Я вновь отметил, как гладки и безволосы, почти женственны, его руки и как малы и стройны ноги. Пальцы рук и ног украшали кольца. На предплечьях были амулеты, а на запястьях – браслеты. Грудь украшала пластина красного золота, инкрустированная многоцветным фаянсом с изображением бога Тота, несущего перо истины. Эта драгоценность была настоящим сокровищем, и за пятьсот лет своего существования она украшала грудь семидесяти царей до нашего фараона.

Лицо его под высокой двойной короной покрывала пудра белого, как у покойника, цвета. Глаза были очерчены угольно-черной краской, а губы – ярко-алой. И все же, несмотря на толстый слой грима, лицо казалось вздорным, губы, тонкие и прямые, выглядели бессильными. Глаза, как и следовало ожидать, беспокойно скользили по окружающим.

Фундамент великого дома Египта дал трещину, и царство раздирали междоусобицы. Даже у бога есть свои тревоги. Когда-то царство простиралось от моря за семью рукавами дельты на севере до первых порогов к югу от Асуана и было величайшей империей на земле. Но он и его предки выпустили из рук царство, и теперь враги стаями кружили вокруг границ и поднимали вой, как гиены, шакалы и стервятники, пирующие на трупе Египта.

На юге угрожали черные племена Африки, на севере, по берегам Великого моря, свирепствовали морские пираты, а в дельте Нила засели войска лжефараона. На западе, в пустыне, жили коварные бедуины и хитрые ливийцы, а на востоке что ни день появлялись новые огромные племена, и все они наводили ужас на нашу страну, которую многочисленные поражения научили робости и лишили уверенности в своих силах. Ассирийцы и мидийцы, касситы, хурриты, хетты – им, казалось, не было числа.

Каково же преимущество нашей древней цивилизации, если она дряхлеет и слабеет с течением времени? Как сможем мы сопротивляться варварам с их дикой яростью, жестокостью, наглостью и страстью к насилию и грабежу? Я был убежден, что этот фараон, как и те, которые предшествовали ему, не способен вернуть стране былую славу. Он даже не мог родить себе наследника. Отсутствие наследника короны Египта, казалось, беспокоило его даже больше возможной потери трона. Он уже возвел на брачное ложе двадцать жен. Все они рожали ему дочерей. У него было целое племя дочерей, и ни одного сына. Фараон не желал признавать, что в этом виноват, скорее всего, он, их отец. Он советовался с каждым известным врачом Верхнего царства и посетил каждого предсказателя и каждое важное святилище.

Я знал об этом, потому что сам был одним из тех ученых лекарей, к которым он обращался. Признаться, не без трепета думал я, какой рецепт выписать богу, и далее удивлялся, зачем ему советоваться с простым смертным по такому деликатному вопросу. Тем не менее я прописал ему бычьи яйца, жаренные в меду, и посоветовал найти самую красивую девственницу в Египте и возвести ее на брачное ложе не позже чем через год после ее первых месячных.

Я не очень доверял своему собственному средству, однако яйца быка, приготовленные по моему рецепту, – блюдо вкуснейшее, а поиск самой красивой девственницы в стране развлечет

фараона и позволит сочетать приятное с полезным. Да и с чисто практической точки зрения, если фараон будет спать с достаточно большим количеством молодых женщин, какая-нибудь из них наверняка родит ему сына.

Во всяком случае, я утешал себя тем, что мои лекарства не были столь суровыми, как средства, предлагаемые моими старшими собратьями. В особенности это касается отвратительных снадобий, выдуманных сумасшедшими знахарями из храма Осириса, которые называют себя врачами. Если мое лекарство не принесет никакой пользы, оно наверняка не повредит – в этом я был абсолютно уверен. Если бы я только знал, каковы будут последствия моего легкомысленного совета и как судьба накажет меня за него! Я бы скорее сам сыграл роль Тода в своей мистерии, чем вымолвил хоть слово фараону.

Я был польщен и несколько удивлен, когда услышал, что фараон принял мой совет всерьез и приказал своим номархам и правителям прочесать всю страну от Эль-Амарны до порогов в поисках быков с сочными яйцами и девственниц, которые могли соответствовать требованиям моего рецепта. Мои осведомители при царском дворе сообщали мне, что он уже отверг сотни претенденток на титул самой красивой девственницы в стране.

Но вот царь быстро прошел мимо меня и вошел в храм под подобострастные завывания жрецов и раболепные поклоны настоятеля. Великий визирь и его свита последовали за фараоном, а за ними беспорядочной толпой ринулись менее знатные подданные, которым хотелось занять места перед сценой. Места в храме было мало. Только могущественные и очень знатные люди могли купить себе место у вороватых жрецов и пройти во внутренний двор. Остальным пришлось смотреть мистерию через ворота во внешнем дворе. Многие тысячи придворных будут разочарованы, так как им придется довольствоваться чужими рассказами о представлении. Даже мне, устроителю спектакля, удалось пробиться через толпу только после того, как Тан увидел, в какую переделку я попал, и послал мне на помощь двух своих людей, которые проложили мне дорогу в помещение, отведенное актерам.

Перед началом спектакля нам пришлось вытерпеть несколько витиеватых речей. Их проносили все, начиная с местных чиновников и правителей и кончая самым великим визирем. Во время прелюдии я проверил еще раз, все ли готово к представлению. Я переходил от шатра к шатру, проверял костюмы и грим актеров, успокаивал некоторых из них, помогая преодолеть приступы страха перед сценой, или удовлетворял простые капризы.

Несчастный Тод с испугом думал, что его игра может не понравиться Интефу. Мне удалось успокоить его. Я заставил его выпить немного порошка красного шепена, чтобы ослабить боль, которую ему предстояло испытать.

Когда я подошел к шатру Расфера, тот пил вино с двумя друзьями из дворцовой стражи и точил камнем клинок короткого бронзового меча. Я сам придумал для него грим, чтобы сделать его еще более отвратительным, чем в жизни, а это было совсем нелегкой задачей. И сразу понял, насколько удачен этот грим, когда Расфер осклабился, обнажив свои черные страшные зубы, и предложил мне вина.

– Как твоя спина, красавчик? На, попробуй мужского питья! Может, оно вернет тебе яйца.

Я уже привык к его издевкам и сумел сохранить достоинство, сказав ему, что вельможа Интеф отменил приказ настоятеля и что первое действие будет разыгрываться в своем первоначальном виде.

– Я уже говорил с вельможей Интефом. – Он поднял меч. – Потрогай клинок, евнух. Я хочу, чтобы ты был доволен его работой.

Меня подташнивало, когда я выходил из его шатра.

Хотя Тан не появится на сцене до второго действия, он уже надел свой костюм. Спокойно улыбаясь, взял меня за плечо:

– Ну, дружище, сегодня твой день. После сегодняшнего представления твоя слава драматурга разнесется по всему Египту.

– Как и твоя. Впрочем, она уже успела развестись. Твое имя у всех на устах, – сказал я ему. Но он отмахнулся от моих слов со скромным и беззаботным смешком, а я продолжил: – Ты приготовил свою заключительную речь, Тан? Ты не хочешь прочесть ее сейчас?

По традиции актер, игравший Гора, в заключительной сцене спектакля обращался к фараону с посланием, которое якобы исходило от богов, а на деле – от его подданных. В старые времена это давало населению страны единственную возможность устами актера привлечь внимание царя к тому, что тревожило и о чем невозможно было говорить ему в другой ситуации. Однако в период правления последней династии эта традиция стала отмирать, и заключительная речь превратилась в простое восхваление божественного фараона.

Вот уже несколько дней я просил Тана отрепетировать его речь со мной, но каждый раз он увиливал от этого под такими пустяковыми предлогами, что теперь я даже начал подозревать, что он задумал глупость.

– Больше такой возможности не представится, – настаивал я, а он только смеялся в ответ.

– Я решил устроить сюрприз и тебе, и фараону. Я думаю, так будет интереснее вам обоим.

Я не смог убедить его отрепетировать речь. Временами он превращался в такого своевольного мальчишку, какого во всем Египте не сыщешь. Я ушел от него с обидой на сердце и отправился искать утешения в другом месте.

Я наклонился и вошел в шатер Лостры и тут же застыл от изумления. Хотя я сам придумал ее костюм и давал указания служанкам, как именно наносить пудру, румяна и глазную тушь, но не был готов к такому неземному эффекту. На мгновение мне даже показалось, что свершилось чудо и богиня сама поднялась из подземного мира, чтобы занять место моей госпожи. У меня перехватило дыхание, а ноги сами начали сгибаться в коленях от суеверного ужаса, но хихиканье госпожи вывело меня из оцепенения.

– Весело, правда? Мне не терпится посмотреть на Тана в полном костюме Гора. Он будет выглядеть настоящим богом.

Она медленно повернулась, чтобы я смог оценить ее костюм, и улыбнулась мне через плечо.

– Вы, госпожа моя, не меньше похожи на богиню, – прошептал я.

– Когда же начнется представление? – нетерпеливо спросила она. – Я так взволнована, что не могу больше ждать.

Я прижался ухом к стенке шатра и прислушался к гудению голосов в огромном зале. Понял, что подошел черед последней речи и в любой момент вельможа Интеф может вызвать на сцену актеров.

Я схватил руку Лостры и сжал ее.

– Не забудь сделать долгую паузу и принять надменный вид перед тем, как произнести первые слова, – предупредил я ее.

Она игриво хлопнула меня по плечу:

– Ступай прочь, старый ворчун, все будет великолепно, вот увидишь.

В тот самый момент вельможа Интеф заговорил громче.

– Божественный фараон Мамос, Великий дом Египта, Опора царства, справедливый, великий, всевидящий, всемилостивейший... – читал он титулы и почетные звания, а я заторопился из шатра Лостры и отправился к месту на сцене, где должен был начинать представление.

Я спрятался за центральной колонной. Выглянув из-за нее, увидел, что весь внутренний двор храма забит битком; фараон и старшие из его жен сидели в переднем ряду на низких кедровых скамейках и потягивали из чаш прохладный шербет или вкушали финики и другие сласти.

Вельможа Интеф говорил с передней части алтарного возвышения, которое служило сценой. Большую ее часть от зрителей скрывал полотняный занавес. Я осмотрел все в последний раз, хотя исправлять что-либо было поздно.

Сцену позади занавеса украшали пальмы и акации, посаженные по моему указанию в кадки дворцовыми садовниками. Мои каменщики оторвались от работ в Городе мертвых, чтобы построить каменную емкость в задней части храма, откуда поток воды потечет через сцену, изображая реку Нил.

Позади сцены от пола до потолка были натянуты полосы холста, на которых художники из Некрополя изобразили чудесные пейзажи. В вечерних сумерках при свете факелов, закрепленных в специальных отверстиях по краям сцены, декорации производили настолько реалистичное впечатление, что, казалось, переносили в другой мир и в другое время.

Кроме того, я решил позабавить фараона разными развлечениями и с этой целью поставил за сценой клетки с животными, птицами и бабочками. Их выпустят на волю, чтобы изобразить сотворение мира великим богом Амоном-Ра. В горючий состав факелов я внес специальные добавки, от которых пламя будет ярко вспыхивать малиновым и зеленым, заливая сцену потусторонним светом и испуская клубы дыма, будто перед нами подземное царство, где живут боги.

– Мамос, сын Ра, да живешь ты вечно! Мы, твои верные подданные, граждане Фив, просим тебя уделить свое высокое внимание низкому зрелищу, которое мы посвящаем твоему величеству.

Вельможа Интеф закончил приветственную речь и вернулся на место. Под звуки рога, раздавшиеся за сценой, я вышел из-за колонны и встал лицом к зрителям. Им пришлось долго скучать, сидя в неудобных позах на каменном полу, и теперь они жаждали развлечений. Публика хриплыми возгласами приветствовала мое появление, даже фараон улыбнулся в предвкушении.

Я поднял обе руки, призывая к тишине, и заговорил только тогда, когда наступила полная тишина.

– Я гулял по берегу реки под яркими лучами солнца. Я был молод, и силы молодости переполняли меня. Потом я услышал необычную, можно сказать – роковую, губительную музыку в камышах на берегу Нила. Я не узнал звуков арфы, и во мне не было страха, так как находился я в расцвете мужских сил и любовь близких поддерживала меня. Музыка эта была непревзойденной красоты. Весело отправился я на поиски музыканта, не подозревая о том, что играла сама смерть и музыкой этой она хотела привлечь меня одного.

Мы, египтяне, зачарованы мыслями о смерти, поэтому я сразу глубоко взволновал своих зрителей. Послышались вздохи, некоторые из присутствующих содрогнулись.

– Смерть схватила меня и потащила в своих костлявых руках к Амону-Ра, богу солнца. Я слился с белым сиянием его плоти. Где-то далеко внизу рыдали любимые мной, но я не мог разглядеть их, и дни моей жизни, казалось, перестали существовать для меня.

Я впервые прочел свою прозу на публике и сразу понял, что мне удалось увлечь всех. Они слушали меня как зачарованные, затаив дыхание. В храме стояла полная тишина.

– Потом смерть отнесла меня высоко, откуда весь мир открывался моим взорам, словно круглый щит, сверкающий в синем море небес. Я видел всех людей из всех стран, которые когда-либо существовали на земле. Могучей рекой время потекло вспять передо мной. Люди вставали со смертного одра, молодели, уменьшались и исчезали в утробе матери. Время уходило все дальше назад, пока не появились первые мужчина и женщина. Я увидел их рождение и то, что было до него. Наконец на земле не осталось больше людей. На ней жили только боги.

Но река времен по-прежнему текла вспять – через эпоху богов к темноте и первобытному хаосу. Затем ей некуда стало течь, и она повернула обратно. Время опять пошло в направлении,

к которому я привык в дни моей жизни на земле. Я увидел, как страсти богов и их мучения разворачиваются перед моими взорами.

Мои слушатели прекрасно знали богов нашего пантеона, но никто из них не слышал, чтобы их жития представлялись таким новомодным образом. Они сидели молча, как околдованные.

– Из хаоса и тьмы поднялся Амон-Ра, тот, кто создал себя сам. Я увидел, как Амон-Ра погладил свой детородный член и тот испустил струю семени, которая могучей волной прокатилась по небу и оставила серебряный след, известный нам под названием Млечного Пути, пересекающего небо от края до края. Из его семени родились Геб и Нут, земля и небо.

– Бак-кер! – Чей-то дрожащий голос прервал тишину во дворе храма. – Бак-кер! – Старик настоятель не выдержал и благословил мое видение сотворения мира.

Я был настолько поражен этим, что чуть не забыл следующую строчку. Ведь это самый суровый критик моего спектакля. Теперь он целиком встал на мою сторону, и голос мой торжественно зазвенел.

– Геб и Нут сошлись как мужчина и женщина, и от их соития, их страшного брака появились боги Осирис и Сет и богини Исида и Нефтида.

Я широко повел рукой в сторону сцены, и полотняный занавес медленно разошелся, открывая фантастический мир, сотворенный моим воображением. В Египте еще никто ничего подобного не видел, у зрителей захватило дух от удивления. Медленным торжественным шагом я ушел со сцены, и мое место занял бог Осирис. Зрители сразу узнали его по высокому бутылкообразному головному убору и по тому, как он скрестил на груди руки с посохом и плетью. В каждом семейном святилище стояла его статуэтка.

Монотонный почтительный гул исторгся из каждого горла. Успокоительное, которое я дал Тоду, придавало странный блеск его глазам, он убедительно играл божество из потустороннего мира. Он сделал магические движения посохом и плетью Осириса и объявил звучным голосом:

– Да будет река Атур!

И снова по рядам собравшихся прошел шорох, когда все поняли, что речь идет о Ниле, а Нил – это Египет и центр мира.

– Бак-кер! – воскликнул другой голос, и теперь, выглянув из своего укрытия за колонной, я удивился и обрадовался: это был сам фараон.

Теперь моя мистерия получила благословение и духовных, и мирских властей. Я был уверен, что она будет признана официальной и заменит старую, просуществовавшую тысячу лет. Мне нашлось место среди бессмертных. Мое имя проживет тысячелетия.

Я весело приказал рабам открыть емкость с водой. Сначала зрители ничего не поняли. Когда они осознали, что стали свидетелями рождения Великой реки, тысячи глоток подхватили:

– Бак-кер! Бак-кер!

– Да поднимутся воды! – воскликнул Осирис.

И воды Нила послушно поднялись.

– Да опустятся воды! – вскричал бог, и по его приказу воды снова вернулись в русло. – А теперь да поднимутся воды снова!

Я приказал ведрами лить краску в воду, вытекающую из емкости в задней части храма. Сначала лили зеленую краску, чтобы имитировать цвет воды перед половодьем, а затем, когда вода поднялась, добавили темную, которая хорошо передавала цвет Нила во время сезонного наводнения.

– Да будут насекомые и птицы на земле! – приказал Осирис, и в задней части храма открыли клетки, откуда с визгом, чириканьем, писком вылетело облако диких птиц и ярко окрашенных бабочек и заполнило весь храм.

Зрители, как маленькие дети, зачарованно протягивали руки к бабочкам, хватая и снова выпуская их в воздух в пространстве между высокими колоннами. Одна дикая птица – длинноклювый угод с яркими белыми, коричневыми и черными узорами на крыльях – бесстрашно подлетела к фараону и уселась прямо на его короне.

Толпа пришла в восторг.

– Знамение! – закричали все. – Благословен наш царь! Да живет он вечно!

И фараон улыбнулся.

Это, конечно, низко с моей стороны, но позже я намекнул вельможе Интефу, что специально обучил птицу выбрать из всех людей фараона, хотя, разумеется, это было невозможно. Но он поверил мне. Такая уж слава идет о моем умении обращаться с животными и птицами.

Осирис бродил в созданном им раю, и настроение зрителей было самым подходящим для начала трагедии, когда на сцену с воплем, от которого стынет в жилах кровь, выскочил Сет. Хотя все ждали этого появления, его мощь и отвратительный вид потрясли присутствующих. Женщины завизжали и закрыли лица руками, взглядывая на сцену из-за дрожащих пальцев.

– Что же ты наделал, брат? – зарычал Сет, придя в ярость от зависти. – Ты поставил себя надо мной? Разве я не бог, как ты? Что же, ты сотворил мир только для себя? Как же мне, твоему брату, разделить его с тобой?

Осирис ответил ему с достоинством – красный шепен держал его в своих оковах, и голос бога звучал холодно и отрешенно.

– Наш отец, Амон-Ра, отдал мир нам обоим. Однако он также дал нам право выбирать, как распорядиться им: во зло или во благо...

Я вложил эти слова в уста Осириса, и они зазвенели в храме. Это лучшее из когда-либо написанного мною, и зрители замерли от восхищения. Я один знал, что произойдет через мгновение, красота и сила моих слов не радовали меня. Я взял себя в руки и стал ждать.

Осирис заканчивал свою речь:

– Вот мир, каким я сотворил его. Если хочешь разделить его со мной в покое и братской любви, добро пожаловать, брат мой. Но если ты пришел с войной и гневом в душе, если зло и ненависть сжигают твое сердце, я приказываю тебе уйти.

Он поднял правую руку в блестящих прозрачных одеждах и указал путь Сету, по которому тот должен был покинуть рай земной.

Сет повел огромными и волосатыми, как у быка, плечами и зарычал так, что брызги слюны облаком вылетели из его рта, распространяя вокруг вонь гниющих зубов. Я почувствовал запах из-за своего укрытия. Сет высоко поднял широкий бронзовый меч и бросился на брата. Этой сцены мы не репетировали, и Осирис был застигнут врасплох. Он стоял вытянув вперед правую руку. Клинок со свистом опустился вниз. Сет отрубил его кисть у сустава так же легко, как я бы обрезал побег виноградной лозы в саду. Она упала к ногам Осириса. Пальцы отрубленной кисти чуть дрожали.

Бронза была острой, а Осирис настолько не ожидал нападения, что какое-то время оставался без движения. Он только чуть качнулся. Зрители решили, что отрубленная рука – очередная театральная уловка, и быстро успокоились. Кисть, наверное, бутафорская, подумали они. Крови не было. Им стало очень интересно, но бояться пока было нечего. Вдруг Осирис с ужасным воплем отскочил в сторону и ухватился за обрубок. В этот момент кровь хлынула красной винной струей и забрызгала его белые одежды. Держась за обрубок и шатаясь, Осирис заковылял со сцены. Его крик, высокий непрерывный крик смертельной боли, взорвал самодовольство зрителей. Только сейчас они поняли, что стали свидетелями настоящего убийства. Страшная тишина сковала их своими цепями.

Не успел Осирис дойти до края сцены, как Сет поскакал за ним следом на своих коротких ножищах и догнал его. Он схватил Осириса за обрубок руки и потащил, как за рукоять, на середину сцены, где бросил несчастного на каменные плиты. Разукрашенная мишурой корона

свалилась с головы Осириса, и косички черных волос рассыпались по плечам. Он лежал на каменном полу в увеличивающейся луже собственной крови.

– Пожалуйста, пощади меня! – завопил Осирис.

Но Сет вдруг расхохотался, стоя над ним. Он издал оглушительный гогот веселящегося мужчины. Расфер стал Сетом, и Сету было очень весело.

Этот дикий хохот вывел зрителей из оцепенения. Однако иллюзия была полной – они позабыли о том, что смотрят спектакль. Это ужасное зрелище стало для них реальностью. Женщины завизжали, а мужчины заорали в возмущении: ведь у них на глазах убивали их бога.

– Пощади его! Пощади великого бога Осириса! – завопили они, но никто не встал со своего места и не попытался выскочить на сцену и предотвратить трагедию. Они знали, что борьба и страсти богов не поддаются влиянию смертных.

Осирис шарил уцелевшей рукой по ноге Сета. Все еще смеясь, Сет схватил кисть этой руки, поднял ее и оглядел, как мясник осматривает ногу барана перед тем, как расчленить ее.

– Отруби ее! – раздался вопль, хриплый от жажды крови. Настроение толпы опять переменялось.

– Убей его! – закричал другой.

Меня всегда тревожило, как вид крови и насильственная смерть действуют на самых тихих людей. Даже меня взволновала эта ужасная сцена. Подташнивало от ужаса, это правда, но тем не менее где-то в глубине моего существа возник какой-то отвратительный восторг.

Одним небрежным взмахом клинка Сет отрубил руку, и Осирис упал. Рука осталась в окровавленных лапах Сета. Осирис пытался подняться, но не мог опереться на руки, и ноги его судорожно били по земле, а голова моталась из стороны в сторону. Он продолжал кричать. Я попытался заставить себя отвернуться, но, хотя желчь обожгла мне горло, не мог отвести глаз.

Сет разрубил руку на три части там, где она соединялась в суставах, и по очереди бросил ее куски в зал. В полете они роняли на зрителей рубиновые брызги крови. Зрители рычали, как львы во время кормежки в зоопарке фараона, и тянули руки, чтобы поймать священные мощи своего бога.

Работал Сет с религиозным рвением. Он отрубил ступни Осирису, затем икры и бедренный сустав. И бросал их кусок за куском, а толпа криками просила еще и еще.

– Талисман Сета! – взвыл вдруг какой-то голос. – Дай нам талисман Сета!

И зрители подхватили этот крик. Как гласит миф о смерти Осириса, талисман этот – самое мощное из колдовских средств. Человек, который владеет им, управляет всеми темными силами подземного царства. Это единственный из четырнадцати кусков тела Осириса, который не смогли обнаружить Исида и ее сестра Нефтида, когда разыскивали части его тела по дальним уголкам Земли, куда Сет разбросал их. Талисман Сета – это та самая часть тела, которой Расфер лишил меня и которая сейчас лежит в середине ожерелья, украшающего мою шею, циничного подарка моего господина Интефа.

– Дай нам талисман Сета! – выла толпа.

Сет протянул руку и поднял нижний край одежды безногого существа. Он по-прежнему хохотал. Я содрогнулся, узнав безжалостные нотки, такие знакомые мне по наказаниям, которые я терпел от его рук. В какое-то мгновение я снова испытал жгучую боль в паху, когда короткий меч блеснул в окровавленных руках Сета, и он поднял над сценой жалкие останки.

– Отдай нам, – молила толпа. – Отдай нам силу талисмана! – Спектакль превратил зрителей в стадо буйных зверей.

Сет будто не слышал их мольбы.

– Подарок! – закричал он. – Подарок одного бога другому богу. Я, Сет, бог тьмы, посвящаю этот талисман божественному фараону Мамосу.

Он поскакал на кривых мощных ногах со сцены и положил свой сувенир у ног фараона. К моему удивлению, царь нагнулся и поднял. Несмотря на толстый слой пудры и грима, казалось,

будто он потерял дар речи, будто эти жалкие останки действительно были реликвией бога. Я уверен: тогда он верил в это. Фараон держал их в правой руке в течение всего представления.

Увидев, что подарок принят, Сет поспешил на сцену, чтобы закончить бойню. Меня до сих пор преследует мысль о том, что это бедное существо с отрубленными руками и ногами было живо и чувствовало все до последней минуты. Я понял, что лекарство, которое дал, не смягчило боли. Я видел страшное мучение в его глазах, когда он лежал на сцене в озере собственной крови и мотал головой из стороны в сторону. Это была единственная часть тела, сохранившая способность двигаться.

Я испытал огромное облегчение, когда Сет наконец отрубил голову и поднял ее над толпой за черные косицы. Даже тогда это существо еще в ужасе смотрело вокруг себя, вращая глазами. Потом зрочки погасли и остекленели, и Сет бросил голову зрителям.

Так закончилось первое действие спектакля, и публика взорвалась такими оглушительными и восторженными аплодисментами, что чуть не расшатала колонны храма.

Во время перерыва рабы, мои помощники, убрали со сцены следы ужасной бойни. Меня больше всего беспокоило, как бы госпожа Лостра не узнала того, что в действительности произошло во время первого действия. Я хотел, чтобы она верила, будто все шло так же, как и на репетиции. Поэтому она все это время оставалась в палатке, а один из воинов Тана сторожил вход. Я позаботился также, чтобы ее черные служанки не смогли выскочить и подсмотреть бойню, а позже вернуться и доложить Лостре. Уверен, знай она истину, это слишком расстроило бы ее, и она не смогла бы сыграть свою роль. Пока мои помощники ведрами черпали воду из нашего Нила и смывали следы убийства, я поспешил подбодрить мою госпожу и убедиться в том, что мои предосторожности не оказались тщетными. Мне удалось скрыть от нее трагедию.

– О, Таита, я слышала аплодисменты, – радостно приветствовала она меня. – Все без ума от твоей мистерии. Я так рада за тебя! Ты заслужил этот успех. – Она заговорщицки усмехнулась. – Они, кажется, поверили, что Осириса убили по-настоящему, а бычья кровь, которую ты ведрамилил на Тода, была кровью бога.

– В самом деле, госпожа, их, по-моему, обманули наши маленькие хитрости, – согласился я с ней. Правда, меня все еще подташнивало и голова шла кругом от того, что я видел.

Госпожа Лостра ничего не подозревала, когда мы прошли на сцену, и только скользнула взглядом по темным пятнам на камнях. Я подвел ее к нужному месту и подсказал, как лучше встать, поправил факелы, чтобы они выгодно освещали героиню. Несмотря на привычку, от этой красоты у меня перехватило дыхание и слезы потекли из глаз.

Я оставил Лостру за полотняным занавесом и вышел на середину сцены, чтобы снова обратиться к зрителям. На этот раз публика приветствовала меня без смеха. Каждый зритель, от фараона до самого низкого вассала, упивался моим голосом, пока я блистательной прозой описывал плач Исиды и ее сестры Нефтиды по умершему брату.

Когда я сошел со сцены, невидимые рабы раздвинули занавес, открыв печальную фигуру Исиды, и у публики захватило дух от красоты богини. После кровавого зрелища, завершившего первое действие, ее очарование казалось еще более волнующим.

Исида начала печальную песню об умершем, и голос ее зазвенел по темным залам храма. Она покачивала головой в такт песне, и маленькое изображение луны, увенчивающее ее головной убор, украшенный рогами, бросало в публику яркие стрелы в отраженном свете факелов.

Я внимательно следил за лицом фараона. Он не отрываясь смотрел на Лостру, и губы его беззвучно шевелились, сочувственно повторяя слова, исполненные горем:

Сердце мое – газель
В львиных когтях печали...

Она оплакивала брата, и царь со всей своей свитой горевал вместе с ней.

Мед мне больше не сладок,
Цветы пустыни не пахнут.
Душа – опустевший храм,
Покинутый богом любви.

В переднем ряду несколько царских жен начали всхлипывать и что-то жалобно бормотать, но никто даже не взглянул на них.

С улыбкой я встречу смерть.
Я с радостью дам ей руку,
Если она ответит
Меня к моему властелину.

Теперь уже не только царские жены, а все женщины и большая часть мужчин плакали. Слова Исида и ее красота были неотразимы. Казалось невозможным, что боги могут испытывать такие же чувства, как и смертные, но слезы медленно стекали по щекам фараона, оставляя следы черной туши, и он, моргая, как сова, смотрел на госпожу Лостру.

Нефтида выпорхнула на сцену и спела дуэтом с сестрой, а затем они, взявшись за руки, пошли искать разбросанные куски тела Осириса.

Конечно же, я не стал подкладывать им настоящие куски тела Тода. Во время перерыва я приказал моим помощникам собрать его тело и отнести бальзамировщикам. Я сам оплатил расходы на похороны Тода. Мне хотелось как-то искупить свою вину за участие в убийстве несчастного. Там не было той части тела, которую фараон все еще держал в руке, но я надеялся, что боги сделают исключение и позволят Тоду войти в подземное царство и он не будет думать обо мне слишком плохо. Я считаю, что мудро иметь друзей везде, где только возможно, – и в этом мире, и в том, где мы можем оказаться после смерти.

Чтобы предоставить зрителям тело бога, я приказал художникам Некрополя изготовить великолепную картонную мумию, изображавшую Осириса в гробу в торжественном одеянии, со скрещенными на груди руками. Я разделил эту мумию на тринадцать частей, которые собирались как детские кирпичики.

Когда сестры находили каждую часть тела бога, то пели ей хвалебный гимн. Воспевали его руки, ноги, тело, божественную голову.

Такие глаза, как звезды в ночи,
Вечно должны светить.
Смерти туману их красоты
Саваном не укрыть.

Потом, когда они собрали тело Осириса, не считая недостающего талисмана, стали вслух рассуждать о том, как вернуть его к жизни.

Вот здесь-то мне и представилась возможность ввести в спектакль один существенный элемент, чтобы удовлетворить вкусы простого народа. В каждом из нас живет сильная склонность к похоти, и драматург или поэт всегда должен помнить об этом, если он хочет нравиться зрителю.

– Есть только один верный способ вернуть к жизни нашего дорогого господина и брата. – Я вложил эти слова в уста богини Нефтиды. – Одна из нас должна совершить акт деторождения

с его разрушенным телом, чтобы оно соединилось воедино и в нем опять загорелась искра жизни.

Зрители заволновались и наклонились вперед в предвкушении нового зрелища. Это предложение пришлось по вкусу даже самым похотливым из них, склонным к кровосмесительству и некрофилии.

Меня долго мучило, как представить этот эпизод из мифа о воскрешении Осириса. Госпожа моя потрясла меня, когда заявила однажды, будто сама хочет сыграть роль до конца. У нее даже хватило наглости указать мне с обычной дерзкой улыбочкой, что она приобретет ценные знания и опыт, исполняя эту роль. Я не уверен, шутила она или действительно хотела сыграть все сама, но не согласился, и у нее не было возможности доказать свою верность роли или отсутствие таковой. С ее репутацией и честью семьи шутить нельзя, это слишком ценный товар.

И вот по моему сигналу, когда полотняный занавес снова задернули и госпожа Лостра быстро покинула сцену, на ее место пришла одна из дорогих куртизанок, которая занималась своим ремеслом во дворце любви около порта. Я нанял эту девку, переговорив с несколькими представительницами ее профессии, отчасти из-за того, что ее красивое молодое тело очень походило на тело моей госпожи. Конечно, лицом своим она никак не могла сравниться с госпожой Лострой. Да я и не знаю, кто мог бы с ней сравниться.

Как только двойник богини занял свое место, позади сцены зажглись факелы, и ее тень появилась на занавесе. Она начала раздеваться самым соблазнительным образом.

Мужчины приветствовали ее телодвижения веселыми воплями, решив, что раздевается Лостра. Под их скабрёзные шутки блудница двигалась все похотливее, и публика приняла это зрелище еще более одобрительно, чем убийство Осириса в первом действии.

Это место в спектакле долго мучило меня: как изобразить акт оплодотворения без некой важнейшей детали? Мы только что видели, как Осириса насильственным путем лишили нужного штырька. В конце концов пришлось прибегнуть к старому театральному фокусу, который так раздражает меня в работах других драматургов. Я имею в виду вмешательство богов и их сверхъестественную власть.

Госпожа Лостра говорила из-за кулис, а ее второе «я», представленное в виде тени на занавесе, встало над мумией Осириса и выполнило магические движения.

– Мой дорогой брат, редчайшей и чудеснейшей властью, данной мне нашим прародителем Амоном-Ра, я возвращаю тебе те мужские части твоего тела, которых жестокий Сет лишил тебя, – пропела госпожа.

Я снабдил мумию небольшим устройством, благодаря которому за веревочку, протянутую через блок под крышей храма над самим Осирисом, можно было поднять необходимый предмет. При последних словах Исиды деревянный фаллос почти с руку длиной, прикрепленный к паху бога, поднялся во всем своем царственном великолепии. Зрители ахнули от восхищения.

Когда Исида ласкала его, я дергал за веревочку, и он тоже дергался и как бы изгибался. Зрителям это нравилось, но больше всего им понравилось, когда богиня оседлала простертую мумию божества. Судя по тому, насколько умело изображала она экстаические движения гибкого тела, блудница, которую я выбрал, действительно была одной из величайших представительниц своей профессии. Зрители признали великолепие игры и все время подбадривали ее неистовыми воплями и похабными советами.

Во время кульминации этого эпизода факелы погасли, и храм погрузился в темноту. В темноте произвели замену актеров, и, когда факелы зажглись снова, госпожа Лостра стояла посреди сцены с новорожденным младенцем на руках. Одна из рабынь на кухне предусмотрительно родила за несколько дней до этого, и я одолжил у нее ребенка на спектакль.

– Я дарю вам новорожденного сына Осириса, бога подземного царства, и Исида, богини луны и звезд. – Госпожа Лостра подняла младенца над своей головой, и он, пораженный видом толпы чужих людей, скорчился, покраснел и заорал.

Исида заговорила громче, перекрывая его крик:

– Приветствуйте молодого владыку Гора, бога ветра и неба, сокола небес!

Люди Гора составляли половину аудитории, и их восторгам по поводу рождения покровителя не было границ. С громкими криками они вскочили на ноги, и второе действие закончилось таким же триумфом, как и первое, а позже выяснилось, что наш новорожденный бог смертельно опозорился – с перепугу он основательно испачкал свои пеленки.

Я начал последнее действие декламацией, описывающей детство и взросление Гора. Я говорил о священном долге, возложенном на него Исидой, и едва произнес эти слова, как занавес раздвинулся и посередине сцены зрителям предстала богиня.

Исида купалась в Ниле в сопровождении своих служанок. Влажная одежда липла к телу, и великолепная бледная кожа просвечивала через мокрое полотно. Неясные очертания груди увенчивали розовые бутончики девственных сосков.

Тан в наряде Гора вышел из-за кулис, и его фигура тут же заполнила всю сцену. Блестящие доспехи и гордая осанка воина прекрасно оттеняли красоту богини. Многочисленные победы в сражениях на реке и его последний подвиг – спасение царской барки – привлекли к нему внимание зрителей. Тан стал любимцем толпы. Не успел он начать свою речь, как все стали приветствовать его, и аплодисменты продолжались так долго, что актеры, казалось, окаменели на своих местах.

Пока бушевала буря приветствий, я нашел в толпе несколько лиц и проследил за их выражением. Нембет, Великий лев Египта, зло осклабился и что-то бормотал себе в бороду, не скрывая раздражения. Фараон великодушно улыбнулся и кивнул, чтобы сидевшие за ним заметили его расположение и их восторги разгорелись еще жарче. Вельможа Интеф, который никогда не плыл против течения, улыбнулся самой своей шелковой улыбкой и кивнул вместе с царем. В глазах же его, как я успел разглядеть из своего укрытия, сверкнула смертельная ненависть.

Наконец аплодисменты затихли, и Тан мог начинать, хотя и не без труда: стоило ему остановиться, чтобы перевести дух, как зрители снова принимались радостно приветствовать его. Только когда Исида запела свою песню, зрители смолкли.

Страдания отца вызывают к мщению;
Влиянье злой судьбы, преследующей нас,
Ты должен изменить.

Стихами Исида предупредила своего благородного сына об опасности и протянула к нему руки, одновременно и умоляя, и приказывая.

Проклятье Сета на твоей семье,
И снять его один лишь ты сумеешь.
Найди родного дядю, бога тьмы.
Свирепый вид и дерзкие манеры
Надменное чудовище покажут.
Когда найдешь его, начните бой.
Ты повали врага и крепкой цепью
Заставь его твоей отдаться воле,
Чтоб смертные и боги навсегда

Забыли о его поганой власти.

Не переставая петь, богиня ушла со сцены и оставила сына выполнять свой наказ. Зрители не отрываясь следили за всем происходящим, как дети слушают любимую, хорошо знакомую песенку, и уже начинали волноваться, так как знали, что сейчас произойдет.

Когда Сет наконец выскочил на сцену для решительного боя, вечного боя между добром и злом, красотой и уродством, долгом и бесчестьем, зрители уже были готовы к этому. Они приветствовали его криками неподдельной ненависти. Расфер вызывающе осклабился и стал плевать в публику, гордо расхаживая по сцене. Потом он сложил руки на половых органах и стал двигать бедрами взад и вперед, чтобы похабным жестом привести зрителей в ярость.

– Убей его, Гор! – завопили они. – Размозжи его уродливую морду! – Сет расхаживал перед ними, разжигая в них злобу.

– Размозжи ему морду!

– Убей убийцу великого бога Осириса! – ревела публика.

– Вырви ему потроха!

В глубине души зрители знали: это Расфер, а не Сет, но ненависть их от этого нисколько не ослабла.

– Отруби ему голову! – орали они.

– Убей его, убей!

Наконец Сет сделал вид, будто в первый раз заметил своего племянника, и нахально заковылял к нему, высовывая язык и болтая им перед черными зубами; он пускал слюну, как слабоумный, и она серебристой пленкой ложилась на его грудь. Мне трудно было поверить, что Расфер может заставить себя выглядеть еще более уродливо, чем обычно, но теперь он доказал, что это так.

– Кто это дитя? – спросил он и рыгнул прямо в лицо Гору. Тан не ожидал этого и невольно отступил назад с неподдельным выражением отвращения на лице, когда в нос ему ударил смрад прокисшего вина, все еще бродившего у Расфера в желудке.

Тан быстро пришел в себя и произнес свою реплику:

– Я Гор, сын Осириса.

Сет издевательски захохотал:

– Что ты ищешь, маленький сынок мертвого бога?

– Я ищу отмщения за убийство своего благородного отца. Я ищу убийцу Осириса.

– Тогда тебе больше не нужно его искать, – выкрикнул Сет, – потому что это я. Сет, победитель слабых богов. Я, Сет, пожиратель звезд и разрушитель миров.

Боги обнажили мечи и бросились друг на друга, столкнувшись посередине сцены. Клинок ударился о клинок, и бронза зазвенела. Чтобы уменьшить опасность случайного ранения, я попытался заставить их сменить бронзовые мечи на деревянные, но мои актеры не потерпели этого. Расфер обратился к вельможе Интефу, и тот приказал им пользоваться боевым оружием, – мне пришлось подчиниться его власти. По крайней мере, это придаст сцене более реалистичный характер, решил я. И вот теперь они стояли друг перед другом, грудь в грудь, скрестив клинки, и свирепо смотрели друг другу в лицо.

Эта необычная пара совершенно несхожих людей, казалось, воплощала вековечный конфликт между добром и злом – основную мысль мистерии. Красавец Тан был высок и светловолос. Сет был черен и крив, с кривыми ногами и омерзительным лицом. Контраст их внешности буквально вызывал тошноту. Зрители пылали яростью, как и главные герои, сражавшиеся на сцене.

Они одновременно толкнули друг друга и отступили назад, а затем снова бросились вперед, нанося колющие и режущие удары, парируя удары и уклоняясь от них. Оба были прекрасно тренированными и умелыми фехтовальщиками, одними из лучших в войсках фараона.

Клинки их мелькали, кружились и сверкали в лучах факелов так, что казались совершенно невесомыми, как солнечные лучи, отраженные рекой. Шум поединка походил на хлопки и шелест крыльев птиц, поднятых со своих гнезд. Когда мечи сходились, они гремели, как кузнечные молоты по меди.

То, что сторонний наблюдатель принял бы за хаос реального сражения, было на самом деле тщательно отрепетированным танцем. Оба прекрасно знали, как наносить каждый удар и как отражать удар противника. Два превосходных бойца занимались тем, к чему готовились всю свою воинскую жизнь, и движения их, казалось, не требовали никаких усилий.

Когда Сет наносил удар, Гор отражал его с таким опозданием, что конец клинка задевал его нагрудник и оставлял на нем яркий след. Затем Гор делал ответный выпад, и его меч пронёсся так близко к голове Сета, что срезал локон спутанных жестких волос, будто бритва цирюльника. Ноги их переступали грациозно и точно, как у храмовых танцоров, а движения были стремительны, как полет сокола или бег гепарда.

Толпа была загипнотизирована зрелищем. Потом какое-то внутреннее чутье предостерегло меня. Может быть, какой-нибудь бог тронул за локоть, кто знает? Во всяком случае, что-то находящееся вне меня заставило оторваться от созерцания боя и взглянуть на вельможу Интефа, который сидел в переднем ряду.

То ли глубокое знание вельможи Интефа, то ли чутье, то ли вмешательство богов, покровительствовавших Тану, вложили мне в голову страшную мысль. А может быть, действовали все три из вышеназванных сил. Однако я вдруг понял, почему на лице вельможи Интефа застыла уродливая волчья усмешка. Я понял, почему он выбрал Расфера на роль Сета. Я понял, почему он не пытался лишить Тана роли Гора в спектакле даже после того, как обнаружил его связь с госпожой Лострой. Я понял, почему он приказал воспользоваться настоящими мечами на сцене и почему сейчас ухмыляется. Убийство Осириса не было последним кровопролитием. Расфер снова найдет применение своим талантам.

– Тан! – закричал я и бросился вперед. – Осторожно! Это ловушка, он хочет... – Мой крик утонул в реве толпы. Не успел я сделать второй шаг в сторону сцены, как сзади меня схватили за руки. Я попытался вырваться, но два негодяя, дружки Расфера, держали меня крепко и потащили со сцены. Их поставили специально на тот случай, если я попытаюсь вмешаться и предупредить друга.

– Гор, дай мне силы! – вознес я краткую молчаливую мольбу и вместо того, чтобы сопротивляться, бросился в ту же сторону, куда меня тащили. На какое-то мгновение люди Расфера потеряли равновесие, и мне удалось вырваться из их рук. Я сумел добраться до края сцены прежде, чем они снова схватили меня.

– Гор, дай мне голос! – взмолился я и завопил изо всех сил: – Тан, осторожно! Он хочет убить тебя!

На этот раз мой голос перекрыл рев толпы, и Тан услышал. Я видел, как его голова дрогнула и глаза прищурились. Однако Расфер тоже услышал меня. Он отреагировал мгновенно, нарушив отрепетированный бой. Вместо того чтобы отступить назад под градом ударов Тана, нацеленных на его голову, он шагнул вперед и быстрым ударом снизу отбил меч Тана вверх.

Если бы не неожиданность, ему не удалось бы пробить оборону Тана, он не смог бы нанести тот удар, в который вложил всю мощь своих плеч и тела. Острие его клинка нацелилось на два пальца ниже края шлема, прямо в правый глаз Тана. Он мог проткнуть глаз и череп насквозь.

Однако своим криком я предупредил Тана, и это дало ему время собраться. Он сумел вовремя закрыться. Рукояткой меча нанес косой удар по кисти Расфера. Это отклонило острие меча на один палец. Одновременно Тан втянул подбородок и мотнул головой в сторону. Однако отклонился поздно и не смог полностью уйти от удара, и теперь клинок, который должен был

проткнуть его глаз и череп насквозь, как гнилую дыню, рассек бровь до крови и скользнул по плечу.

Тут же полоска крови брызнула из мелкой раны и залила лицо, ослепив правый глаз Тана. Он вынужден был отступить перед бешеной атакой Расфера. Отступал, отчаянно отбиваясь и моргая, пытаясь смахнуть кровь с правого глаза. Казалось, он больше не сможет защищаться, и если бы меня не держали стражи дворца, я бы выхватил свой маленький, украшенный драгоценными камнями кинжал и бросился к нему на помощь.

Однако и без моей помощи Тан выдержал первую смертоносную атаку. Хотя Расфер нанес ему еще две раны – неглубокие порезы на левом бедре и на бицепсе правой руки, он продолжал уворачиваться, отбивать удары и уклоняться от них. Расфер продолжал наступать на него, не давая ему отдохнуть, собраться с силами и протереть глаза. Через несколько минут Расфер начал пыхтеть и хрипеть, как огромный лесной вепрь, и весь покрылся потом. Его бесформенный торс заблестел в свете факелов. Но от этого удары его не стали слабее или медлительнее.

Хотя сам я и не великий фехтовальщик, я занимался этим искусством. Поэтому часто смотрел, как Расфер тренируется на оружейном дворе, и очень хорошо знал его стиль фехтования. Он великолепно владеет атакой самум («подобно ветру пустыни»). Этот прием прекрасно соответствовал звериной мощи его тела. Я сотни раз видел, как он отрабатывал этот удар, и теперь по положению его ног понял, что он готовится к нему. Это последнее усилие, которое завершит бой.

Вырываясь из рук стражников, я снова заорал Тану:

– Самум! Приготовься! – Мне показалось, что мои слова утонули в реве толпы, переполнявшей храм, потому что Тан никак не отреагировал на них. Позже он сказал мне, что слышал меня и что второе мое предупреждение действительно спасло ему жизнь – ведь его правый глаз был залит кровью.

Расфер отступил назад на полшага – классическое начало самума, на мгновение ослабив давление на противника, чтобы тот занял нужную позицию. Потом он перенес вес на правую ногу, выставил вперед левую и после этого, оттолкнувшись правой ногой, оторвавшись от пола и выставив клинок перед собой, прыгнул вперед и понесся на врага, как чудовищный стервятник, взлетающий с трупа. Когда Расфер взвился в прыжке, а конец клинка нацелился на горло Тана, мне показалось, что удар неотразим. Ничто не сможет остановить смертоносный клинок. Он найдет свою цель. Существует только одна классическая защита от самума – это удар с остановкой.

В тот самый момент, когда Расфер уже не мог остановиться, Тан тоже бросился вперед с равной силой, но превосходящей грацией. Как стрела, выпущенная из лука, он рванулся на своего врага. Когда противники столкнулись в воздухе, меч Тана встретил клинок Расфера и скользнул вдоль него до самой рукоятки, жестко остановив его полет. Тан великолепно выполнил удар с остановкой.

Вся мощь и скорость столкнувшихся мужчин пришлась на клинок Расфера, тот не выдержал и треснул, оставив Расферу рукоять с коротким обломком. Затем противники сцепились, обхватив друг друга руками. Хотя клинок Тана остался целым, Расфер сумел зажать его руку, и Тан не мог воспользоваться им. Обе руки Тана и его меч оказались за спиной Расфера. Бойцы начали бороться, обхватив друг друга.

Борьба – одна из обязательных военных дисциплин, которой обязан владеть каждый воин египетского войска. И вот теперь, сжимая друг друга в сокрушительных объятиях, противники кружили по сцене и старались повалить друг друга. Они рычали, пытались сделать подножку, ударить друг друга забралами шлемов, но силы и решимость были равны.

Зрители давно уже поняли, что перед их глазами разыгрывается настоящий поединок не на жизнь, а на смерть. Я подумал было, что их аппетиты поугасли после первого акта мистерии, но ошибся. Они были неутолимы и снова и снова жаждали крови...

Наконец Расфер вырвал правую руку из объятий Тана. Он все еще сжимал в кулаке рукоять с коротким обломком клинка. И начал махать обломком, стараясь ударить в лицо Тана и попасть ему по глазам и по ране на лбу, чтобы усилить кровотечение и ослепить врага. Тан уклонялся от ударов, принимая их краем бронзового шлема. Как питон, извивающийся вокруг своей жертвы, он воспользовался моментом и обхватил покрепче грудь Расфера. И так сильно сжал своего противника, что лицо Расфера стало распухать и наливаясь кровью. Тан выжимал из него воздух, и тому приходилось бороться с удушьем. Он начинал слабеть. Тан сжимал до тех пор, пока фурункулы на спине Расфера не лопнули и желтый гной не потек до самого пояса.

Расфер задыхался, лицо его скривилось от боли, когда нарыв прорвался, и на какое-то мгновение он дрогнул. Тан заметил это, собравшись с силами, и начал теснить противника, опустив плечи и чуть поднимая его – назад и вверх. Расфер терял равновесие, а Тан жал сильнее и сильнее, заставляя сделать шаг назад. Как только Расфер поддался, он пошел назад не останавливаясь, а Тан толкал его все дальше и дальше через сцену, направляясь к одной из гигантских каменных колонн. Сначала никто из присутствующих не понимал, что Тан задумал, а затем мы увидели, как он опустил меч горизонтально и прижал рукоять к хребту Расфера.

Клинок Тана с разгона ударился о каменную колонну. Металл заскрежетал по граниту, и вся сила удара пришлась на рукоять меча. Она остановила обоих мужчин, и вся мощь двух тяжелых тел загнала рукоять меча в хребет Расфера. Человека послабее это могло бы убить, и даже Расфера удар парализовал. Он вскрикнул от острой боли, выдохнув остатки вонючего воздуха из легких, и вскинул руки. Сломанная рукоять меча вылетела из его пальцев и покатилась по каменному полу.

Колени Расфера подогнулись, он повис в руках Тана. Тан подставил под его тело бедро, а затем мощным движением корпуса бросил Расфера через себя. Тот рухнул на каменные плиты с такой силой, что я услышал, как ребра его затрещали, словно прутья в костре. Затылок запрыгал по каменным плитам, как тыква, сброшенная со скалы, и воздух со свистом вырвался из глотки.

Он застонал от боли. У него едва хватило сил, чтобы поднять руки и признать свое поражение. Однако Тан был настолько захвачен яростью боя и разгорячен ревом толпы, что просто обезумел. Он встал над телом Расфера и высоко поднял меч клинком вниз, схватившись за рукоять двумя руками. Зрелище это было ужасное. Кровь из раны на лбу превратила его лицо в блестящую дьявольскую маску, волосы на груди пропитались потом и кровью, и красные полосы проступили на одежде.

– Убей его! – редела толпа. – Убей негодяя!

Острие меча Тана нацелилось в середину груди Расфера, и я приготовился увидеть, как его удар пронзит насквозь огромное тело. Я хотел, чтобы Тан сделал это, поскольку ненавидел Расфера больше, чем кого бы то ни было. Боги знают, у меня были на то причины: именно он оскотил меня, и я жаждал отомстить этому чудовищу.

Но желание мое было тщетным. Мне следовало бы лучше знать Тана: он никогда не убьет сдавшегося врага. Я увидел, как безумный огонь начал гаснуть в его глазах. Он чуть тряхнул головой, словно беря себя в руки, а затем, вместо того чтобы проткнуть поверженного врага, медленно опустил клинок, пока острие не укололо грудь Расфера, где среди спутанных грубых волос появилась гранатовая капелька крови. И Тан снова принялся играть свою роль.

– Так я подчиняю тебя своей воле и изгоняю тебя со света. Да будешь ты отныне властвовать мраком, и да не будет у тебя власти над благородными и добрыми людьми. Я даю тебе власть только над вором и трусом, наглецом и обманщиком, лжецом и убийцей, над грабителем могил и соблазнителем добродетельных женщин, над богохульником и предателем. Отныне ты

становишься богом зла. Убирайся, и да скроется с тобой проклятие, нависшее над Гором и его воскресшим отцом Осирисом.

Тан поднял клинок меча над грудью Расфера и отбросил его в сторону, намеренно обезоружив себя перед противником, чтобы показать всю мощь своего презрения. Клинок загремел по каменным плитам, Тан отошел к нашему театральному Нилу и, опустившись на колени, набрал воды в ладони и плеснул на лицо, чтобы смыть кровь. Затем оторвал полоску материи от своего плаща и быстро завязал рану на лбу.

Две гориллы, дружки Расфера, отпустили меня и бросились на сцену спасать своего побежденного командира. Они подняли его на ноги, и он, шатаясь и спотыкаясь, хрипя и пыхтя, как чудовищная поганая жаба, пошел со сцены. Я видел, что он серьезно ранен. Его потащили прочь, а толпа кричала вслед издевательству и грубые шутки.

Я посмотрел на вельможу Интефа и на какое-то мгновение застал его врасплох. Все мои подозрения подтвердились. Именно так он хотел отомстить Тану. Хотел убить его на глазах у всего населения города, убить любимого на глазах собственной дочери, которой тоже хотел отомстить. Это было бы наказанием за то, что Лостра пренебрегла волей отца.

Злоба и разочарование, отразившиеся на лице моего господина Интефа, заставили меня самодовольно ухмыльнуться. Представить только, чем это грозит Расферу! Он наверняка скорее предпочел бы еще раз сразиться с Таном, чем подвергаться тому наказанию, которое выберет вельможа Интеф. Господин мой сурово обходилась с теми, кто не оправдывал его доверия.

Тан еще тяжело дышал после поединка. Теперь, быстро переводя дыхание, он вышел на переднюю часть сцены и стал готовиться к декламации, которая завершит представление. Как только он встал лицом к собравшимся, все замолчали. Его гневное окровавленное лицо вызывало благоговейный страх.

Тан поднял обе руки к крыше храма и громко воскликнул:

– Амон-Ра, дай мне голос! Осирис, дай мне красноречие! – Это было традиционной мольбой оратора.

– Дай ему голос! Дай ему красноречие! – подхватила толпа. И хотя по лицам зрителей было видно, что они еще не опомнились от кровавой бойни, развернувшейся на их глазах, но уже жаждали новых развлечений.

Тан – существо необычное. Это человек действия, но также человек слов и мыслей. Я уверен, он был достаточно великодушен и мог бы признаться, что многие мысли, появившиеся в его голове, попали туда усилиями нижайшего раба Таиты. Однако там они находили плодородную почву.

Что же касается его ораторских способностей, речи Тана, обращенные к войскам перед боем, прославились на всю страну. Естественно, я участвовал не во всех сражениях, но речи были переданы мне Кратом, его верным другом и помощником. Я записывал многие из них на свитках папируса, поскольку они стоили того, чтобы их сохранить.

Тан говорил просто и умел увлечь народ. Я часто думаю, что именно честность и прямота придавали особую силу его красноречию. Люди доверяли ему и охотно шли за ним, куда бы он ни вел их, даже на смерть.

Я все еще переживал предшествующую сцену. Меня мучила мысль о том, насколько близок был Тан к гибели в ловушке, подстроенной ему вельможей Интефом. И очень интересовала речь, которую он приготовил без моего совета. Признаться, меня обидел отказ от помощи, да и последствия немало беспокоили. Тан не мог похвастаться такими добродетелями, как такт и вежливость.

Теперь фараон жестом предложил ему начинать. Он развел и снова скрестил руки с посохом и плетью на своей груди и милостиво кивнул. Собравшиеся молчали, напряженно вслушиваясь в то, что скажет им этот человек, и боялись пропустить слово.

– Это я, Гор, сокологоловый, говорю вам, – начал Тан, и они подбодрили криками:

– И правда – сокологоловый, слушайте его!

– Ха-Ка Птах! – Тан произнес архаичное слово, от которого произошло современное название Египта. Очень немногие осознавали, что начальное значение этого слова было «храм бога Птаха». – Я говорю с вами о древней земле, данной нам десять тысяч лет назад в те времена, когда боги были молоды. Я говорю вам о двух царствах, которые по природе своей едины и неделимы.

Фараон кивнул. Тан произносил обычные догмы, одобренные и светскими, и духовными властями, так как ни те ни другие не признавали лжефараона Нижнего царства и не желали слышать о его существовании.

– О Кемет! – Тан воспользовался еще одним названием Египта, которое означает «черная почва» – по цвету ила, приносимого ежегодно половодьем Нила. – Я говорю вам о нашей земле, разоренной и разделенной, разрушенной войной, обескровленной и лишенной сокровищ.

Мое собственное потрясение отразилось на лицах всех, кто слушал его. Тан заговорил о том, о чем никто не смел говорить. Мне захотелось выскочить на сцену и зажать ему рот, чтобы он не мог продолжать свою речь, но я словно прирос к полу.

– О Та-Мери! – Это было еще одно древнее название – «любимая земля». Тан хорошо усвоил историю, которой я учил его. – Я говорю вам о старых и дряхлых военачальниках и флотоводцах, которые слишком слабы и нерешительны, чтобы в бою отобрать царство у узурпатора короны. Я говорю вам о выживших из ума стариках, которые тратят наши сокровища и проливают кровь лучших молодых воинов, словно кислое вино.

Я увидел, как во втором ряду Нембет, Великий лев Египта, покраснел от злости и свирепо запустил руку в бороду. Остальные старые военачальники, сидевшие за ним, нахмурились и беспокойно задвигались на своих скамейках, неодобрительно гремя мечами в ножнах. Только вельможа Интеф улыбался, увидев, как Тан, избежав одной смертельной ловушки, сам полез в другую.

– Нашу любимую землю окружает стая врагов. Однако сыновья знати предпочитают отрубать большие пальцы рук, чтобы не защищать ее с мечом в руках. – Сказав это, Тан прямо уставился на Менсета и Собека, старших братьев Лостры, которые сидели за своим отцом во втором ряду.

По царскому указу от военной службы освобождались те, кто из-за какого-либо физического недостатка не мог держать в руках оружие. Жрецы Осириса довели до совершенства искусство удаления первой фаланги большого пальца. Они делали это почти безболезненно, и опасности заражения не было. После операции человек уже не мог держать в руке меч или натягивать тетиву лука. Два лжеца хвастливо демонстрировали изуродованные кисти левых рук, когда играли в кости и веселились в прибрежном кабаке. Они считали, что отсутствие большого пальца свидетельствовало об особом уме и независимости духа, а не о трусости.

– Война – это игра, в которой старики играют жизнями молодых, – доказывали братья Лостры. – Патриотизм – это сказка, выдуманная старыми мошенниками, чтобы втянуть нас в адскую игру. Пусть они сами дерутся, если им хочется, а мы в этом не будем участвовать.

Я тщетно упрекал их, говоря о высокой чести быть подданным Египта. Чести, которая подразумевает определенные долг и обязанности. Они отмахивались от меня со всем высокомерием юности и невежества.

Теперь под пристальным взглядом Тана они заерзали на скамейках и спрятали кисти левых рук в складках одежд. Они были правшами, однако употребили все свое красноречие и даже золото, чтобы убедить чиновников, набирающих людей на военную службу, будто они левши.

Простой народ в конце огромного зала загудел и затопал ногами, выражая согласие с Таном. Это их сыновья заполняли скамейки гребцов на боевых ладьях или ходили в доспехах с оружием в руках по пескам пустыни.

Я в отчаянии ломал руки за кулисами. Короткой речью Тан сделал своими врагами по крайней мере пятьдесят молодых людей из знатных семей. А именно они однажды унаследуют власть и богатства Верхнего царства. Их вражда в сотни раз сильнее поклонения толпы. Я молил богов остановить Тана. За несколько минут он так навредил себе, что и за сто лет не исправишь. Но он продолжал:

– О Та-Нутри! – Тан воспользовался еще одним древним названием нашей страны – «земля богов». – Я говорю о преступниках и грабителях, которые засели за каждым холмом и за каждым кустом. Крестьянин вынужден пахать со щитом на плече, а путешественник отправляться в путь с обнаженным мечом.

И снова простой народ заплодировал ему. Шайки грабителей обложили всех тяжелой данью. Никто не мог чувствовать себя в безопасности за пределами глинобитных стен городов. А вожди грабителей, называвших себя сорокопутами, стали наглыми и бесстрашными. Они не уважали никаких законов, кроме своих собственных, и ни один человек не мог найти защиты от них.

Тан очень точно угадал настроение людей, и у меня вдруг появилось ощущение, что он метит гораздо дальше, чем кажется на первый взгляд. С подобных обращений к народу часто начинались перевороты, в которых свержались целые династии фараонов. Следующие слова Тана укрепили мои подозрения.

– Пока бедняк кричит от боли под кнутом сборщика податей, знать мажет ягодицы своих мальчиков-красавчиков самыми драгоценными маслами Востока...

В задних рядах поднялся рев, и мои страхи сменились трепетным волнением. Неужели все это тщательно продумано? Неужели Тан более хитер и скрытен, чем я думал?

«Клянусь Гором! – воскликнул я про себя. – Наша страна созрела для переворота, и кому, как не Тану, возглавить его!» Меня огорчало только, что он не доверился мне и не дал мне возможности участвовать в его замыслах. Я бы задумал и провел переворот так же умело и ловко, как устраивал сады или писал мистерии.

Я вытянул шею, изо всех сил пытаюсь заглянуть за головы зрителей и ожидая каждое мгновение увидеть Крата, врывающегося в храм во главе отряда воинов флотилии. Волосы у меня на голове и на руках встали дыбом от возбуждения, когда я представил себе, как они сорвут двойную корону Египта с головы фараона и поставят ее над окровавленным лбом Тана. С какой радостью закричал бы я вместе с ними: «Да здравствует фараон! Да здравствует фараон Тан!»

Тан продолжал, а перед глазами у меня понеслись странные, фантастические образы. Я увидел, как сбывается пророчество оракула из пустыни. Я представил себе Тана с госпожой Лострой рядом на белом троне Египта и себя самого за их спинами, в блистающем наряде великого визиря Верхнего царства. Но почему он не посоветовался со мной, перед тем как пуститься на такое опасное предприятие?

Следующая фраза все объяснила. Я неправильно понял Тана – моего честного, простого и доброго Тана, моего благородного, прямодушного и надежного Тана, которому не хватало только одного: хитрости, умения скрывать свои мысли и обманывать.

Заговора не было. Просто Тан решил сказать все, что было у него на уме, никого не страшась и не ожидая похвалы. Простой народ, который за несколько мгновений до этого в восторге ловил каждое его слово, теперь почувствовал, насколько острым может быть клинок его языка, когда он обрушился на них.

– Выслушай меня, о Египет! Что будет со страной, где злобные и низкие люди губят тех, кто сильнее их, где патриотов поливают грязью, где ни одного человека из прошлого не почитают за мудрость и где мелкие и завистливые душонки стараются повалить достойных людей и сровнять их с землей?!

Приветственные крики в задних рядах смолкли, когда простой народ начал узнавать себя в этих негодях. Без всякого усилия Тану удалось восстановить против себя каждого из них – великого и малого, богатого и бедного. «О, почему же он не посоветовался со мной?» – горевал я, а ответ был прост. Он не стал советоваться со мной, потому что знал: я бы постарался переубедить его.

– Разве можно говорить, что в обществе царит порядок, если раб свободно поносит и считает равным себе человека благородного происхождения? – обрушился он на них. – Разве должен сын поливать грязью отца и презирать мудрость, за которую тот заплатил сединой и морщинами? Как может прибрежная блудница носить кольца из драгоценного лазурита и считать себя выше добродетельной жены?

«Клянусь Гором, он никого из них не хочет пощадить, он будет бичевать всех», – горько подумал я. Как обычно, он совершенно забыл о собственной безопасности и стремился достичь цели самым простым и открытым путем.

Только один человек во всем храме был в восторге от его речи. Лостра появилась рядом со мной и схватила меня за руку.

– Разве он не прекрасен, Таита? – Она задыхалась от восхищения. – Каждое его слово – правда! Сегодня он в самом деле стал молодым богом.

У меня не хватило мужества даже согласиться с ней, и я печально склонил голову. Тан безжалостно продолжал:

– Фараон, ты – отец народа. Мы вопием к тебе о защите и спасении. Отдай дела государства и войны в руки честных и умных людей. Пусть негодяи и глупцы гниют в своих поместьях. Отзови неверных жрецов и скупых слуг царских, паразитирующих на теле нашей Та-Мери.

Гор ведает, что я ненавижу жрецов не меньше любого из присутствующих, однако только дурак или очень храбрый человек осмелится обратить на свою голову злобу каждого из этих болтающих с богом в Египте, так как власть их беспредельна, а ненависть безжалостна. Что же касается царских чиновников, то их влияние и продажность воспитывались сотни лет, а возглавлял их вельможа Интеф. Я содрогнулся от жалости к своему дорогому глупому другу, а тот продолжал учить фараона, как перестроить египетское общество.

– Прислушивайся к словам мудреца! О царь, почитай художника и писца. Вознаграждай храброго воина и верного слугу. Искорени разбойников и грабителей, засевших в своих крепостях в пустыне. Дай народу пример правильной жизни, и тогда наша страна, наш Египет, снова расцветет и обретет величие.

Тан упал на колени в середине сцены и широко простер руки:

– О фараон, ты отец наш, мы вопием о любви нашей к тебе и просим только ответить нам отеческой любовью. Выслушай наши мольбы, просим тебя мы.

До этого момента я стоял в оцепенении, сознавая всю серьезность проступка моего друга, но теперь, хотя и поздно, я наконец очнулся и, словно в лихорадке, отдал приказ своим помощникам опустить занавес до того, как Тан навредит себе еще больше. Сияющие складки полотна слетели с потолка храма и скрыли Тана от зрителей, которые ошеломленно молчали, будто не могли поверить в то, что они увидели и услышали.

Фараон первым пришел в себя. Он встал на ноги, и лицо его под толстым слоем грима казалось абсолютно равнодушным. Когда он быстро пошел прочь из храма, собравшиеся простерлись перед ним. Перед тем как раболепно пасть ниц, я успел заметить выражение лица вельможи Интефа. Он торжествовал.

Я проводил Тана от храма к его скудно обставленному дому у пристани, где пришвартовались корабли флотилии. Я шел рядом с ним, не убирая руки с кинжала, в ожидании последствий его глупой честности, но Тан нисколько не раскаивался в своих действиях. Он, казалось, не замечал всей глубины своего грехопадения и был необычайно доволен собой. Я часто

наблюдал, как человек, только что переживший страшное напряжение и смертельную опасность, становится болтливым и восторженным. Даже Тан, суровый воин, не был исключением.

– Давно пора было кому-нибудь подняться и сказать все это, ты согласен со мной, Таита? – Его громкий голос далеко разносился по темному переулку, как будто он специально зывал наемного убийцу к себе. Я предпочитал молчать и не спорить с ним. – Ты не ожидал от меня такого, верно? Будь честным, Таита. Это было для тебя неожиданностью, не так ли?

– Это было неожиданностью для всех. – На этот раз я мог согласиться с ним, хотя и не без некоторого раздражения. – Даже фараона это ошеломило. Как и следовало ожидать.

– Но он слушал, Таита. Он выслушал все, я видел это. Я хорошо поработал сегодня вечером. Разве ты со мной не согласен?

Когда я попытался заговорить с ним о предательском нападении Расфера и намекнул на возможность подстрекательства со стороны вельможи Интефа, Тан даже слушать меня не хотел.

– Это невозможно, Таита, тебе это приснилось. Вельможа Интеф – лучший друг моего отца. Как может он желать мне зла? Кроме того, я скоро стану его зятем, правда? – И, не обращая внимания на свои раны, так громко захохотал, что разбудил людей в темных хижинах у дороги, и они начали ворчливо ругать его, требуя, чтобы он замолчал. Тан не обращал на них внимания. – Нет-нет, я уверен, ты ошибаешься! – воскликнул он. – Просто наш очаровательный Расфер решил сорвать на мне злобу. Но в следующий раз этого делать уже не будет. – Он обнял меня за плечи и сжал так сильно, что мне стало больно. – Ты дважды спас меня сегодня. Без твоего предостережения Расфер оба раза мог меня убить. Как тебе это удастся, Таита? Клянусь, ты – тайный колдун и обладаешь даром видеть всех насквозь. – Он снова рассмеялся.

Как я мог погасить его радость? Тан торжествовал, как мальчишка. От этого я любил его еще больше. Не время было указывать ему на опасность, которую он сам навлек и на себя, и на всех нас, его друзей.

Ладно, пусть порадуется, а завтра я заставлю его услышать голос разума и осторожности. Поэтому я отвел его домой, зашил раны на лбу, промыл порезы своей собственной смесью травяных настоев, чтобы предотвратить заражение. Затем заставил выпить настоя порошка красного шепена и оставил доброго Крата охранять его сон.

Когда я вернулся к себе, было уже за полночь, но меня ждали посланцы из двух мест: один был от госпожи Лостры, а двое других – от побежденного Расфера. Нет сомнения, куда бы я предпочел пойти в первую очередь, если бы мог выбирать. Но выбора не было. Два разбойника Расфера схватили меня и потащили туда, где он лежал на пропотевшем матрасе, изрыгая проклятия и стоны и взывая к Сету и всем богам засвидетельствовать его боль и его терпение.

– Добрый Таита! – прорычал он, с болезненным стоном приподнявшись на локте. – Ты не можешь себе представить, как мне больно. Грудь у меня горит. Клянусь, каждая косточка в ней раздроблена, и голова болит так, словно сжата ременной петлей.

Без особых усилий я подавил приступ жалости. Странное дело, но мы, врачи и лекари, не можем отказать в своих услугах даже самым отвратительным существам. Я смиренно вздохнул, раскрыл свою сумку и начал раскладывать хирургические инструменты и перевязочные материалы.

Меня очень обрадовало, что самодиагноз Расфера был абсолютно правильным. Помимо множества мелких царапин и синяков, по крайней мере три ребра у него были сломаны, а на затылке торчала шишка размером с кулак. Так что у меня был законный повод усугубить его страдания. Одно из сломанных ребер сместилось и грозило проткнуть легкое. Пока два здоровяка держали Расфера, а тот визжал и выл самым приятным образом, я вставил ребро на место и завязал ему грудь полотняными бинтами, пропитанными уксусом. Бинты сядут и сожмут грудь, когда уксус высохнет.

Затем занялся шишкой на затылке – на том месте, где он ударился головой о каменный пол. Боги часто проявляют щедрость. Когда я поднес к глазам Расфера светильник, зрачки его не расширились. У меня не было ни малейшего сомнения по поводу того, как нужно лечить. Кровавая жидкость накапливалась внутри уродливого черепа. Без моей помощи Расфер наверняка умрет до следующего заката. Я отбросил в сторону очевидное искушение и напомнил себе о долге хирурга перед своим пациентом.

В Египте, наверное, найдутся только три хирурга, способных трепанировать череп и при этом надеяться на успех, и лично я, пожалуй, не стал бы доверять двум другим. Я снова приказал двум здоровякам Расфера держать его как следует лицом вниз, чтобы он не дергался на матрасе. Судя по тому, как грубо они с ним обращались, забыв о его поврежденных ребрах, я решил, что особой любви к хозяину они не испытывают.

И снова вопли и визг наполнили ночь, делая мою работу радостнее. Я сделал полукруглый надрез вокруг шишки, а затем снял с кости широкий полукруг кожи. Теперь даже два крепких негодяя не могли удержать его на матрасе. Он бился в их руках и брызгал кровью во все стороны до самого потолка. Брызги эти покрыли нас красными пятнами, будто мы заболели красной оспой. В конце концов, отчаявшись справиться с ним, я приказал кожаными ремнями привязать его за ноги и за руки к углам кровати.

– О, милый, добрый Таита, ты не представляешь, как мне больно! Дай мне хоть капельку сока твоего цветка. Умоляю тебя, друг мой, – скулил он.

Теперь, когда его надежно привязали к кровати, я мог откровенно разговаривать с ним.

– Я понимаю, мой добрый Расфер, как тебе плохо и какую боль ты испытываешь. Я тоже с благодарностью принял бы порошок этого цветка, когда ты резал меня. Но, старый друг мой, запас порошка иссяк, а следующий караван с Востока, который доставит этот порошок, придет не раньше чем через месяц. – Я весело лгал ему, так как очень немногие знали, что я выращивал красный шепен в своем саду. Зная, что наибольшая радость еще впереди, я достал свое сверло.

Голова человека – это единственная часть тела, которая озадачивала меня как врача. По приказу вельможи Интефа все трупы казненных преступников передаются мне. Вдобавок Тан смог привести множество превосходных образцов с поля боя в кадках с рассолом. Я рассек на части все эти трупы и образцы и теперь знаю каждую косточку в теле человека и ее место в скелете. Я проследил путь, по которому пища входит в рот и проходит через тело. Я обнаружил огромный чудесный орган – наше сердце, укоренившееся между бледными пузырьками легких. Я изучал реки тела, по которым течет кровь, и обнаружил два вида крови, определяющие настроение и чувства человека.

Первая, разумеется, это яркая и веселая кровь, которая, если разрезать сосуд ножом хирурга или топором палача, бьет через правильные промежутки времени. Это кровь счастливых мыслей и красивых чувств. Это кровь любви и доброты. Кроме того, есть также темная, угрюмая кровь, которая течет слабо и не скачет от радости, как первая. Это кровь злобы и печали, горестных мыслей и дурных дел.

Я изучил все это и заполнил сотни папирусных свитков своими наблюдениями. Я еще не знаю человека, жившего в этом мире, кто знал бы столько, сколько знаю я, а об этих лекаришках из храмов с их амулетами и заклинаниями и не говорю. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из них был в состоянии отличить печень от заднепроходного отверстия, не обратившись предварительно с мольбой к Осирису, не бросив кости и не получив, разумеется, кругленькую сумму за свои услуги.

При всей своей скромности могу сказать, что ни разу не встречал человека, который бы понимал человеческое тело лучше меня, и все же голова до сих пор остается для меня загадкой. Разумеется, я понимал, что глаза видят, нос чует запахи, рот ощущает вкус, а уши слышат, но для чего существует бледная каша, заполняющая костяную тыкву черепа?

Я не в состоянии понять это, и никто из живших на земле людей не смог предложить мне удовлетворительное объяснение, кроме, пожалуй, Тана, который подошел к нему очень близко. Однажды мы провели с ним ночь, пробуя красное вино нового урожая, а на рассвете он проснулся и со стоном сказал:

– Сет специально поместил эту штуку в наши головы, чтобы отомстить человечеству.

Однажды я встретил человека, путешествовавшего с караваном, пришедшим из-за легендарных рек Тигр и Евфрат. Он тоже заявил, что исследовал человеческое тело. Он был мудрецом, и мы обсудили множество тайн природы за полгода, проведенные вместе. Однажды он предположил, что человеческие чувства и мысли происходят не из сердца, а из этой мягкой, аморфной сыворотки – нашего мозга. Я специально упомянул это предположение, чтобы показать, как глубоко может заблуждаться мудрый и ученый человек.

Никто из тех, кому приходилось изучать сердце – этот могучий орган, бьющийся собственной жизнью в середине нашего тела и питаемый двумя великими реками крови под защитой крепких костяных стен, – не усомнится, что это и есть источник всех наших мыслей и чувств. С помощью крови сердце распространяет чувства по телу. Вы же наверняка чувствовали, как сердце ваше начинало волноваться и билось быстрее при звуках удивительной музыки, при виде красивого лица или от прекрасных слов тонкой речи? А разве в голове у вас когда-нибудь что-нибудь билось? Далее мудрец Востока вынужден был сдаться перед моей неумолимой логикой.

Ни один разумный человек не сможет поверить, что эта бескровная куча свернувшегося молока, неподвижно лежащая в костяном кувшине, может породить стихи или построить пирамиду, заставить человека полюбить или пойти войной. Даже те, кто бальзамирует трупы, вычерпывают ее, когда готовят труп для долгого путешествия в мир иной.

Однако существует один парадокс: если эту клейкую массу повредить или задеть и если жидкость, скопившаяся в теле, начинает давить на нее, пациент обречен на смерть. Требуется очень хорошее знание строения головы человека и удивительная ловкость, чтобы суметь просверлить череп и не повредить мешочек с этой кашей. Я обладаю обоими этими качествами.

Я начал неторопливо сверлить кость черепа под непрерывные вопли Расфера, то и дело брызгая на рану уксуса, чтобы смыть осколки кости и свернувшуюся кровь. Эта едкая жидкость не улучшала состояния пациента, но усиливала громкость его голоса.

Внезапно острое бронзовое сверло прошло через череп, маленький точеный кружочек кости начал вылезать из раны под давлением крови внутри головы. Затем прямо мне в лицо ударила струя свернувшейся темной крови. Расфер обмяк. Я понял, не без тайной искорки сожаления, что он выживет. Когда же пришел кожу обратно, накрыв грозно пульсирующее отверстие, то подумал: не сослужил ли я дурную службу человечеству, сохранив жизнь этому его представителю?

Когда я уходил от Расфера, забинтовав ему голову, он уже храпел и бормотал что-то во сне в свиноподобной жалости к самому себе. Я вдруг почувствовал, что силы мои на исходе. Волнение и тревоги этого дня израсходовали даже мой огромный запас сил.

Однако отдохнуть мне не пришлось, так как посланец госпожи Лостры все еще торчал у меня на террасе и набросился на меня, стоило мне появиться там. Мне только позволили смыть кровь Расфера и сменить испачканную одежду.

Потом я заковылял к ней в комнаты, с трудом переставляя ноги, Лостра встретила меня гневным взглядом горящих глаз и грозно топнула ножкой.

– Ну и где же ты прятался, господин Таита? – тут же набросилась она на меня. – Я послала за тобой перед второй стражей, а теперь уже скоро восход. Как смеешь ты заставлять меня ждать?! Ты иногда забываешь о своем положении. Ты прекрасно знаешь, как наказывают наглых рабов... – Она разошлась вовсю, так как яд нетерпения не находил выхода уже несколько часов. Ее гневная красота поражала, а когда она столь восхитительно топнула ножкой, я почув-

ствовал, что сердце мое готово разорваться от любви. – Что ты стоишь ухмыляясь? – бушевала она. – Я и в самом деле так разгневана, что готова выпороть тебя. – И снова топнула ногой. Я почувствовал, как усталость пала с моих плеч, словно тяжелая ноша. Одно присутствие Лостры могло вернуть меня к жизни.

– Госпожа моя, как прекрасно сыграла ты свою роль сегодня вечером. По-моему, все, кто видел тебя, решили, что настоящая богиня ходила среди нас...

– И не пытайся увилить. – Она топнула ногой в третий раз, но уже не так уверенно. – На этот раз тебе так просто не отделаться.

– Правда, госпожа. Когда я шел из храма через толпу людей, твое имя звучало у всех на устах. Все говорили, что пела ты прекрасно и голос у тебя чистейший из тех, которые они когда-либо слышали. Ты похитила сердца всех зрителей.

– Я не верю ни одному твоему слову, – заявила она, но я заметил, что ей уже трудно сердиться. – По-моему, голос у меня сегодня был ужасным. Один раз по крайней мере я дала петуха и много раз спела не ту ноту.

– Мне придется возразить тебе, госпожа. Ты никогда не пела лучше, чем сегодня, а как ты прекрасна! Твоя красота освещала храм. – Моя госпожа Лостра совсем не тщеславна, но она женщина.

– Ты ужасный человек. Я в самом деле собиралась выпороть тебя. Правда собиралась. Ну ладно, иди сюда, садись рядом со мной на кровать и рассказывай. Я так взволнована, что, наверное, не буду спать целую неделю.

Она взяла меня за руку и подвела к постели, ласково щебеча о Тане и о том, как он своей прекрасной игрой и бесстрашной речью завоевал сердца всех зрителей, включая фараона; о том, как младенец Гор испачкал ее платье. Да неужели я в самом деле считаю, что пела она сегодня не так уж плохо? Может, я просто успокаивал ее?

Наконец мне пришлось остановить Лостру:

– Госпожа, скоро рассвет, а нам нужно успеть присоединиться ко двору и царю, когда он отправится за реку осматривать свой погребальный храм и усыпальницу. Тебе нужно немножко поспать, чтобы хорошо выглядеть на таком важном государственном празднике.

– Я не хочу спать, Таита, – возразила она и продолжала щебетать, а через несколько минут тихонько привалилась к моему плечу и уснула, не закончив предложения.

Я нежно опустил ее головку на подголовник резного дерева и накрыл Лостру одеялом из обезьяньего меха. Не смог заставить себя уйти сразу и на некоторое время застыл над постелью. Наконец нежно поцеловал ее в щеку. Не открывая глаз, она сонно прошептала:

– Как ты думаешь, у меня завтра будет возможность поговорить с царем о Тане? Только он может помешать отцу отослать Тана прочь.

Я не нашелся сразу и не смог ответить ей, а пока колебался, она снова уснула.

На рассвете я с трудом оторвал голову от постели – казалось, едва успел закрыть глаза, как уже снова пора было их открывать. Лицо мое в бронзовом зеркале выглядело осунувшимся, глаза были красными. Я быстро наложил немного грима, чтобы скрыть следы бессонной ночи, подчеркнул контуры глаз углем и насурьмил брови. Два мальчика-раба расчесали мои волосы, и мне так понравилось, как они это сделали, что я почти радостно поспешил на личную пристань великого визиря, где пришвартовалась огромная барка царя.

Я присоединился к толпе на пристани одним из последних, но никто, казалось, не заметил моего опоздания, даже госпожа Лостра, которая уже успела подняться на палубу корабля. Я понаблюдал за ней некоторое время.

Ее пригласили присоединиться к женщинам двора. Среди них находились не только жены царя, но и его многочисленные наложницы и дочери. Именно последние досаждали фараону больше всего, так как было их очень много, целое племя, самого разного возраста – от малень-

ких, еще не научившихся ходить девочек до девушек, приготовившихся вступать в брак. Но сына среди них не было. Как же мог фараон передать свое бессмертие в будущее, если у него не было наследника мужского пола?

В это трудно поверить, но Лостра выглядела свежей и отдохнувшей, как роза пустыни в моем саду, хотя спала она, как и я, не больше часа или двух. Даже в столь блистательном собрании красивых женщин, которые тщательно отбирались слугами фараона или присылались ему в виде дани соседями нашего царства, Лостра казалась ласточкой в серой стайке жаворонков.

Я поискал Тана глазами, но его флотилия уже выстроилась выше по течению, готовая сопровождать фараона на другую сторону реки. Лучи восходящего солнца превратили поверхность воды в ослепительно сияющий лист серебра. Я не мог смотреть на него.

В этот момент послышался ровный гул барабана, и все население вытянуло шеи, чтобы разглядеть торжественное шествие фараона от дворца к царской барке.

Этим утром фараон надел легкий головной убор немес из накрахмаленного полотна, с уреем, который был закреплен на золотом обруче. Стоящая золотая кобра с раскрытым капюшоном и гранатовыми глазами, сверкавшими на солнце, поднималась надо лбом. Эта кобра была символом власти царя над жизнью и смертью его подданных. Сегодня у фараона не было посоха и плети, он нес только золотой скипетр: если не считать двойной короны, этот скипетр был одним из величайших и священнейших сокровищ царской казны. Считалось, что ему более тысячи лет.

Несмотря на наличие всех атрибутов царской власти и необходимость соблюдения церемониала, на фараоне не было грима. Мамос выглядел совершенно незначительным человеком под прямыми лучами раннего солнца, и отсутствие грима только усиливало это впечатление. Он казался маленьким слабым божеством, чуть старше среднего возраста, с небольшим круглым животиком над поясом и лицом, изборожденным тревожными морщинками.

Когда он проходил мимо того места, где я стоял, то, казалось, узнал меня. Кивнул мне, и я простерся перед ним на каменном полу. Он остановился и дал мне знак приблизиться. Я подполз к нему на четвереньках и трижды ударился лбом о землю перед его ногами.

– Ты ведь, Таита, поэт? – спросил он своим тонким и сварливым голосом.

– Да, я раб Таита, ваше величество. – Иногда требуется проявить некоторое смирение. – Я царапаю разные истории на папирусе.

– Хорошо, раб Таита, ты нацарапал приятную мистерию ко вчерашнему вечеру. Никакое другое представление еще не развлекало меня так, как это. Я издам царский указ, и твои каракули станут государственным вариантом мистерии.

Он объявил об этом громче, чтобы весь двор услышал его слова, и даже вельможа Интеф, следовавший за ним по пятам, засиял от удовольствия. Я был его рабом, и честь эта принадлежала скорее ему, чем мне. Однако фараон еще не закончил.

– Скажи мне, раб Таита, не ты ли тот самый хирург, который недавно выписал мне рецепт?

– Ваше величество, я тот самый смиренный раб, который робко пытается лечить людей лекарствами.

– Когда же подействует твое средство? – Он понизил голос так, чтобы я один услышал его вопрос.

– Ваше величество, это случится через девять месяцев после того, как вы выполните все те условия, которые я вам перечислил. – Поскольку теперь мы разговаривали как врач и пациент, у меня хватило смелости спросить: – А вы полностью следовали моей диете?

– Клянусь щедрой грудью Исиды! – воскликнул он, и в глазах у него неожиданно мелькнула веселая искорка. – Я так полон бычьими яйцами, что скоро буду мычать, когда мимо дворца проходит стадо коров.

У него было очень хорошее настроение, и я тоже решил пошутить:

– А фараон уже нашел телушку, о которой я говорил?

– Увы, лекарь, все не так просто, как кажется. Самые красивые цветы уже успели посетить пчелы. Ты ведь сказал, что она должна быть совершенно нетронутой?

– Да, девственной и нетронутой и не старше года после первых красных цветков месячных, – быстро добавил я, усложнив свой рецепт. – Нашли ли вы кого-нибудь, кто соответствовал бы этому описанию, ваше величество?

Выражение его лица снова изменилось, и он задумчиво улыбнулся. На его печальном лице улыбка казалась неуместной.

– Посмотрим, – прошептал, – посмотрим.

Он повернулся и пошел по сходням на корабль. Когда вельможа Интеф поравнялся со мной, он легким жестом приказал мне следовать за собой, и я прошел на палубу царской барки.

Ночью ветер стих, темные воды реки текли тяжело и спокойно, как масло, только небольшие полосы и водовороты нарушали покой стремнины там, где вечная река была особенно глубока. Даже Нембет смог бы пересечь ее при такой погоде. Однако флотилия Тана стояла поблизости, словно напоминая о вчерашней неудаче, будто Тан готовился снова исправить ошибку старого флотоводца.

На борту корабля вельможа Интеф отвел меня в сторону.

– Ты все еще можешь удивлять меня, мой милый, – прошептал он и пожал мне руку. – Причем именно тогда, когда у меня появились серьезные сомнения в твоей верности.

Я был совершенно ошеломлен неожиданным всплеском добродушия – ведь рубцы, оставленные кнутом Расфера, еще жгли мне спину. Тем не менее я склонил голову, чтобы скрыть выражение своего лица, и подождал, пока он скажет, чем это я его обрадовал. Он не заставил меня ждать:

– Я сам не смог бы написать более подходящей речи для Тана, даже если бы постарался. Этот безумец Расфер так отвратительно подвел меня, а ты, как обычно, спас.

Только после этого все встало на свои места. Он решил, что это я сочинил глупейшую речь Тана и сделал это ради него. В реве, который заполнил храм во время представления, он не мог расслышать, как я предостерег Тана, иначе был бы другого мнения.

– Я рад доставить вам удовольствие, – шепнул я в ответ и добавил: – Это мой долг.

Я почувствовал огромное облегчение. Мое положение при дворе великого визирия не было скомпрометировано. И думал я сейчас не о своей шкуре, точнее говоря, не только о своей – я думал о Тане и Лостре. В последующие годы им обоим понадобится моя помощь и защита, которую я смогу предоставить им. Я был благодарен судьбе за то, что все еще мог быть им в чем-то полезен. Нужно было воспользоваться сменой ветра.

– Ты увидишь, я отблагодарю тебя, – ответил вельможа Интеф. – Помнишь участок земли у канала за храмом Тота, о котором мы говорили некоторое время назад?

– Конечно, мой господин.

Мы оба знали, как я жаждал приобрести участок уже почти десять лет. Это уединенное место даст мне прекрасное убежище, куда я смогу удалиться в старости.

– Он твой. На следующей аудиенции принеси мне дарственную, и я поставлю свою подпись.

Меня до глубины души потрясла невероятная хитрость, которая доставила мне желаемое. Ведь, по сути, мне оплатили воображаемое предательство. В какое-то мгновение я решил было отказаться от подарка, но потом передумал. Когда опомнился, мы уже пересекли реку и входили в устье канала, проложенного через равнину к громадному погребальному храму фараона Мамоса.

Я сам наблюдал за строительством канала практически без помощи дворцовых архитекторов и сам разработал сложный процесс транспортировки тела фараона от места смерти к погребальному храму, где произойдет мумификация тела.

Я предполагал, что фараон умрет в своем дворце на прекрасном маленьком островке Элефантина. Оттуда царская барка доставит его тело вниз по реке к устью канала, который был спланирован мною так, чтобы огромный корабль входил в него, словно меч в ножны.

Прямой, как клинок кинжала, канал пересекал черные земли прибрежной равнины на расстоянии двух тысяч шагов и кончался у подножия скалистых холмов Сахары. Десятки тысяч рабов несколько лет прокладывали его и укрепляли берега каменными плитами. Как только корабль вошел в канал, две сотни крепких рабов подхватили буксирные канаты с носа корабля и начали плавно тянуть его через равнину. Они запели печальную и мелодичную рабочую песню и пошли в несколько рядов по буксирной тропе. Крестьяне, работавшие на полях возле канала, побежали к берегу, чтобы приветствовать нас. Они толпой собрались на берегу, призывая богов благословить царя и размахивая пальмовыми ветками, когда величественный корабль проплывал мимо них.

Когда мы наконец скользнули к каменной пристани у внешних стен незаконченного храма, рабы закрепили буксировочные канаты на швартовочных кольцах. Я так точно рассчитал размеры пристани, что башня посередине корабля оказалась на уровне ворот главного входа в храм. Как только огромная барка остановилась, трубач торжественно затрубил в рог газели. Медленно поднялась решетка ворот, и мы увидели царский катафалк, который ожидал прибытия фараона в воротах храма, окруженный бальзамировщиками в алых одеждах и пятьюдесятью жрецами Осириса, стоявшими в один ряд позади них.

Жрецы запели и со стуком начали толкать катафалк к барке по деревянным каткам, пока не вкатили его на палубу. Фараон захлопал в ладоши от удовольствия и поспешил осмотреть это чудовищное строение.

Я не принимал участия в этом празднике дурного вкуса. Всю церемонию и все украшения выдумали жрецы. Достаточно сказать, что в ярком солнечном свете излишки золота на катафалке сияли так ярко, что резали глаз почти так же, как и грубый аляповатый рисунок барельефа. Золотой экипаж весил много, жрецы запыхались и вспотели, пока втаскивали неуклюжий ковчег на палубу. Даже наша огромная барка угрожающе накренилась. Такого количества золота хватило бы, чтобы заполнить зерном все хранилища Верхнего царства или чтобы построить и снарядить пятьдесят флотилий боевых лодок и выплатить жалованье их командам на десять лет вперед. Так неумелый ремесленник пытается скрыть бедность вдохновения ослепительной роскошью материалов. Если бы мне только дали возможность поработать с таким количеством драгоценностей, результаты были бы иными.

Теперь же чудовищный ковчег должен был уйти в могилу вместе с мертвым телом фараона. Его сооружение стало основной причиной разорения царства. Однако фараон был в восторге.

По предложению вельможи Интефа царь взобрался на ковчег и уселся на подиуме, который будет нести его саркофаг. Оттуда он обвел всех сияющим взглядом, забыв о царственной сдержанности и достоинстве. Казалось, он еще никогда так не радовался в своей печальной жизни, горько подумал я. Его смерть должна была стать той высотой, к достижению которой он и направлял всю свою жизненную энергию и которую предвкушал.

Внезапно, по какому-то побуждению, фараон кивком предложил вельможе Интефу присоединиться к нему, а потом оглядел толпу, будто искал в ней кого-то. Казалось, он нашел того, кого искал, слегка наклонился и сказал что-то великому визирю.

Вельможа Интеф улыбнулся и, посмотрев в ту же сторону, позвал из толпы госпожу Лостру, жестом приказав ей подняться на вершину ковчега. Приглашение смутило ее, и даже из-под грима было видно, что она покраснела, а такое с ней случалось очень редко. Ее трудно вывести из себя. Однако она быстро опомнилась и взобралась на ковчег с девичьей грацией, которая сразу привлекла к ней внимание всех присутствующих.

Она встала на колени перед царем и трижды коснулась лбом пола подиума. Затем перед лицом всех жрецов и своего двора фараон совершил невероятный поступок. Он наклонился и, взяв Лостру за руку, поднял на ноги и посадил рядом с собой. Это было нарушением церемониала, и история не знала такого прецедента. Я увидел, как министры обменялись изумленными взглядами.

А затем случилось такое, чего даже они не могли предполагать – они просто не заметили этого. Когда я был еще очень молод, на половине мальчиков жил старый глухой раб. Он подружился со мной и научил читать по губам людей их речи, не довольствуясь только звуками, которые покидают уста. Это оказалось очень удачным приобретением. С его помощью я мог следить за разговором, происходившим в дальнем конце переполненного зала, где играли музыканты, а сотни людей смеялись и кричали что-то друг другу.

И вот я собственными глазами увидел, как фараон мягко сказал госпоже Лостре:

– Даже при дневном свете вы не менее божественны, чем богиня Исида в свете факелов.

Его слова ударили меня, как кулак в солнечное сплетение. «Неужели я ослеп? – отчаянно ругал я себя. – Неужели я стал настолько глуп?» Даже слабоумный мог бы предвидеть, в каком направлении мое легкомысленное вмешательство направит судьбу, кости которой были брошены вчера вечером.

Мой веселый совет царю по поводу матери его будущего ребенка наверняка привлек его внимание к госпоже Лостре. Казалось, будто какое-то злое наваждение специально заставило меня описать ему Лостру в качестве матери его первого сына. Да, разумеется, именно она самая красивая девственница страны, и ее нужно взять в жены не позже чем через год после ее первых месячных. Я описал ее точно, а потом дал ей главную роль в мистерии и показал царю в самом выгодном свете.

Когда я внезапно осознал, что должно было произойти по моей вине, меня словно ударили чем-то тяжелым по голове. Казалось, я намеренно подстроил все это. Более того, теперь я уже ничего не мог исправить. Я стоял под яркими лучами солнца. Ужас и раскаяние сковали меня, лишив дара речи.

Вспотевшие жрецы столкнули наконец ковчег с палубы и потащили его через ворота, толпа придворных направилась вслед за ними, и меня волей-неволей понесло вместе с ней, словно лист, попавший в струю реки. Прежде чем мне удалось прийти в себя, я очутился во внутреннем дворе погребального храма. Мне пришлось проталкиваться через толпу, чтобы догнать ковчег, пока он не оказался у главного входа в царскую усыпальницу.

Одни жрецы толкали ковчег вперед, другие поднимали освободившиеся катки и бежали с ними вперед, чтобы подложить их под чудовищный золотой экипаж. Когда ковчег достиг участка двора, который еще не был выложен каменными плитами, произошла задержка. Пока жрецы разбрасывали солому, чтобы смягчить движение ковчега по неровной земле, я быстро проскользнул вдоль ряда каменных львов и по свободному пространству побежал вперед. Один из жрецов попытался загородить мне дорогу, но я одарил его таким взглядом, под которым даже каменный лев задрожал бы, и выплюнул ему в лицо одно слово из тех, что редко услышишь в храмах. Он поспешно отступил в сторону и дал мне пройти.

Когда я добрался до борта ковчега, то оказался прямо под Лострой, так близко от нее, что мог протянуть руку и коснуться ее пальцев. Я слышал каждое слово. И сразу же понял, что она полностью овладела собой и преодолела смятение, вызванное неожиданным интересом к ее особе со стороны фараона. Теперь она старалась вести себя самым приятным образом. С отчаянием в сердце я вспомнил, что она именно это и собиралась сделать, чтобы воспользоваться благосклонностью царя и получить согласие на брак с Таном. Не далее вчерашнего вечера я отбросил ее предположение, как девичью болтовню, но теперь она пыталась осуществить его перед моими глазами, и я был не в силах это предотвратить или предупредить об опасности.

Если в начале своей хроники я создал впечатление, будто госпожа Лостра – просто беззаботный ребенок, у которого нет ни одной мыслишки в головке, а одна только романтическая чепуха и легкомысленное желание наслаждаться жизнью, это было очень неудачным применением сил историка, описывающего столь необычайные события. Хотя она и была еще очень молода, но временами казалась намного старше своих лет. Наши египетские девушки расцветают рано под горячим солнцем Нила. Кроме того, она была усердной ученицей, умной, вдумчивой и пытливой по своей природе, а я приложил все усилия, чтобы развить ее положительные качества за прошедшие годы.

Под моим руководством она достигла таких высот, что могла говорить со жрецами о самых трудных вопросах религии. Могла беседовать с законниками о таких вещах, как закон о владении землей или чрезвычайно запутанный закон об орошении, который регулировал использование воды Нила. Я уже не говорю о том, что она прочла и усвоила каждый свиток дворцовой библиотеки. А среди них было несколько сотен свитков, написанных мною, которые посвящены таким разным проблемам, как медицина и тактика морского боя, астрология, имена и природа небесных тел, а также руководства по стрельбе из лука и фехтованию, сельскому хозяйству и соколиной охоте. Она даже могла вести со мной спор об основах архитектуры, сравнивая мои принципы с принципами великого Имхотепа.

Таким образом, ее знаний было достаточно, чтобы говорить о чем угодно: от астрологии до военных действий и политики, строительстве храмов, измерении уровня воды Нила или регулировании полива, то есть о всех тех предметах, которые интересовали фараона. Кроме того, она легко сочиняла веселые стишки и загадки, часто шутила, язык ее был почти столь же богат, как и мой. Короче говоря, была прекрасным собеседником, стремительным и с хорошим чувством юмора. Говорила ясно, голос ее был очарователен, а когда смеялась, заражала весельем всех окружающих. В самом деле, ни человек, ни бог не смогли бы устоять перед ней, особенно если бы она пообещала ему наследника.

Мне нужно было предупредить ее. Однако как мог я, раб, вмешиваться в беседу особ, стоящих так высоко надо мной? Я беспокоился скакал рядом с ковчегом, прислушиваясь к голосу госпожи Лостры, который звучал особенно очаровательно, так как она решила увлечь царя, понравиться ему.

Теперь она описывала ему, как строился погребальный храм и как его разместили на местности, чтобы он наилучшим образом соответствовал астрономическим наблюдениям за положением Луны и зодиакальных созвездий в момент рождения фараона. Разумеется, она всего лишь пересказывала знания, полученные от меня. Однако голос звучал очень убедительно, и я вдруг поймал себя на мысли, что вслушиваюсь в объяснения, как будто слышу их в первый раз.

Погребальный ковчег прошел мимо пилонов внутреннего двора храма и покатился вдоль длинного атриума с колоннадой по бокам, мимо закрытых решетчатых дверей охраняемых стражей сокровищниц, где изготавливались и хранились погребальные дары, которые отправятся в могилу вместе с фараоном. В дальней части атриума находились двери, выполненные из древесины акации, украшенные резными фигурками богов нашего пантеона. Они распахнулись, и мы оказались в погребальном зале, где в один прекрасный день будет мумифицировано тело фараона.

Здесь, в этом мрачном зале, фараон спустился с ковчега и прошел вперед, чтобы осмотреть погребальный стол, на котором будет лежать его тело во время обряда мумификации. Стол этот вырезали из цельной глыбы диорита, длиной он был три сажени и шириной две. В темной поверхности пятнистой каменной плиты выбили ямку для затылка царя и небольшие канавки, по которым будут стекать кровь и иные телесные жидкости, выпущенные скальпелем и другими инструментами бальзамировщиков.

Главный мастер бальзамировщиков стоял около стола, приготовившись описывать процедуру мумификации, и фараон стал очень внимательно слушать, так как его чрезвычайно интересовала каждая отвратительная подробность этого ритуала. В какой-то момент мне даже показалось, что он вот-вот забудет о достоинстве царя, вскарабкается на диоритовую плиту и посмотрит, как на ней лежится. Как будто это новый полотняный наряд, принесенный портным на примерку!

Он с видимым усилием взял себя в руки и стал слушать рассказ бальзамировщика о том, как будет сделан первый надрез от пищевода до паха, через который затем вынут его внутренности и разделят их на разные части: печень, легкие, желудок и кишки. Сердце как источник божественной искры будет оставлено на своем месте, как и почки, которые связаны с водой и Нилом, источником жизни.

После столь бодрящего рассказа фараон тщательно осмотрел четыре канопы, приготовленные для его внутренностей. Они стояли неподалеку на небольшом гранитном столике. Это были вазы, вырезанные из светящегося полупрозрачного алебаstra молочного цвета. Их пробки выполнены в форме звериных голов наших богов: шакала – Анубиса, крокодила – Себека, ибиса – Тота и львицы – Сехмет. Они будут охранять божественные части тела фараона, пока тот не проснется для вечной жизни.

На том же гранитном столике, где стояли канопы, бальзамировщики разложили полный набор своих инструментов, горшочков и амфор с селитрами, лаками и другими веществами, используемыми в процессе бальзамирования. Фараона очаровали сияющие бронзовые скальпели, которыми его будут потрошить, а когда ему показали длинную заостренную ложку для вычерпывания через ноздри содержимого черепа, той самой сыворотки, о назначении которой я долго и тщетно размышлял, его это так увлекло, что он долго с благоговейным страхом рассматривал мрачный инструмент.

Как только царь удовлетворил свое любопытство у столика бальзамировщиков, госпожа Лостра привлекла его внимание к раскрашенным барельефам, которые покрывали стены храма от пола до потолка. Они еще не были закончены, но многие из них потрясали мастерством исполнения и широтой замысла. Большую часть эскизов я нарисовал своей собственной рукой и внимательно следил за тем, как дворцовые художники делали остальные эскизы. Их контуры наносились на стены угольными палочками. Когда контуры были готовы, я проверял и исправлял их. Потом бригада мастеров-скульпторов вырезала барельефы в глыбах песчаника, а бригада художников раскрашивала их.

На стенах главенствовал синий цвет во всех возможных его оттенках: темно-синий – крыла скворца, голубой – неба и вод Нила под солнцем, синий – лепестков орхидеи пустыни и мерцающая голубизна окуня, бьющегося в сети у рыбака. Были там, однако, и другие цвета: различные оттенки красного и желтого, которые так нравятся нам, египтянам.

В сопровождении вельможи Интефа, хранителя царских гробниц, фараон медленно обошел стены зала, тщательно осматривая каждую деталь рисунка и часто выражая свое впечатление. Конечно, для этого зала я избрал сюжеты из Книги мертвых, которая дает точную карту пути в подземное царство и описание испытаний, что ожидают души умерших на пути к вечной жизни. По этому пути пройдет и душа фараона.

Он надолго остановился перед моим рисунком, изображавшим бога Тота с птичьей головой и длинным клювом ибиса. Бог взвешивал на весах сердце фараона. На второй чаше лежало перо истины. Если сердце фараона нечисто, оно перетянет перо, и тогда бог бросит его чудищу с головой крокодила, стоящему рядом, и тот сожрет сердце. Царь тихо произнес защитное заклинание из Книги мертвых, чтобы оградить себя от такой напасти, а затем прошел к следующему рисунку.

Был уже почти полдень, когда фараон закончил осмотр погребального храма и во главе своей свиты отправился в передний двор, где дворцовые повара подали роскошный обед на открытом воздухе.

– Иди сюда, сядь рядом со мной. Здесь я смогу поговорить с тобой о звездах! – Царь опять пренебрег традициями старшинства и поместил госпожу Лостру рядом с собой за обеденным столом, заставив подвинуться одну из старших жен. Во время приема пищи он постоянно беседовал с моей госпожой. Теперь она чувствовала себя очень уверенно и очаровала царя и всех сидевших рядом с ним своим остроумием и красотой.

Разумеется, я, раб, не мог сидеть за их столом, как не мог и пробраться поближе к своей госпоже, чтобы уговорить ее вести себя скромнее в присутствии царя. Вместо этого я нашел себе место на пьедестале у ног гранитных львов, откуда мог наблюдать все, что происходит за обеденным столом, и видеть всех сидящих за ним. Не я один наблюдал за своей госпожой. Вельможа Интеф тоже сидел рядом с царем и словно со стороны наблюдал за ними своими блестящими безжалостными глазами, как красивый, но смертоносный паук, сидящий в своей сети.

Во время обеда желтоклювый ястреб вдруг пронесся над столом и издал резкий, насмешливый и издевательский крик. Я поспешно сделал знак, защищающий от сглаза. Кто знает, какой бог принял образ птицы, чтобы вмешаться и спутать планы людей?

После обеда двор обычно отдыхал около часа, особенно в такое жаркое время года. Тем не менее фараон сегодня был так взволнован, что не пожелал отдыхать.

– А теперь мы осмотрим сокровищницы, – объявил он.

Стражи, охранявшие вход в первую сокровищницу, встали по сторонам от двери и приветствовали царскую свиту. Двери распахнулись навстречу царю.

Я построил шесть сокровищниц не только как хранилища огромных погребальных даров, которые фараон собирал последние двенадцать лет с самого своего восхождения на трон. Обширные мастерские и целое войско ремесленников постоянно работали, умножая его богатства.

Мы вошли в зал, где помещалась оружейная. Здесь находилось собрание оружия и принадлежностей войны и охоты, как реальных, так и обрядовых, которые царь возьмет с собой в загробный мир. С согласия вельможи Интефа я приказал ремесленникам оставаться у своих верстаков, чтобы царь имел возможность понаблюдать за их работой.

Когда фараон медленно проходил вдоль ряда верстаков, он часто задавал знати и жрецам из своего окружения такие сложные и детальные вопросы, что те не могли ответить ему и стали искать кого-нибудь, кто пояснял бы царю действия мастеров. Меня поспешно вытащили из задних рядов свиты и вытолкали вперед к фараону.

– Ах да, – скривился фараон, узнав меня. – Это не кто иной, как наш смиренный раб, который пишет мистерии и лечит больных. Никто из присутствующих здесь, кажется, не знает составных частей сплава проволоки, обернутой вокруг древка боевого лука, который делает для меня этот человек.

– Великодушный фараон, этот металл получен из сплава одной части меди, пяти частей серебра и четырех частей золота. Золото здесь использовано красное, которое добывается только в шахтах Лота в западной пустыне. Никакое другое золото не придает проволоке необходимой гибкости и упругости, как вы можете убедиться.

– Да, могу, – кисло согласился царь. – А как вам удастся делать нити столь тонкими? Они не толще волос на моей голове.

– Ваше величество, мы вытягиваем горячий металл, раскачивая его маятником, который я изобрел для этой цели. Позже мы сможем увидеть этот процесс у златокузнецов, если ваше величество пожелает.

Все оставшееся время я провел рядом с царем, и мне удалось отвлечь его внимание от Лостры. Однако мне не представилось возможности поговорить с ней с глазу на глаз.

Фараон обошел оружейную и осмотрел огромное собрание хранившихся там оружия и доспехов. Некоторые из них принадлежали его предкам и использовались в битвах. Другие же изготовили недавно, и сражений они никогда не узнают. Все они были великолепны. Каждое являлось вершиной оружейного мастерства. Среди них были шлемы и нагрудники из бронзы, серебра и золота, боевые мечи с рукоятками из слоновой кости, украшенными драгоценными камнями, полные торжественные облачения командующих лучшими частями войск царя, большие и маленькие щиты из кожи гиппопотама и крокодила, покрытые розетками из золота. Собрание это было великолепное.

Из оружейной мы проследовали через атрий к хранилищу мебели, где сотни краснодеревщиков обрабатывали кедр и драгоценное черное дерево, изготавливая обстановку усыпальницы, которая будет сопровождать царя в путешествии в мир иной. В нашей прибрежной долине растет мало крупных деревьев, и древесина – такой редкий и ценный материал, что стоит она почти столько же, сколько серебро. Каждую палочку приходится везти за сотни миль, либо из пустыни, либо с юга, с верховий Нила, из тех таинственных земель Куша. Здесь же древесина лежала громадными кучами, как будто это был самый обычный товар. Аромат свежих опилок наполнял жаркий воздух.

Мы посмотрели, как ремесленники делают инкрустацию на изголовье кровати фараона, покрывая рисунок листовым серебром и пластинками древесины разного цвета. Другие краснодеревщики украшали подлокотники кресел золотыми соколами, а спинки обитых кожей диванов – серебряными головами львов. Даже в дворцовых залах острова Элефантина не было таких изящных предметов, как те, что украсят погребальную камеру царя, вырубленную в скале.

Из сокровищницы мебели мы прошли в зал скульпторов. Там хранятся мрамор, песчаник и гранит сотен различных оттенков. Скульпторы вырезали, вырубали и вытесывали свои произведения. Тонкая белая пыль висела в воздухе. Каменных дел мастера закрывали носы и рты полотняными повязками, и пыль покрывала их лица и одежду белой пудрой. Пудра эта вредноносна. Некоторые мастера кашляли, не снимая масок, и этот сухой и долгий кашель характерен для их профессии. Я вскрыл множество трупов старых скульпторов, которые проработали тридцать лет и умерли за своей работой. Я обнаружил, что легкие их затвердели и превратились в камень, поэтому старался проводить как можно меньше времени в мастерских каменотесов, чтобы не подхватить ту же болезнь.

Произведения поражали глаз, а статуи богов и самого фараона, сделанные их руками, казалось, наполняли трепетная жизнь. В мастерской стояли фигуры фараона реального размера, где он изображался сидящим на троне или гуляющим, живым или мертвым, в образе бога или смертного. Эти статуи встанут в два ряда вдоль длинной насыпи, которая протянется от погребального храма в речной долине к стене черных холмов, где будет выкопана усыпальница. После его смерти катафалк будет запряжен сотней белых буйволов, и они потащат тяжелый саркофаг по насыпи к месту последнего упокоения фараона.

Монолитный саркофаг из гранита, еще не законченный, лежал в центре зала. Когда-то цельную глыбу розового гранита привезли к берегу реки из шахт Асуана и оттуда на корабле переправили сюда. Корабль был построен специально для этой цели. Понадобилось пятьсот рабов, чтобы вытащить ее на берег и по деревянным каткам доставить в мастерскую, где она и лежала сейчас. Длинной глыба была пять сажень, а шириной и высотой – три.

Сначала каменщики срезали толстую плиту с вершины. На гранитной крышке главный каменщик вырезал лицо мумии фараона, тело и руки, скрещенные на груди с посохом и плетью. Другая бригада камнерезов выдалбливала сердцевину гранитной глыбы, чтобы сделать гнездо, куда поместится множество внутренних гробов. Включая огромный внешний саркофаг, всего

их будет семь штук, и они войдут один в другой, как детская головоломка. Семь, разумеется, число магическое. Внутренний гроб будет сделан из чистого золота. Чуть позже мы наблюдали, как златокузнецы выковывали из бесформенной массы металла его красивые очертания.

Весь этот многослойный саркофаг, эта гора камня и золота, куда будет помещено забинтованное тело царя, поедет на колоссальном золотом катафалке по насыпи к черным холмам, и его неторопливое путешествие займет семь дней. Катафалк будет останавливаться на ночь у одного из небольших святилищ, которые строятся вдоль насыпи.

Интереснейшие статуэтки делались в мастерской ушебти, расположенной в пристройке к залу камнерезов. Там, в конце зала, вырезали фигурки слуг и придворных, которые будут сопровождать царя в загробном мире. Это были совсем маленькие статуэтки, представляющие все слои египетского общества, тех людей, кто будет обслуживать фараона по ту сторону жизни. Они помогут ему содержать дом подобающим царю образом.

Каждая ушебти – великолепно вырезанная из дерева кукла, одетая в настоящую одежду человека определенной профессии, и их всегда изображали с соответствующими инструментами. Были тут крестьяне и садовники, рыбаки и пекари, пивовары и служанки, воины и сборщики податей, певцы и цирюльники и сотни простых работников, которые будут выполнять тяжелую работу всякий раз, когда боги прикажут царю сделать что-либо в подземном царстве.

А во главе всего собрания маленьких статуэток стоял великий визирь, чьи черты очень походили на черты вельможи Интефа. Фараон взял эту фигурку и внимательно осмотрел ее. Перевернув статуэтку, он прочел надпись на спине: «Мое имя – вельможа Интеф, великий визирь Верхнего царства. Единственный Товарищ фараона, трижды удостоенный „Золота похвалы“. Я всегда готов ответить за своего царя».

Фараон передал куклу вельможе Интефу.

– А что, вельможа Интеф, у тебя действительно такое сильное тело? – спросил он, и улыбка чуть было не появилась на его хмуром лице.

Великий визирь слегка поклонился:

– Скульптору не удалось верно передать мой облик, ваше величество.

Последней сокровищницей, которую посетил царь, стала мастерская златокузнецов. Адское пламя горнов отбрасывало потусторонний свет на лица ювелиров, которые сосредоточенно работали за своими верстаками. Я научил их, как себя вести. Когда вошла царская свита, златокузнецы дружно преклонили колена и трижды коснулись лбами пола перед фараоном, а затем встали и снова принялись за работу.

Несмотря на размеры зала, пламя горнов так раскалило воздух, что у всех перехватило дыхание и скоро свита стала обливаться потом. Однако царя настолько увлекли выставленные здесь сокровища, что он, казалось, не замечал духоты. Сразу же прошел к небольшой площадке в конце зала, где работали самые опытные и умелые ювелиры. Они делали золотые внутренние гробы. Им удалось великолепно передать черты лица фараона, воплотив его в мерцающем металле. Погребальная маска точно ляжет на забинтованную голову. Лицо его в образе бога украшали глаза из обсидиана и горного хрусталя, на лбу поднимала голову кобра. Я искренне верю, что за всю тысячелетнюю историю нашей цивилизации не сделано более тонкого ювелирного изделия. Это было вершиной, зенитом ювелирного мастерства. Еще не рожденные поколения через множество веков будут восхищаться великолепием этой маски.

Даже рассмотрев маску со всех сторон, фараон, казалось, не мог расстаться с ней надолго. Он провел весь остаток дня на этой площадке и около нее, сидя на низенькой табуретке, пока слуги подносили ему одну за другой кедровые шкатулки, наполненные редчайшими драгоценностями. Шкатулки ставили у его ног и читали список находившихся там сокровищ.

Невозможно представить себе, что такие сокровища когда-либо удавалось собрать в одном месте и в одно время. Перечисление находившихся там предметов не может дать представления о богатстве и разнообразии драгоценностей. Тем не менее для начала я могу сказать,

что в кедровых шкатулках лежало шесть тысяч четыреста пятьдесят пять отдельных ювелирных изделий. Неутомимый труд ювелиров непрерывно увеличивал количество драгоценных украшений.

Были там кольца как для рук, так и для ног фараона, амулеты и талисманы, золотые фигурки богов и богинь, золотые ожерелья, браслеты, нагрудные медальоны и пояса с инкрустированными изображениями сокола, стервятника и других существ, населяющих землю, воздух и реку. Были там короны и диадемы, украшенные лазуритом, гранатом, агатом, сердоликом, яшмой и прочими чудесными камнями, столь дорогими сердцу цивилизованного человека.

Мастерство, с которым были задуманы и изготовлены украшения, стало кульминацией тысячелетней истории ювелирного искусства. Часто народы создают прекраснейшие произведения именно в период упадка. Когда империи растут, народы заняты войной и накоплением богатства. Только достигнув вершины, они находят время и желание развивать искусство, и, что, пожалуй, еще важнее, в них появляются богатые и влиятельные люди, готовые покровительствовать художникам.

Вес золота и серебра, уже использованного для изготовления катафалка и погребальной маски, а также всего умопомрачительного собрания сокровищ, превосходил пятьсот тахов. Потребовалось бы пятьсот крепких мужчин, чтобы поднять его. Я подсчитал, что это составляло одну десятую веса всех драгоценных металлов, когда-либо добытых в нашей стране за ее тысячелетнюю историю. И царь намеревался забрать эти сокровища с собой в могилу.

Как могу я, смиренный раб, сомневаться в цене, которую каждый готов заплатить за право вечной жизни? Собирая сокровища, царь одновременно не прекращал войны с самозванцем Севера. Одного этого было достаточно, чтобы повергнуть Египет в нищету.

Нет ничего удивительного в том, что Тан назвал поборы сборщиков податей в числе ужаснейших бед народных. Ведь все мы словно зажаты в тисках между бандами разбойников, безнаказанно рыщущих по нашей стране за пределами городов, и сборщиками податей внутри городских стен. Бремя это столь тяжело, что никто не способен его вынести. Если хочешь выжить, постарайся избежать сетей сборщика податей. Вот так, повергая нас в нищету ради собственного величия, царь одновременно обращал нас в преступников. Очень немногие из нас, великих и малых, богатых и бедных, могли спать спокойно. Все мы просыпались в ужасе, когда во сне нам чудился стук колотушки сборщика податей.

О горестная и обездоленная земля, как стонешь ты под тяжким бременем!

В Некрополе на западном берегу Нила приготовили роскошные покои, где царь проведет ночь неподалеку от места своего последнего упокоения в черных холмах Сахары.

Некрополь – Город мертвых – был почти столь же обширен, как и Карнак. Он стал домом для всех, кто строил и содержал в порядке погребальный храм и царскую усыпальницу. Здесь находился целый отряд личной стражи фараона, которая должна была охранять священные места, так как и узурпатор Севера, и князья разбойников пустыни, наглевшие с каждым днем, жаждали сокровищ нашего скупого царя. Сокровищницы погребального храма притягивали разбойников в обоих царствах, да и за их пределами.

Кроме стражи, здесь находились бригады ремесленников и художников с их учениками, а им тоже нужно было где-то жить. Я отвечал за учет выдачи жалованья и довольствия, поэтому точно знал, сколько их было в городе. Последний раз жалованье выплатили четырем тысячам восьмистам одиннадцати ремесленникам. Помимо них в городе находилось более десяти тысяч рабов, занятых на различных работах.

Я не стану утомлять себя перечислением быков, овец, которых приходилось забивать каждый день на прокорм населения Некрополя. Я не буду говорить, сколько корзин с рыбой

доставлялось с Нила и сколько тысяч кувшинов вина каждый день утоляли жажду работников, не покладая рук трудившихся под зоркими взглядами и быстрыми кнутах надсмотрщиков.

Некрополь был настоящим городом, и в этом городе стоял дворец для царя. С чувством облегчения отправились мы в тот дворец на ночь, поскольку день утомил нас, но для меня отдыха по-прежнему не предвиделось.

Я попытался пройти к госпоже Лостре, но казалось, будто все сговорились не пускать меня к ней. Сначала она была занята туалетом, по словам маленьких черных служанок, затем принимала ванну, потом отдыхала, и ее нельзя было беспокоить. В конце концов я не дождался. Меня вызвали к ее отцу, я не мог больше оставаться в прихожей и поспешил к своему господину.

Когда я вошел в спальню, вельможа Интеф отпустил всех присутствующих. Как только мы остались одни, он поцеловал меня, и я снова был поражен его добродушием и обеспокоен торжествующим видом. Я редко заставлял его в таком настроении, и это всегда предвещало беду.

– Как часто дорога к власти и богатству пролегает в самом неожиданном месте! – со смехом сказал он мне и погладил по лицу. – На этот раз она пролегает между ногами женщины. Не надо, мой милый, не надо разыгрывать невинность. Я знаю, с какой хитростью ты провернул это. Фараон сам мне рассказал, как ты соблазнил его, пообещав наследника. Клянусь Сетом, ну и хитер же ты! И ты не проронил ни слова о своих планах. Сам решил осуществить заговор?

Он снова рассмеялся и потянул локон моих волос, намотав его на палец.

– Ты, наверное, давно догадался о самом заветном моем желании, хотя мы никогда открыто о нем не говорили. И решился помочь мне. Разумеется, мне следовало бы наказать тебя за такую самонадеянность. – Вельможа потянул за волосы, и слезы потекли у меня из глаз. – Но как могу я гневаться на тебя за то, что ты положил мне в руки двойную корону Египта? – Он отпустил мои волосы и снова поцеловал меня. – Я только что вернулся от царя. Через два дня на завершающей церемонии праздника Осириса он объявит об обручении моей дочери Лостры с ним.

Я почувствовал, как у меня потемнело в глазах и холодный пот выступил на коже.

– Свадьба состоится в тот же день, после окончания праздника, я об этом уже позаботился. Мы ведь не хотим, чтобы задержка помешала нам, правда?

Такое стремительное бракосочетание фараона случалось редко. Однако бывало это и раньше, когда невест выбирали, чтобы заключить политический союз или упрочить захват новых территорий. Свадьба часто проходила в тот же день, когда принималось решение о ней. Фараон Мамос I, предок нашего теперешнего фараона, женился на дочери побежденного вождя хурритов прямо на поле боя. Однако исторические прецеденты не могли утешить меня, и я понял, что худшие из моих опасений сбываются.

Вельможа Интеф, казалось, не заметил моего горя. Он был слишком поглощен собственными мыслями.

– Прежде чем дать согласие на этот союз, я добился, чтобы царь возвел мою дочь в ранг главной жены и супруги, если она подарит ему сына. – И захлопал в ладоши, не скрывая восторга. – Разумеется, ты понимаешь, что это значит. Если фараон умрет раньше, чем мой внук достигнет совершеннолетия, я, как его дед и ближайший родственник по мужской линии, стану правителем... – Он вдруг остановился и посмотрел на меня. Я хорошо знал его и сразу понял, какие мысли роились у него в голове. Он горько сожалел о своей болтливости, так как никто не должен слышать о подобных желаниях. Это чистейшей воды измена. Если Лостра родит фараону сына, отец его проживет недолго. Мы оба поняли это. Вельможа Интеф проговорился: он задумал царевубийство и теперь размышлял, как убрать того, кто подслушал его. Мы оба прекрасно поняли это: речь шла о смиренном рабе Таите.

– Мой господин, я благодарю судьбу за то, что все произошло именно так, как я задумал. Признаюсь, я тайно хотел подставить вашу дочь царю и описал как мать его будущего сына. Я воспользовался мистерией, чтобы показать ее фараону в наивыгоднейшем свете и привлечь к ней внимание. Однако я не осмеливался заговорить с вами о таких ничтожных пустяках до тех пор, пока они не увенчаются успехом. Теперь нам нужно сделать очень многое, прежде чем мы почувствуем себя в безопасности... – Я начал быстро перечислять все, что может сорвать наши планы и помешать завладеть короной и золотым скипетром Египта. Я тактично дал ему понять, насколько он нуждается во мне, если хочет добиться своего. Я заметил, как он расслабился, выслушав мои доводы, и мне стало ясно: в ближайшее время моей жизни ничто не угрожает.

Прошло довольно много времени, прежде чем я смог уйти от вельможи Интефа и отправиться к госпоже Лостре, чтобы предупредить о несчастье, ожидающем ее по моей вине. Однако не успел я дойти до дверей, как понял, что мои слова только расстроят ее и могут довести до безумия и даже самоубийства. Я не мог больше терять ни минуты, если не хотел ускорить трагическую развязку.

Оставался только один человек, к кому я мог обратиться за помощью.

Я покинул Некрополь и пошел по буксирной тропе к берегу Нила, туда, где встала лагерем флотилия Тана. До полнолуния оставалось только три дня, луна освещала холодным желтым светом скалистые холмы на западном горизонте, и они отбрасывали черные тени на прибрежную равнину. Спеша по тропе вдоль канала, я перечислял про себя все те беды и несчастья, которые могут обрушиться на Тана, госпожу Лостру и меня в ближайшие дни. Я злил себя, как черногривый лев пустыни, когда тот разжигает в себе ярость острым шипом на кончике хвоста, прежде чем наброситься на охотника. Ярость запылала во мне задолго до того, как я добрался до берега Нила.

Я без труда нашел лагерь Тана на берегу реки в устье канала. Ладьи его флотилии стояли на якоре чуть ниже лагеря. Часовые окликнули меня, а затем, узнав, отвели к шатру Тана.

Он засиделся поздно за ужином с Кратом и четырьмя другими подчиненными. С улыбкой поднялся на ноги и предложил мне кувшин пива.

– Вот неожиданная радость, дружище. Садись рядом и оцени мое пиво, пока раб принесет тебе чашу и тарелку. Ты выглядишь совсем разгоряченным и расстроеным...

Я оборвал любезные речи, обрушив на него поток укоров:

– Пошел ты к Сету, большой бесчувственный дурак. Как ты не можешь понять, в какое опасное дело ты нас втянул? И все из-за твоего бабьего языка... Хоть бы раз ты подумал о безопасности и благополучии моей госпожи! – По правде говоря, я не хотел начинать так грубо, но, открыв рот, почувствовал, что больше не могу управлять своими чувствами, и весь страх и беспокойство, накопившиеся во мне, излились в потоке оскорблений. Не то чтобы слова мои были справедливы, но мне стало легче, когда я выговорился.

Лицо Тана переменилось, и он поднял руки, как будто стараясь загородиться от меня.

– Ну вот, ты застал меня врасплох. Я безоружен и не могу защититься от такого смертоносного нападения. – Он пытался шутить в присутствии своих подчиненных и с натянутой улыбкой схватил меня за руку и вывел из палатки в темноту, а потом потащил за пределы лагеря в открытое пшеничное поле. Я бежал за ним, как ребенок, не в силах вырваться из могучих пальцев, которые привыкли держать меч и огромный боевой лук, его Ланату. – Ладно, давай выкладывай! Рассказывай, что могло так испортить тебе настроение.

Я все еще злился, но теперь страх пересиливал злость, и язык мой снова заговорил без всякого стеснения.

– Я полжизни потратил на то, чтобы защитить тебя от твоей же собственной глупости, и мне это надоело. Ты хоть что-нибудь понимаешь в жизни? Неужели ты в самом деле поверил, что тебе разрешат безнаказанно уйти после вчерашнего проступка?

– Ты говоришь о моей речи? – Он казался озадаченным и отпустил мою руку. – Как ты можешь называть это проступком? Все мои подчиненные, с кем бы я ни разговаривал, считают, что я все сказал правильно, и все мною восхищаются.

– Дурак, разве ты не понимаешь, что мнение твоих подчиненных и друзей гнилой рыбы не стоит в этом мире? Будь у нас более сильный фараон, ты уже был бы мертв, но даже и этот слабый и колеблющийся старик не может позволить тебе остаться безнаказанным после твоей наглой речи. Трон стоит гораздо больше твоей жизни. Тебе придется платить по счетам, Тан, вельможа Харраб! И Гор знает: счет этот будет велик.

– Ты говоришь загадками. Я оказал царю большую услугу. Он окружен льстивыми жабами, которые кормят его ложью, думая, что именно это фараон хочет слышать. Правда должна порадовать его. В глубине души я знаю: когда он подумает как следует, то будет мне благодарен.

Мой гнев начал улетучиваться перед простой и крепкой верой в торжество добра.

– Тан, милый друг мой, как же ты наивен! Никто из живущих на земле людей не будет благодарен за нелицеприятную правду, которую вколачивают ему в уши. Но ты и без этого сыграл на руку вельможе Интефу.

– Вельможе Интефу? – Тан уставился на меня. – А что в этом плохого? Ты говоришь так, как будто он мой враг. Великий визирь был лучшим другом моего отца. Я знаю, что могу довериться ему и он защитит меня. Он поклялся моему отцу, когда тот лежал на смертном одре...

Я увидел, что, несмотря на хорошее настроение и нашу дружбу, он начал сердиться на меня, может, даже первый раз в своей жизни. Я знал также: в гневе Тан страшен, хотя разозлить его довольно трудно.

– О, Тан! – Я наконец обуздал свой гнев. – Я был несправедлив к тебе, я должен был столько тебе рассказать, но не сделал этого. Все совсем не так, как ты думаешь: я, трус, не мог рассказать, что Интеф был смертельным врагом твоего отца.

– Как может это быть правдой? – Тан покачал головой. – Они же были друзьями, лучшими друзьями. В самых первых моих воспоминаниях отец и Интеф смеются рядом друг с другом. Отец говорил мне, что я могу доверить свою жизнь вельможе Интефу.

– Благородный Пианки, вельможа Харраб, правда верил в это. Но это стоило ему состояния и даже самой жизни, которую он доверил Интефу.

– Нет-нет, ты глубоко ошибаешься. Мой отец стал жертвой цепи несчастий...

– И каждое из этих несчастий было подготовлено вельможей Интефом. Он завидовал твоему отцу, его добродетелям и любви народа к нему, завидовал его богатству и влиянию на фараона. Понимал, что вельможа Харраб будет назначен великим визирем гораздо раньше его самого, и ненавидел за это.

– Я не могу поверить тебе, я не могу заставить себя поверить. – Тан покачал головой.

Последние остатки моего гнева улетучились.

– Я все тебе объясню. Как давно я должен был сделать это! Я предоставлю все необходимые доказательства. Но сейчас у нас нет времени. Ты должен довериться мне. Вельможа Интеф ненавидит тебя так же, как он ненавидел твоего отца. И ты, и госпожа Лостра в опасности. Вам грозит не просто смерть – вы можете потерять друг друга навеки.

– Но разве это возможно? – спросил Тан в смятении. Его потрясли мои слова. – Я думал, вельможа Интеф согласился на наш союз. Разве ты не говорил с ним?

– Да, говорил! – вскричал я, схватил Тана за руку и засунул ее себе под плащ. – Вот его ответ. Пощупай рубцы, оставленные кнутом! Он выпорол меня только за то, что я попытался заговорить о браке между тобой и госпожой Лострой. Вот как он ненавидит тебя и твою семью.

Тан уставился на меня, потеряв дар речи, и я понял, что он наконец поверил мне и теперь я могу обратиться к тому предмету, который владел моими мыслями гораздо больше

его несвоевременной речи или кровной вражды великого визиря, что продолжалась на протяжении стольких лет.

– Выслушай меня, дорогой друг, и соберись с духом. Самое трудное впереди. – С ним нельзя говорить иначе, и мне пришлось прямо сказать ему все. – Вельможа Интеф не только не согласился на ваш брак, но этой же ночью он дал клятву отдать руку своей дочери другому. Она должна немедленно выйти замуж за фараона Мамоса и, после того как подарит ему сына, станет его главной женой и супругой царя. Царь сам объявит об этом в конце праздника Осириса. Бракосочетание состоится в тот же вечер.

Тана закачало, и в лунном свете его лицо побледнело, как у покойника. Долгое время мы оба были не в силах произнести хоть слово, а потом Тан повернулся и пошел от меня по полю. Я следовал за ним, не выпуская его из виду, пока он не увидел кучу черных камней и не уселся на нее с усталым видом старика. Я тихо приблизился к нему и сел рядом, чуть пониже. Я намеренно молчал, пока он не вздохнул и не спросил:

– А Лостра согласилась на этот брак?

– Конечно нет. Она наверняка ничего еще не знает. Неужели ты можешь хоть на мгновение поверить, что ее возражения будут чего-то стоить против воли отца и желания фараона? Сейчас ее слова ничего не значат.

– Что же нам делать, старина?

Несмотря на свою горе, я был благодарен ему за это «нам», так как оно включало меня в число его друзей.

– У нас есть только одна возможность, – предупредил я его. – В тот же вечер, когда фараон объявит о бракосочетании с госпожой Лострой, он прикажет заключить тебя под стражу или, что еще хуже, подпишет приговор о смертной казни. Царь слушает вельможу Интефа, и тот убедит его. А повод у него для этого найдется. Тебя обвинят в попытке мятежа.

– Я не хочу жить без Лостры и не хочу другой жены. Если царь отнимет ее у меня, пусть забирает мою голову как свадебный подарок. – Он сказал это без всякой театральности, и мне с трудом удалось разыграть гнев и презрение.

– Ты говоришь как старая жалкая старуха, которая отдает себя в руки судьбы и даже не пытается бороться. Как ты можешь говорить о прекрасной и бессмертной любви, если ты не хочешь бороться за нее?

– Как можно бороться с царем и богом? – тихо спросил Тан. – С царем, которому ты дал клятву верности, и богом, который так же далек и недоступен для смертного, как солнце.

– Как царь он недостоин твоей верности. Ты же ясно показал это в своей речи. Он слабый, сомневающийся старик, который разделил два царства и заставил нашу родину обливаться кровью, стоя на коленях.

– А как быть с богом? – тихо переспросил Тан, как будто его не интересовал мой ответ, хотя я знал, что он был очень религиозным человеком, как и многие великие воины.

– С богом? – Я постарался говорить издевательски. – В твоей руке с мечом гораздо больше божественной силы, чем во всем его маленьком слабом теле.

– Так что же ты предлагаешь? – спросил он обманчиво тихо. – Чего же ты от меня хочешь?

Я перевел дыхание и выпалил:

– Твои подчиненные, твои воины пойдут за тобой в подземное царство. Народ обожает тебя за смелость и честность... – Я остановился, потому что лицо его в лунном свете не предвещало ничего хорошего.

Тан молчал. Я успел насчитать по крайней мере двадцать ударов собственного сердца, прежде чем он мягко приказал мне продолжать:

– Говори, говори все.

– Тан, ты станешь благороднейшим фараоном нашей родины, нашей Та-Мери, за последнюю тысячу лет. Вместе с госпожой Лострой ты сможешь повести страну и весь народ к былому

величию. Призови свои отряды и иди со своими людьми по насыпи туда, где находится этот фараон, беззащитный и легкоуязвимый. К восходу солнца ты станешь правителем Верхнего царства. Через год ты победишь узурпатора, и оба царства воссоединятся. – Я вскочил на ноги и встал к нему лицом. – Тан, вельможа Харраб, твоя судьба и любимая женщина ждут тебя. Бери же их в свои руки, могучие руки воина!

– Да, у меня руки воина. – Он поднял руки и посмотрел на них. – Эти руки воевали за отчизну и защищали ее законного царя. Ты оказываешь мне плохую услугу, старина. Это не руки предателя, а душа моя – не душа богохульника, который попытается сбросить с трона бога и погубить его, чтобы занять его место в пантеоне.

Я застонал в отчаянии:

– Ты станешь величайшим фараоном за последние пятьсот лет. Тебе не придется объявлять себя богом, если сама мысль об этом оскорбляет тебя. Сделай же это, умоляю тебя, ради Египта и ради женщины, которую мы оба любим!

– А сможет ли Лостра любить предателя так, как она любила воина и патриота? Не думаю. – Он покачал головой.

– Она будет любить тебя, несмотря ни на что...

Но Тан оборвал меня:

– Тебе не убедить меня. Лостра – женщина чести и добродетели. Стань я предателем и вором, я потеряю право на ее уважение. А кроме того, не смогу уважать себя или считать достойным ее нежной любви, если сделаю то, к чему ты меня побуждаешь. А это для меня не менее важно. Не говори больше об этом, если ценишь нашу дружбу. Я не требую себе двойной короны и никогда не посягну на нее. Да услышит меня Гор, и да отвернется он от меня, если я когда-нибудь нарушу эту клятву.

Дело было кончено. Я так хорошо знал его, этого большого дикого осла, которого я тем не менее любил всем своим сердцем. И он действительно сказал то, что думал, и сдержит свое слово любой ценой.

– Так что же ты будешь делать, упрямец? – в ярости спросил я. – Что бы я ни говорил, ты не желаешь меня слушать. Все хочешь сделать сам? Или ты стал настолько мудрым, что можешь обойтись без моего совета?

– Я охотно приму твой совет, если он будет разумным. – Он протянул руку и посадил меня рядом с собой. – Подожди, Таита, нам нужна твоя помощь. Она нужна и мне, и Лостре как никогда раньше. Не бросай нас! Помогите нам найти честный выход из создавшегося положения.

– Боюсь, такого нет, – вздохнул я. Мысли мои метались, как щепки в быстрых водах Нила. – Если ты не желаешь надевать на свою голову корону, тебе нельзя оставаться здесь. Ты должен взять Лостру на руки и унести ее прочь.

Он уставился на меня:

– Покинуть Египет?! Ты не можешь говорить об этом серьезно. Это же мой мир. И мир Лостры.

– Нет! – заверил я его. – Я имел в виду другое. В Египте есть еще один фараон. Тому фараону тоже нужны воины и честные люди. Ты можешь многое предложить такому царю. Твоя слава в Нижнем царстве нисколько не меньше, чем здесь, в Карнаке. Возьми Лостру на палубу «Дыхания Гора», и пусть твоя ладья полетит вниз по течению. Ни один корабль не догонит тебя. Через десять дней при попутном ветре ты будешь при дворе красного фараона в Мемфисе и дашь ему клятву верности...

– Клянусь Гором, ты все равно хочешь сделать меня предателем, – резко оборвал он меня. – Дать клятву верности узурпатору, так ведь? Тогда как же быть с клятвой, которую я дал фараону Мамосу? Разве она ничего не значит для меня? Что я за человек такой, если могу давать клятвы верности каждому царю или отщепенцу, который попадает у меня на пути?

Клятвами нельзя торговать или брать их назад, их дают на всю жизнь. Я дал клятву верности только настоящему фараону Мамосу.

– Тому самому настоящему фараону, который хочет жениться на твоей любимой и прикажет удавить тебя веревкой, – угрюмо подсказал я ему, и это наконец его поколебало.

– Ты прав, конечно, нам не следует оставаться в Карнаке. Но я не могу стать предателем и нарушить клятву верности, подняв меч против своего царя.

– Твое чувство чести слишком сложно для меня. – Я не смог удержаться от издевки. – Насколько я понимаю, оно готово убить нас всех. Ты сказал мне, чего не хочешь делать. А теперь скажи мне, чего ты хочешь и как спасти госпожу Лостру от ее ужасной судьбы.

– Да, старина, у тебя есть полное право сердиться на меня. Я просил тебя о помощи и совете, ты дал мне их, но я их презрел. Прошу тебя, побудь со мной еще немного. – Тан вскочил на ноги и начал ходить вокруг кучи камней, как леопард в зверинце фараона, и бормотать что-то себе под нос, качая головой и сжимая и разжимая кулаки, будто готовился напасть на врага.

Наконец он остановился передо мной:

– Я не готов к предательству, но с тяжелым сердцем я могу представить себя трусом. Если Лостра согласится бежать со мной, я повторяю, если только она согласится, я готов. Я увезу ее с этой земли, которую мы оба так любим.

– Куда ты отправишься?

– Я знаю, Лостра не сможет покинуть нашу реку. Эта река – не только ее жизнь, но и моя. У нас остается одно место, куда можно бежать. – Он поднял правую руку, и мышцы его заблестели в лунном свете. И показал на юг. – Мы отправимся вверх по Нилу, вглубь Африки, в земли Куша и дальше. Мы пойдем за пороги, в неисследованные земли, где еще не ступала нога цивилизованного человека. Возможно, там, если боги будут добры к нам, мы построим себе новую Та-Мери.

– Кто отправится с тобой?

– Крат, разумеется, и те из военачальников и воинов, кто жаждет приключений. Я обращусь к ним с речью сегодня ночью и позволю им сделать выбор. Мне, наверное, понадобится ладей пять с командами. Мы должны быть готовы отправиться на рассвете. Ты вернешься в Некрополь и приведешь сюда Лостру.

– А я? – тихо спросил я. – Меня вы с собой возьмете?

– Тебя? – Он засмеялся. Теперь, когда решение принято, его настроение снова поднялось, как сокол взлетает с перчатки охотника. – А ты и правда сможешь бросить свой сад и книги, свои мистерии и строительство храмов? Путешествие будет трудным и опасным. Ты действительно хочешь этого, Таита?

– Я не могу отпустить вас одних. Кто же будет удерживать тебя от глупостей? А какие опасности будут угрожать моей госпоже? Если меня не окажется рядом, я не смогу направлять вас.

– Ладно! – Он хлопнул меня по спине. – Пошли. Я не сомневался, что ты пойдешь с нами. Знаю, Лостра, во всяком случае, без тебя никуда не отправится. Хватит болтать. Нам есть чем заняться. Прежде всего скажем Крату и другим о наших намерениях и позволим им сделать выбор. Затем тебе нужно будет отправиться в Некрополь и привести Лостру, пока я занимаюсь приготовлениями к путешествию. Я пошлю с тобой дюжину своих лучших воинов, но вы должны поторопиться: уже за полночь, и третья стража началась.

Я, конечно, глупый романтик. Когда мы за этими разговорами спешили обратно в лагерь у устья канала, я пришел в такое восторженное состояние, что мое чувство опасности притупилось. Тан первым заметил угрожающее движение в лунном свете впереди нас. Он схватил меня за руку и потянул за суковатое дерево.

– Вооруженный отряд, – прошептал он, и я заметил блеск бронзовых наконечников. Отряд большой – человек тридцать или сорок, наверное. – Видимо, это разбойники или раз-

ведчики из Нижнего царства, – пробурчал Тан, который, как и я, был встревожен поведением этих людей. Они не шли по буксирной тропе вдоль канала, а осторожно крались по полю, разворачиваясь так, чтобы окружить лагерь Тана на берегу реки. – Сюда! – Опытный глаз воина быстро нашел мелкий овражек, который вел к реке, и Тан потащил меня туда. Мы спрыгнули в него и бегом направились к лагерю. Тан выскочил из оврага и громким воплем поднял на ноги лагерь: – К оружию! Синие, ко мне! Стройся вокруг меня!

Это был боевой клич стражи Синего Крокодила, и его немедленно подхватили сотники идесятники отряда. Лагерь закипел. Люди, спавшие у огня, вскочили на ноги и расхватали сложенное оружие, а шатры их начальников, казалось, взорвались, будто те не спали, а напряженно ждали зова Тана. С мечами в руках они заняли места в строю, и я увидел Крата впереди всех.

Я был изумлен быстротой их действий, хотя и знал, что это испытанные в бою ветераны. Не успел я толком перевести дух, как они уже построились в колонны, прикрылись щитами наподобие панциря гигантской черепахи и выставили длинные копья в темноту. Неизвестный отряд наверняка был перепуган шумом и приготовлениями к бою. И хотя я по-прежнему мог разглядеть блеск оружия и силуэты людей во мраке ночи, смертоносная атака, которой мы боялись, так и не началась.

Как только воины Тана построились, он приказал выступать. Мы часто спорили с ним о превосходстве атаки над обороной, и теперь его войско плотным строем двинулось вперед, готовое броситься в атаку по команде Тана. Зрелище это, наверное, было ужасающим, так как скоро из темноты раздался голос. В нем слышались панические нотки.

– Мы воины фараона и идем по его приказу. Остановитесь!

– Стойте! Но будьте начеку! – Тан остановил продвижение и спросил: – Какому фараону служите? Красному узурпатору или истинному фараону Мамосу?

– Мы служим истинному царю, божественному Мамосу, правителю Верхнего и Нижнего царств. Я посланец царя.

– Выйди вперед, посланец царя, который крадется в ночи как вор! Выйди вперед и скажи, зачем ты послан! – предложил Тан и вполголоса сказал Крату: – Будь готов к предательству. Воздух полон лжи. Зажги костры, нам нужен свет.

Крат отдал приказ, и тут же на пылающие угли бросили связки сухого хвороста. Пламя взметнулось вверх, и темнота отступила. В красноватом сиянии костров из темноты выступил вожак неизвестного отряда и прокричал:

– Мое имя Нетер, лучший из десяти тысяч! Я начальник личной стражи фараона. Я держу соколиную печать, и мне приказано задержать и поместить под стражу Тана, вельможу Харраба.

– Клянусь Гором, он лжет и не краснеет! – прорычал Крат. – Ты же не мошенник, за которым охотятся стражники. Он оскорбляет и тебя, и весь отряд. Дай нам разделаться с ними, и я суну эту печать ему в задницу.

– Стой! – Тан сдержал его. – Пусть скажет все. – Он снова заговорил громко: – Командир Нетер, покажи печать.

Нетер поднял над головой печать. Это была маленькая статуэтка царственного сокола из блестящего голубого фарфора. Печать со знаком сокола была личным знаком фараона. Ее обладатель имел право приказывать, эти действия и приказы имели силу указов самого фараона. Под страхом смерти никто не должен был сомневаться в его правоте или мешать ему. Обладатель печати нес ответственность только перед самим фараоном.

– Я Тан, вельможа Харраб, – произнес Тан. – Я признаю печать.

– Господин, господин, – горячо зашептал Крат, – не отправляйся к фараону. Ты идешь на верную смерть. Я говорил с другими командирами. Весь отряд встанет за тебя, да что я говорю, все войско фараона встанет за тебя. Скажи только слово, мы сделаем тебя царем раньше, чем взойдет солнце.

– Мои уши глухи к твоим словам, – мягко сказал Тан, но таким угрожающим тоном, что его слова значили больше, чем вопль или рык. – Но только сейчас, Крат, сын Майдума. Если ты еще раз заговоришь со мной о предательстве и измене, я сам доставлю тебя слугам фараона, и пусть его гнев обрушится на тебя.

Он отвернулся от Крата, взял меня за руку и отвел в сторону.

– Поздно, старина. Боги воспротивились нашему предприятию. Я должен довериться здравому смыслу царя. Если он действительно бог, то сможет заглянуть в мое сердце и увидеть, что в нем нет зла. – Он еще раз коснулся моей руки, и этот легкий жест значил больше, чем теплые объятия. – Отправляйся к Лостре и расскажи, что случилось и почему это случилось. Скажи ей, что я люблю ее и, что бы ни произошло, буду любить и в этой, и в следующей жизни. Скажи ей, что я буду ждать ее до конца жизни и до конца вечности, если понадобится.

Затем Тан сунул свой меч в ножны и с пустыми руками направился к обладателю соколиной печати.

– Я готов выполнить приказ царя, – просто сказал он.

Воины за его спиной засвистели и заворчали, загревели мечами по щитам, но Тан обернулся и взглядом успокоил их, а потом вышел вперед. Охрана царя окружила его, и они трусцой поспешили в Некрополь по буксирной тропе вдоль канала.

Лагерь был переполнен разгневанными, озлобленными молодыми воинами, когда я покинул его и последовал за Таном и сопровождавшими его стражниками. Вернувшись в Некрополь, я направился прямо в покои госпожи Лостры. К своему огорчению, обнаружил, что они уже пусты и только три маленькие служанки с обычной томной ленью собирали остатки вещей в большой сундук кедрового дерева.

– Где ваша госпожа? – строго спросил я.

Старшая и самая дерзкая из них поковыряла в носу и уклончиво ответила:

– Там, где тебе не достать ее, евнух. – Остальные захихикали. Все они ревновали меня к госпоже Лостре.

– Отвечай прямо, или я выпорю твою наглую задницу, маленькая плутовка. – Я уже несколько раз делал это, поэтому она сдалась и угрюмо пробормотала:

– Ее забрали в гарем фараона, там твое влияние бессильно. Хоть у тебя и нет яиц, стража не пустит тебя к женщинам царя.

Конечно, она была права, но все же следовало попытаться. Теперь я буду нужен госпоже как никогда.

Как я и опасался, стража у входа на женскую половину царя была неумолима. Они знали, кто я, но им был дан приказ никого не допускать к Лостре, даже самых близких членов ее свиты.

Я потратил золотое кольцо и такой дорогой ценой смог добиться только одного: один из стражников обещал передать мою записку. Я написал ее на небольшом клочке папируса, легкомысленно пытаясь подбодрить госпожу. Я не осмелился рассказать ей все и тем более о том, какая опасность грозила Тану. Не мог даже называть его имени, но мне нужно было как-то заверить ее, что он любит и защитит. Однако эта вынужденная трата золота оказалась напрасной. Как я узнал позже, Лостра не получила записки. Неужели в нашем предательском мире и в самом деле никому нельзя доверять?

Я больше не видел ни Тана, ни госпожу Лостру до самого вечера последнего дня праздника Осириса.

Праздник заканчивался в храме Осириса. И снова, казалось, все население Фив собралось во дворе храма. Народ стоял так плотно, что от жары трудно было дышать. Я чувствовал себя отвратительно, так как мало спал в последние две ночи из-за множества тревог и хло-

пот, свалившихся на мою голову. Не считая неопределенности в судьбе Тана, вельможа Интеф возложил на меня тяжелое бремя организации бракосочетания царя и его дочери, а здесь мои обязанности противоречили моим желаниям. Вдобавок ко всему я был разлучен со своей госпожой и с трудом переносил разлуку. Не знаю, как пережил эти два дня. Даже мальчишки-рабы начали беспокоиться за меня. Они заявляли, что я никогда не выглядел так плохо, да и настроение мое никогда не было таким скверным.

Дважды во время речи фараона, которая показалась мне бесконечной, я чувствовал, что теряю равновесие и вот-вот упаду в обморок. Однако заставлял себя держаться, пока царь монотонным голосом произносил прописные истины и полуправды, пытаясь скрыть настоящее положение дел в царстве и умиротворить народ.

Как и следовало ожидать, он ни разу не упомянул красного фараона Севера или гражданскую войну, развязанную в стране, если не считать таких туманных выражений, как «наши смутные времена» или «дезертирство» и «мятеж». Однако, прислушавшись, я внезапно понял, что он говорит о том же, о чем упоминал Тан в своей речи, и даже пытается найти средство против каждого из упоминаемых зол.

Правда, делал это, как обычно, неумело и неуверенно. И все же он запомнил то, что говорил Тан, и это придало мне силы и заставило сосредоточиться на словах фараона. Я постарался протиснуться через толпу, чтобы получше разглядеть трон и его самого. К тому времени, когда мне это удалось, царь говорил о наглости и дерзости рабов и о непорядочности низших слоев общества. Тан упоминал об этом в своей речи. Решение фараона меня изумило.

– Отныне владелец раба может наказывать его за дерзость пятьюдесятью ударами кнута, не обращаясь к властям за разрешением.

Я улыбнулся, вспомнив, как этот же фараон чуть было не разрушил само государство двенадцать лет назад, объявив нечто прямо противоположное сразу после восшествия на трон. Он еще был полон добрых идей и решился полностью уничтожить древний, честный и благородный институт рабства. Хотел выпустить на свободу всех рабов в Египте и сделать каждого раба свободным человеком.

Даже теперь, через столько лет, я не могу понять, что заставило его пойти на такой неразумный шаг. Я считал рабство и порабощение крестьян институтами, на которых основано величие наций. Отбросы общества не могут править. Управление страной можно доверить только тем, кто был рожден и воспитан в готовности управлять другими. Свобода – это привилегия, а не право. Толпе нужен сильный властелин. Если его не будет, в стране воцарится анархия. Абсолютный монарх, рабство и порабощение крестьян – вот три опоры, на которых держится наше государство и которые позволили нам стать цивилизованными людьми.

Было очень поучительно наблюдать, как рабы сами взбунтовались, почуввав перспективу насильно стать свободными. Я был еще молод в то время, но и меня это очень встревожило: кому хочется быть выброшенным из своего теплого и безопасного убежища на половине мальчиков, чтобы добывать крохи на пропитание в мусорных кучах с толпой других освобожденных рабов? Плохой господин лучше, чем никакой.

Конечно, такой глупый поступок поверг все царство в хаос. Войско было на грани мятежа. Если бы красный фараон Севера воспользовался тогда беспорядком, история страны была бы совершенно иной. В конце концов наш фараон поспешно отменил ошибочный указ об освобождении рабов и сумел удержаться на троне. Теперь же, чуть более десяти лет спустя, он вводил усиленные наказания рабов за дерзость. Это было так характерно для нашего вечно колеблющегося и вечно ошибающегося фараона! Я сделал вид, будто вытираю пот со лба, чтобы скрыть улыбку. Это была первая улыбка, появившаяся на моем лице за последние два дня.

– С этого дня нанесение увечья самому себе с целью избежать военной службы будет строго наказываться, – монотонно продолжал царь. – Всякий молодой человек, который тре-

бует освобождения от военной службы, должен будет предстать перед судом из трех военачальников, из коих хотя бы один должен быть в ранге не ниже начальника сотни.

На этот раз на моем лице появилась улыбка одобрения, неохотного, но одобрения. Хоть раз фараон пошел по правильному пути. Я с наслаждением погляжу, как Менсет и Собек покажут свои кисти рук с отрезанными большими пальцами какому-нибудь ветерану речных войн. С каким нежным сочувствием он их выслушает!

– Штраф за этот проступок составит тысячу золотых колец.

Клянусь круглым пузом Сета, это заставит молодых красавчиков вздрогнуть, а вельможе Интефу придется заплатить штраф от их имени!

Несмотря на все тревоги, я почувствовал, что настроение мое улучшается. Фараон продолжал:

– С нынешнего дня каждая блудница, занимающаяся своим ремеслом в общественном месте, если это место не отведено для таких занятий властями, будет наказываться штрафом в десять золотых колец.

На этот раз я едва сумел сдержать смех. Вот так благочестивый Тан постарался превратить всех мужчин Фив в честных и аскетичных граждан. Мне стало интересно, как солдаты и моряки, отправляющиеся в увольнение, отнесутся к подобному вмешательству в их развлечения. Ум фараона, как обычно, прояснился ненадолго. Каждый дурак знает, что бессмысленно законодательным путем управлять половыми потребностями людей.

Несмотря на сомнения в мудрости нашего царя, я почувствовал, что мной овладевает какой-то восторженный трепет. Очевидно, царь очень серьезно отнесся ко всему, о чем говорил Тан в своей речи. Сможет ли он теперь обвинить Тана в подстрекательстве к мятежу? Однако фараон еще не закончил.

– До моего сведения было доведено, что некоторые чиновники нашего государства злоупотребляют моим расположением и постами, которые я доверил им. Эти чиновники, занимающиеся сбором податей и управлением имуществом, обязаны будут представить отчет о своей деятельности. Если их признают виновными в расхищении имущества и взяточничестве, они будут немедленно осуждены на смерть через удушение.

Народ заволновался, люди недоверчиво зашептались: неужели царь действительно хочет обуздать своих сборщиков податей?

Затем в задних рядах раздался крик:

– Велик наш фараон! Да здравствует фараон! – Крик был подхвачен толпой, и храм зазвонел от восторженных криков.

Царь совершенно не ожидал таких восторгов со стороны присутствующих, по крайней мере так скоро. Даже мне со своего места вдали от трона было видно, что ему это понравилось. Хмурое лицо, казалось, чуть-чуть просветлело, словно двойная корона перестала давить лоб. Теперь я был уверен, что у Тана есть шанс избежать удавки палача.

Когда крики восторга наконец смолкли, царь продолжил. И как обычно, свел на нет все, чего смог добиться.

– Моему доверенному лицу, великому визирю вельможе Интефу, поручается лично провести расследование деятельности всех государственных чиновников. Ему будут даны полномочия обыскивать жилища и заключать под стражу их самих. Он будет дарить жизнь или смерть.

На этот раз одобрительные крики были лишь слабым эхом предыдущих восторгов. Я воспользовался ими, чтобы скрыть издевательскую усмешку. Фараон посылал голодного леопарда в курятник считать цыплят. То-то вельможа Интеф позабавится в царской сокровищнице! А какое перераспределение доходов произойдет, когда мой господин начнет разбирать дела и доить сборщиков податей, вытягивая из них тайные сбережения!

У нашего фараона был редкий дар уничтожать или разрушать самые благородные чувства и намерения своим неумелым правлением. Мне стало интересно, какую еще глупость он совершит, и не пришлось долго ждать.

– Довольно долгое время меня беспокоили беззакония, творящиеся в Верхнем царстве и угрожающие жизни и имуществу честных подданных. Я решил заняться этими вопросами, когда придет срок. Однако недавно мне напомнили о них столь несвоевременно и вредоносно, что это походило на подстрекательство к мятежу. И произошло это под прикрытием праздника Осириса. Однако праздник божества не может защитить изменника и богохульника, который осмелился оскорбить своими нападка на личность и божественную природу царя. – Фараон сделал многозначительную паузу.

Было ясно, что он говорит о Тане, и я снова критически отнесся к его суждениям. Сильный фараон не стал бы объяснять причины своих поступков народу или пытаться завоевать его одобрение. Он бы просто произнес приговор, и дело было бы кончено.

– Я, разумеется, имею в виду Тана, вельможу Харраба, который исполнял роль великого бога Гора в мистерии Осириса. Тан был заключен под стражу по обвинению в подстрекательстве к мятежу. Мнения моих советников по поводу его вины разделились. Есть среди них люди, которые хотят, чтобы он понес высшую меру наказания... – Я увидел, как вельможа Интеф, стоявший рядом с тронном, на какое-то мгновение отвел глаза. Я укрепился в мысли, что он возглавлял тех, кто хотел казнить Тана. – Но есть среди них и те, кто считает, что речь на празднике была вдохновлена божественными силами и говорил не Тан, вельможа Харраб, а истинный голос великого бога Гора, который решил указать нам на эти недостатки. Если это действительно так, то смертный, чьим голосом бог решил говорить, не может нести ответственности за свои поступки.

Доводы его были справедливы. Однако фараон, достойный двойной короны Египта, не должен объяснять свои действия толпе простых воинов, моряков, крестьян, торговцев и рабов, большинство которых еще не оправилось от чересчур обильных возлияний и ночного веселья. Пока я размышлял над этим, царь дал приказ начальнику личной стражи, стоявшему под тронном. Я узнал в нем Нетера, человека, которого посылали за Таном. Нетер красивым шагом отошел от трона и через мгновение вернулся с Таном из святилища в задней части зала.

Сердце мое забилося при виде друга, а затем радость и надежда проснулись в моей душе, когда я заметил, что он не связан, а на ногах нет цепей. У Тана не было оружия и знаков отличия, а одет он был в белую полотняную одежду. Он шел обычной упругой походкой, легко и грациозно, и, если не считать заживающей раны на лбу, оставленной мечом Расфера, на нем не было никаких отметин. Его не били и не пытали. С ним не обращались как с осужденным.

Но скоро мои надежды разлетелись на мелкие кусочки. Тан простерся ниц перед тронном, а когда поднялся, фараон строго взглянул на него и заговорил безжалостным голосом:

– Тан, вельможа Харраб, тебя обвиняют в измене и подстрекательстве к мятежу. Я нахожу, что ты виновен в обоих преступлениях, и приговариваю тебя к смерти через удушение – обычному наказанию изменника.

Когда Нетер набросил на шею Тана пеньковую веревку, чтобы пометить его как осужденного на смерть, люди, увидевшие это, застонали, какая-то женщина зарыдала, и очень скоро храм наполнился воплями и плачем. Никогда еще объявление смертного приговора не сопровождалось такими горестными криками. Ничто не могло более ясно показать ту любовь, которую люди испытывали к Тану. Я рыдал вместе с ними, слезы лились из моих глаз и водопадом струились на грудь.

Телохранители царя набросились на толпу, избивая людей древками длинных копий, пытаясь заставить плачущих замолчать. Но все было тщетно. Я заорал через головы людей:

– Смилуйся, великодушный фараон! Смилуйся над благородным Таном!

Какой-то стражник ударил меня копьем по голове, и я, полуоглушенный, упал на землю, но крик мой подхватили:

– Смилуйся, умоляем тебя, о божественный фараон!

Страже пришлось приложить немало усилий, чтобы восстановить хоть какое-то подобие порядка. Многие женщины по-прежнему всхлипывали.

Только когда фараон заговорил снова, все замолчали, и каждый четко расслышал его слова.

– Осужденный на смерть жаловался на беззакония в моем царстве. Он призывал трон искоренить шайки разбойников, разоряющих нашу страну. Осужденного называли героем, многие считают его могучим воином. Если это правда, он, как никто другой, подходит для выполнения задачи, о которой говорил сам.

Народ в смущении замолчал, а я быстро смахнул слезы с лица и стал внимательно вслушиваться в каждое слово фараона.

– Смертный приговор откладывается на два года. Если осужденный действительно был вдохновлен Гором, когда говорил свою подстрекательскую речь, бог поможет ему справиться с задачей, которую я поручаю ему.

Воцарилась гробовая тишина. Никто из нас, казалось, не был в состоянии понять, что сказал фараон; надежда и отчаяние в равной мере наполняли мою душу.

По знаку царя один из его министров выступил вперед и подал ему на подносе маленькую голубую статуэтку. Фараон поднял ее и объявил:

– Я вручаю вельможе Харрабу соколиную печать фараона. Власть этой печати разрешает ему вербовать любого человека и брать любой военный материал, который сочтет нужным. Он может использовать все, что захочет, и никто не вправе мешать. На два года он становится человеком царя и будет отвечать только перед царем. В конце этого периода, в последний день праздника Осириса, снова предстанет перед троном с петлей смертника на шее. Если не сможет выполнить мое поручение, петля эта затянется и он будет удушен на том самом месте, где сейчас стоит. Если справится с ним, я, фараон Мамос, собственной рукой сниму петлю с его шеи и заменю ее золотой цепью.

По-прежнему никто из присутствующих не осмелился ни шевельнуться, ни произнести слово. Все смотрели на фараона, который сделал традиционное движение плетью и посохом.

– Тан, вельможа Харраб, я поручаю тебе стереть с лица земли шайки разбойников и грабителей, которые наводят ужас на все Верхнее царство Египта. За два года ты должен восстановить мир и порядок в моем царстве. Не оправдаешь доверия – пеняй на себя.

Все собравшиеся взревели, и звук этот был похож на удары волн о скалистый берег моря. Пока толпа бездумно ликовала, я оплакивал свою судьбу. Подвиг, которого требовал фараон от Тана, был слишком велик для смертного. Никто не выполнил бы его. Тень смерти по-прежнему висела над Таном; я понял, что через два года в этот день он умрет там, где стоит сейчас, молодой, сильный и гордый.

Как потерявшийся ребенок стояла она посреди огромной толпы. Позади нее была река, ее божество и покровитель, а впереди – море человеческих лиц.

Длинные полотняные одеяния, ниспадавшие до лодыжек, были окрашены в цвет лучшего вина краской, полученной из моллюсков, и цвет этот обозначал ее девственность. Распущенные волосы опускались на плечи мягкой темной волной, словно сиявшей собственным светом в лучах солнца. Поверх светящихся локонов она надела свадебный венок из белых речных лилий с лепестками неземного голубоватого цвета и золотой сердцевиной.

Лицо было бледным, как свежесмолотая пшеничная мука. Когда я увидел огромные темные глаза, мое сердце чуть не разорвалось от боли: я вспомнил ту самую маленькую девочку, которая много лет назад просыпалась в моих объятиях, дрожа от страха после приснившегося

кошмара; мне приходилось зажигать лампу и сидеть рядом на кровати, пока она не засыпала снова. Однако сейчас я не мог помочь ей, так как этот кошмар происходил на самом деле.

Я не мог подойти к ней: жрецы и стража фараона окружали ее и, как и во все эти дни, не разрешали мне приблизиться. Она была навсегда потеряна для меня, моя маленькая девочка, и мысль об этом была невыносима.

Жрецы построили свадебный навес из речного тростника на берегу Нила, и госпожа Лостра ждала там прихода своего жениха, который должен был забрать ее в свой дом. Рядом с ней стоял отец. На шее у него висело «Золото похвалы», и улыбка кобры играла на его лице.

Наконец под торжественный бой барабанов и бляение рогов появился царственный жених. Свадебный марш показался мне самой печальной мелодией на земле.

На фараоне был немес. В руках он держал скипетр. Однако, несмотря на торжественность и знаки царского отличия, он по-прежнему оставался маленьким старым человеком с круглым животиком и скучным лицом. Я не мог не сравнивать его с другим женихом, который мог бы встать под навесом рядом с моей госпожой, если бы боги были добрее к ним обоим.

Приближенные фараона и высшие чиновники государства такой плотной толпой шли за ним, что я потерял из виду мою госпожу. Хотя именно я организовывал каждый шаг свадебной церемонии, мне было запрещено в ней участвовать, и я только мельком видел госпожу Лостру во время бракосочетания.

Верховный жрец храма Осириса вымыл руки и ноги невесты и жениха водой, только что зачерпнутой из Нила, – это символизировало чистоту их союза. Затем царь отломил кусочек от ритуальной пшеничной лепешки и отдал его молодой невесте как клятву верности. Я на миг увидел лицо госпожи, когда он положил ей в рот хрустящую корочку. Она не могла ни прожевать, ни проглотить ее, а стояла так, словно в рот положили камень.

Потом ее снова загородили, и только когда я услышал треск разбитого кувшина, в котором было свадебное вино, – жених, выпив вино, разбил кувшин мечом, – понял, что дело сделано и Лостра навсегда разлучена с Таном.

Толпа под навесом раздалась, и фараон вывел свою новую невесту на край помоста, чтобы представить народу. Народ показал свою любовь к госпоже Лостре восторженным хором приветствий, который гремел и гремел, пока в ушах у меня не зазвенело, а голова не закружилась.

Мне хотелось уйти из этой давки, выбраться из толпы и отправиться к Тану. Я знал, что его выпустили из-под стражи и он снова на свободе, однако на церемонии его не было. Наверное, это был единственный человек в Фивах, который не пришел на берег Нила. Я знал: где бы он ни был сейчас, я очень нужен ему. Так же как и он нужен мне. Только вдвоем мы могли утешить друг друга в этот трагический день. Но я не мог оторваться от тяжелого зрелища. Мне нужно было досмотреть его до самого конца.

Наконец вельможа Интеф вышел вперед, чтобы попрощаться со своей дочерью. Крики постепенно смолкли. Он обнял Лостру.

Словно живой труп стояла она в его объятиях. Руки бессильно висели по бокам, а лицо было бледным как смерть. Отец выпустил ее из своих объятий и, взяв за руку, повернулся лицом к собравшимся, чтобы предложить дочери последний, положенный по обычаю дар. Дар этот не входил в приданое, которое целиком доставалось жениху. Только знать соблюдала этот обычай, так как его назначением было дать невесте независимые средства к существованию и доход.

– Теперь, когда ты покидаешь мой дом и лишаешься моей защиты, отправляясь в дом своего мужа, я хочу дать тебе последний подарок, дар разлуки, по которому ты навсегда запомнишь меня, своего любящего отца.

Я с горечью подумал, что нельзя было придумать слов, меньше всего соответствующих истине, так как вельможа Интеф никогда и никого не любил. Однако он произносил древние слова, как будто действительно испытывал эти чувства.

– Проси у меня все, чего ни пожелаешь, любимое дитя. Я ни в чем не могу отказать тебе в этот радостный день.

Обычно отец и дочь тайно договариваются о размере подарка до церемонии бракосочетания. В нашем же случае вельможа Интеф однозначно объявил дочери, на что она может рассчитывать. Он оказал мне честь, обсудив этот вопрос со мной за день до свадьбы, прежде чем сообщить Лостре о своем решении.

– Я не хочу выглядеть мотом, но, с другой стороны, мне нельзя показывать фараону, будто я скупец, – вслух размышлял он. – Дам ей, скажем, две тысячи золотых колец и пятьдесят федданов земли, но только не на самом берегу Нила.

С моей подсказки он в конце концов решил дать ей пять тысяч золотых колец и сто федданов превосходной орошаемой земли, так как это был более подходящий подарок царской невесте. По его указанию я уже написал дарственную на эти земли и отложил золото из тайного хранилища, где мой господин держал его подальше от глаз сборщиков податей.

Дело было решенное. Лостре оставалось только произнести просьбу перед женихом и гостями свадьбы. Но она стояла отрешенная, бледная и молчаливая и, казалось, ничего не видела и не слышала.

– Говори же, дитя мое. Чего ты хочешь? – Нотки отеческой любви зазвучали несколько натянуто, и вельможа Интеф подергал дочь за руку, чтобы привести ее в чувство. – Ну же, скажи отцу, что он может сделать для того, чтобы счастье этого дня стало полным.

Госпожа Лостра вздрогнула, словно пробуждаясь от ужасного сна. Она повела глазами вокруг себя, и слезы показались у нее на глазах, готовые заструиться по щекам. Открыла рот, чтобы заговорить, но вместо слов из горла послышался тонкий писк раненой птички. Она закрыла рот и помотала головой, не в силах произнести ни слова.

– Ну же, дитя, говори. – Вельможа Интеф уже с трудом сдерживался, но по-прежнему сохранял на лице выражение отеческой любви. – Назови же мой свадебный дар, и я дам его тебе, чего бы ты ни желала.

С усилием, которое было заметно даже мне, несмотря на расстояние, разделявшее нас, Лостра взяла себя в руки, и, когда она открыла рот, ее голос зазвенел над нашими головами, как струны лиры. В толпе не осталось ни одного человека, кто не расслышал бы каждого слова.

– В качестве свадебного дара отдай мне раба Таиту!

Вельможа Интеф отшатнулся от нее, как будто она вонзила ему в живот кинжал. В ужасе смотрел он на нее. Его рот открывался и закрывался, не произнося ни звука. Только он и я знали настоящую цену подарка, которого требовала Лостра. Даже он, со всеми его именами и сокровищами, собранными за длинную жизнь, не мог себе позволить заплатить за бракосочетание с царем такую цену.

Он быстро пришел в себя. Выражение лица снова стало спокойным и благодушным, но губы были поджаты.

– Ты слишком скромна, милая дочь. Один-единственный раб – неподходящий подарок для невесты фараона. Такая скупость претит моей природе. Я бы предпочел, чтобы ты приняла в дар что-нибудь стоящее, скажем две тысячи золотых колец и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.